КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXVII.

1902 г.

АПРѢЛЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. КЪ БИБЛІОГРАФІИ Н. Н. КОТЛЯРЕВСКАГО. *Ник. Василенка* . . . . . 1—5
II. ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ. (Окончаніе). . . . . 6—24
III. ПІДЪ ТИХЫМЫ ВЕРБАМЫ. (Окончаніе). *Б. Гринченка.* . . . . . 25—109
IV. ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Продолженіе слѣдуетъ). *В. Милорадовича.* . . . . . 110—135
V. ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ. (Продолженіе). . . . . 136—158
VI. РАЗГРАБЛЕНІЕ БОЛЬШОГО КУРГАНА „ОГІОЗЪ" БЛИЗЪ С. НИЖНИХЪ-СѢРОГОЗЪ, МЕЛИТОПОЛЬСКАГО УѢЗДА. *П. Г. Неймана.* . . . . . 159—172

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Малороссійская легенда въ обработкѣ Н. И. Костомарова и гр. Л. Н. Толстого. *В. Б-ма*; б) Погибшая библіотека: в) Архитекторъ Мостипановъ; г) Полуботокъ въ „оковахъ"; д) Купчая на домъ въ Кременчугѣ, 1654 года; е) Парубоцкія громады въ Полт. губ.; ж) Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края: з) Поясненіе. . . . . 1—19
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ. . . . . 19—34
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Проф. И. И. Филевичъ. По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей. *Н М.*; б) „Памятная книжка Волынской губ. на 1902 г.". Изданіе Волын. губ. Стат. комитета *Л. С. Л.*; в) Родословная книга Черниговскаго дворянства. *А. Л.*; г) Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. *Н. Б*; д) Обзоръ журналовъ текущаго года; е) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 35—68
III. АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛѢТОПИСЬ . . . . . 69—79

Дозволено цензурою. Кіевъ, 8 марта 1902 года.

Къ біографіи И. П. Котляревскаго.

Въ «Отечественныхъ Запискахъ», издававшихся Павломъ Свиньинымъ 1830 г. въ апрѣльскомъ номерѣ (ч. 42) помѣщены небольшія путевыя замѣтки о Полтавѣ. Кому онѣ принадлежатъ, неизвѣстно; но однажды было высказано даже мнѣніе, что авторомъ ихъ былъ Н. В. Гоголь [1]).

Въ этихъ путевыхъ замѣткахъ, теперь уже всѣми, навѣрно, забытыхъ, къ тому же еще многимъ и малодоступныхъ, находимъ слѣдующій отзывъ ихъ автора объ И. П. Котляревскомъ:

«Чай пилъ у Котляревскаго, который живетъ въ дѣдовскомъ домѣ, доселѣ еще весьма крѣпкомъ, не смотря, что деревянный. Древность его доказывается перекладиною, на которой начертано славянскими буквами, что хата сія во славу Божію построена въ 1707 году [2]).

Котляревскій было приготовилъ изданіе IV части Энеиды съ забавными рисунками, но тотъ, которому поручилъ онъ изданіе оныхъ, вѣроятно, затерялъ ихъ. Я совѣтовалъ ему приложить

---

[1]) «Опытъ біографіи Н. В. Гоголя» Современникъ 1854 г., № 2 стр. 79.

[2]) О судьбѣ домика И. П. Котляревскаго въ настоящее время см. Кіев. Ст. 1884 г., кн. X, стр. 352—353; Кіев. Ст. 1891 г., кн. VI. стр. 485—486; Историч. Вѣст. 1897 г., кн. XII, стр. 943—947 и Кіев. Ст. 1898 г., іюль—августъ, стр. 152—154.

толкованіе многихъ словъ, кои означаютъ разные малороссійскіе обычаи въ значеніи историческомъ, нынѣ совершенно измѣнившіеся или вовсе исчезнувшіе.

Изъ бесѣды съ симъ единственнымъ малороссійскимъ поэтомъ можно получить много новыхъ и любопытныхъ свѣдѣній касательно духа и характера его земляковъ, которыхъ постигъ онъ совершенно, и кои болѣе всѣхъ народовъ, составляющихъ наше отечество, сохранили оригинальности въ характерѣ, нарѣчіи, нравахъ, обычаяхъ и во всемъ, чѣмъ только могутъ различествовать между собою одно поколѣніе отъ другого».

Вѣроятно, подъ вліяніемъ бесѣдъ съ И. П. Котляревскимъ у автора вылилась изъ-подъ пера слѣдующая характеристика малорусскаго народа, его характера и языка [1]): «Своими наружными качествами, лицомъ, окладомъ, стройностію стана, лѣнью и беззаботностію малороссіяне болѣе сходны съ роскошными обитателями Азіи, но не имѣютъ тѣхъ буйныхъ, неукротимыхъ страстей, свойственныхъ поклонникамъ исламизма: флегматическая безпечность, кажется, служитъ имъ защитою и преградою отъ неспокойныхъ волненій, и часто изъ-подъ густыхъ бровей ихъ блеститъ огонь; пробивается смѣлый европейскій умъ; жаркая любовь къ родинѣ и чувства пламенныя, одѣтыя первоначальною простотою, помѣщаются въ груди ихъ. Эта простота доходитъ нерѣдко до излишества и даетъ право ихъ обманывать и проводить; она породила множество забавныхъ анекдотовъ, исполненныхъ чертами истиннаго добродушія. Напримѣръ: три козака спрятались отъ многочисленной ватаги татаръ, ихъ преслѣдовавшихъ, одинъ за стогъ сѣна, стоявшій на лугу, другой подлѣзъ подъ плотину, третій вскарабкался на дерево. Татары, увидя стогъ, сошли съ лошадей и начали рвать сѣно для корму руками. Долго сидѣлъ казакъ за стогомъ, сильно чесался у него языкъ, смотря на неловкость татарскую, наконецъ не вытерпѣлъ, чтобъ не ска-

---

[1]) Вѣроятность эта еще болѣе усиливается тѣмъ, что характеристика эта слѣдуетъ *непосредственно* за описаніемъ посѣщенія авторомъ И. П. Котляревскаго въ его домикѣ.

зать: «та возьмы хоть вылы, що онъ-онъ стоять край хаты! Хто-жъ такы смыче сино рукамы?» Татары обрадовались нечаянной находкѣ, схватили по долгомъ сопротивленіи козака и начали вязать его, какъ вотъ слышатъ голосъ другого, сидѣвшаго подъ плотиною: «ей, не піддавайся землякъ!» Третій, который былъ несравненно старѣе и благоразумнѣе прочихъ, видя горькую участь своихъ товарищей, происшедшую отъ собственной ихъ безразсудности, произнесъ такимъ голосомъ, отъ котораго всѣ татары приподняли вверхъ головы: «дурни, дурни, и чого-бъ такы крычать?—мовчать бы було уже обоимъ». Другой анекдотъ такого же рода, случившійся тоже во время татаръ, можетъ вмѣстѣ служить примѣромъ необыкновенной доброжелательности и учтивости малороссіянъ, которое, кажется, всѣмъ имъ врождено. Одинъ спрятался отъ преслѣдованія татаръ въ тростникѣ, росшемъ около болота. Увидя, что татаринъ нагнулся и пьетъ воду, онъ забылъ и осторожность, и опасность своего положенія, и произнесъ довольно громко: «здоровъ бувъ, пывъ»—привѣтствіе, обыкновенное у малороссіянъ, когда они видятъ человѣка, пьющаго воду.

Языкъ малороссійскій довольно звученъ, не смотря на то, что принялъ много грубыхъ татарскихъ словъ, и къ церковному славянскому гораздо ближе, нежели русскій. Находясь подъ вліяніемъ Польши и Литвы, онъ во многихъ мѣстахъ, особливо въ пограничныхъ, потерпѣлъ большое измѣненіе. Полтава можетъ назваться столицею его; здѣсь онъ въ первоначальной чистотѣ своей, безъ посторонней примѣси, звучитъ по хуторамъ и селамъ. При приближеніи къ Чернигову, онъ замѣтно начинаетъ портиться, за Черниговымъ измѣняется въ литвинскій, въ Кіевѣ смѣшивается съ польскимъ, а за Кіевомъ совершенно исчезаетъ (sic). Обороты его и фразы, поименованіе цѣлаго изрѣченія однимъ лаконическимъ словомъ, частыя междометія и мѣстоименія, покажутся непонятными даже и для иностранца: это происходитъ большею частію отъ того, что всякій малороссіянинъ думаетъ, что говорящій съ нимъ непремѣнно долженъ понимать его: въ подтвержденіе этого разсказывали одинъ случай, когда помѣщикъ въ довольно затруднительномъ дѣлѣ совѣтовался со своимъ му-

жикомъ и требовалъ, чтобы тотъ сказалъ свои мысли. «Та воно, добродію—отвѣчалъ мужикъ, по глубокомъ раздумьи—воно бачыте й тее, такъ опьять же й тее—и снова углубился въ мысли.— Множество уменьшительныхъ именъ и глаголовъ дѣлаютъ его способнымъ къ выраженію чувствъ нѣжныхъ и кроткихъ, но мелодія его болѣе всего ощутительна въ пѣсняхъ, въ этомъ прекрасномъ достояніи народа, гдѣ онъ выразился съ малѣйшими измѣненіями и оттѣнками во дни тревогъ и мгновеннаго спокойствія, поперемѣнно его волновавшихъ. Невыразимая скорбь, навѣваемая ими, кажется пронизываетъ насквозь душу; тоска и болѣзненныя жалобы, какъ будто о невозвратной утратѣ счастья, усиливаемыя воспоминаніемъ, составляютъ ихъ характеръ. Въ нихъ вы не встрѣтите, такъ какъ въ русскихъ пѣсняхъ, мечтательности и надежды любовника, ожидающаго свою любезную, но безнадежный плачъ матери или сестры, подъ которыми аллегорически всегда разумѣли малороссіяне свою отчизну, разлучающихся съ сыномъ или братомъ, идущимъ на вѣрную смерть.—Способность малороссіянъ къ пѣнію и музыкѣ удивительна; извѣстно, что лучшіе пѣвцы наши суть большею частію изъ Малороссіи, которую справедливо называютъ русскою Италіею». [1])

Авторъ посѣтилъ въ Полтавѣ, между прочимъ, и губернскую гимназію. Она находилась въ 1830 году тамъ, гдѣ находится теперь женская гимназія, въ домѣ, который занимался прежде почтамтомъ. Отсюда и названіе улицы—Почтамтской? «При гимназіи,— продолжаемъ дальше словами автора,—находится благотворительное заведеніе или пансіонъ на 100 дворянъ, въ томъ числѣ 30 пансіонеровъ, кои платятъ по 250 рублей за свое содержаніе, пищу и ученіе; а на казенныхъ отпускается только по 100 рублей, и за всѣмъ тѣмъ дѣти содержатся очень хорошо, одѣты опрятно въ губернскіе мундиры, постели у нихъ чистыя, всѣмъ вещамъ запасной цейхгаузъ! Секретъ сей состоитъ въ порядкѣ и неусыпномъ попеченіи директора онаго заведенія Ивана Петровича Кот-

[1]) Отеч. Зап. 1830 г., ч. 42, стр. 30—37.

ляревскаго, извѣстнаго писателя на малороссійскомъ нарѣчіи, а равнымъ образомъ въ дешевизнѣ всѣхъ жизненныхъ припасовъ. При гимназіи есть довольно изрядный минеральный кабинетъ, коего лучшіе штуфы подарены графомъ Викторомъ Павловичемъ Кочубеемъ и отличаются тѣмъ, что съ одной стороны ошлифованы, а съ другой оставлены въ натуральномъ видѣ». [1])

Ник. Василенко.

[1]) Отечеств. Зап. т. 42, стр. 26—27.

ПИСЬМА П. А. КУЛИША КЪ А. Ѳ. КИСТЯКОВСКОМУ.

(Окончаніе [1]).

29.

Москва. 1877, янв. 3.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Былъ здѣсь О. И. Левицкій и сообщилъ мнѣ, что въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ Синодальной библіотеки нашелъ онъ интересную для него лѣтопись. Я самъ готовъ былъ идти въ сіе книгохранилище, и уже запасся рекомендаціею со стороны вліятельныхъ людей. Безъ сомнѣнія, сборникъ Ореста Ивановича не ускользнулъ бы отъ моего вниманія. Онъ не сказалъ мнѣ ни номера рукописи, ни примѣтъ: но когда я наконецъ пришелъ въ Синодальную библіотеку, эта рукопись очутилась у меня въ рукахъ первою. Не знаю, какъ поступили бы Вы на моемъ мѣстѣ; но я тотчасъ же приступилъ къ извлеченіямъ изъ нея того, что́ нужно для печатаемаго мною сборника матеріаловъ. Особенно для меня интересны башибузуки-козаки, списанные съ натуры человѣкомъ, очевидно, преданнымъ русской церкви и народности.

---

[1]) См. Кіевск. Стар. № 3.

Дожидаться, пока Юзефовичъ вытребуетъ рукопись въ Кіевъ, и пока кіяне воспроизведутъ ее печатно,—значило бы отложить и для себя и для публики удовольствіе знать правду среди того сумбура, котораго напустили въ исторію господа козакоманы. Церковная унія также получаетъ болѣе яркое освѣщеніе изъ синодальнаго сборника. Не могу скрыть отъ Васъ удовольствія, что мною кое-что угадано по соединенію въ умѣ разбросанныхъ въ документахъ данныхъ, такъ что для меня лично въ сказаніяхъ неизвѣстнаго современника весьма немногое представляетъ новость. Какъ бы то ни было, но мои извлеченія появятся въ I-мъ томѣ Матеріаловъ для Ист. Возс. Р. подъ заглавіемъ «Сказанія современника о событіяхъ такихъ-то годовъ». Любители показныхъ изданій могутъ и послѣ меня напечатать всю лѣтопись,—тѣмъ болѣе, что она, какъ я думаю, не остановитъ ихъ отъ истолкованія данныхъ въ пользу разбойныхъ элементовъ русскаго общества, по готовымъ уже обращикамъ историческихъ воззрѣній. Не пропадать же труду Микешина надъ памятникомъ Хмельницкому! Да и Юзефовичу не приходится отказаться отъ героя, которому его душа столь родственна! Наша эпоха оставитъ по себѣ не одинъ памятникъ умственнаго варварства, передъ которымъ станетъ въ тупикъ соціологія. Но шутки въ сторону. Пожалуйста оправдайте меня, если это возможно, передъ О. И. Левицкимъ. Онъ мнѣ очень понравился. Увѣрьте его, что я выше «суетной слáвицы», и напечатаю извлеченія изъ Сборника единственно для того, чтобы лучъ истины поскорѣе проникъ во мракъ южно-русской исторіографіи

Съ пріѣздомъ Александры Михайловны, я веду свѣтскую жизнь. но къ счастью здѣсь обѣдаютъ поздно, и великіе паны, поглощающіе своими приглашеніями мое время, избавляютъ меня за то отъ работы при свѣчахъ, отъ которой воздержаться иначе не было бы силъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

30.

1877, янв. 8. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Я неточно выразился о юриспруденціи, и за то наказанъ вызванными у Васъ въ ея пользу аргументами. Но за Вашу «откровенность», согласно Вашему желанію, «извиняю» Васъ. Вашей науки я не могу не знать, потому что наука *одна*. Я не знаю Вашей спеціальности въ наукѣ—это такъ; но меня утѣшаетъ въ моемъ невѣжествѣ то, что каждый казуистъ знаетъ въ ней больше того, кто принадлежитъ даже къ двигателямъ науки. Отъ этого и выходитъ, что человѣкъ ничтожный торжествуетъ надъ приложеніемъ Вашей науки къ огражденію честныхъ людей отъ безчестныхъ. Со всею Вашею спеціальною эрудиціею Вы съ нимъ ничего не въ состояніи сдѣлать. Но оставимъ это.

Ухъ!!... Теперь поздравляю Васъ и съ тремя кутьями, и съ новымъ годомъ отъ себя лично и отъ А. М.,—и Васъ, и Александру Ивановну.

Недавно я писалъ къ Вамъ о рукописи, обрѣтенной мною въ Синод. библіотекѣ. Она преинтересна, и именно въ томъ отношеніи, что возвращаетъ насъ къ понятіямъ, существовавшимъ объ исторіи до появленія украинофильства. Надѣюсь, что письмо мое о синодальной рукописи дошло до Васъ.

Въ Москвѣ намъ живется хорошо. Славные люди москвичи. Лучше петербуржцевъ. Тѣ какіе-то бездушные! Когда пріѣдете сюда работать, я увѣренъ, что Вы со мною согласитесь.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

31.

1877, янв. 15. Москва.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Собственно *лѣтопись* довольно обширна, и кіянамъ будетъ, что̀ въ ней грызть; но переписчикъ оной, дописавши отъ Рюрика до 1563 года, сдѣлалъ то, что̀ внушаетъ старецъ Пименъ (у Пушкина) послушнику своему Григорію: сталъ ее продолжать, какъ очевидецъ событій, и продо́лжилъ до 1608 года. Имя продолжателя не извѣстно, но можно думать, что онъ придворный попъ владѣльца городка Боркулабова, пана Боркулаба-Корсака, старосты дисенскаго, ротмистра королевскаго, а потомъ—его наслѣдника.

Чтобъ не забыть: я послалъ къ Вамъ совѣтуемое Вами прошеніе мое Левицкому, для передачи. Не зналъ его адреса.

Вотъ этотъ-то конецъ я и хочу напечатать подъ заглавіемъ: Боркулабовская хроника. Она интересна всего больше со стороны бытовой. Паны являются въ ней сотрудниками Стефана Баторія по цивилизаціи края, хотя не знаютъ иного просвѣщенія, кромѣ православнаго. Они колонизуютъ пустыню, отвоеванную у Москвы. Они тщательно хозяйничаютъ. Они, для привлеченія народа на слободы, строятъ церкви и интересуются тѣмъ, что̀ тайкомъ отъ порядочныхъ людей и не взирая на мѣщанъ, затѣваютъ архіереи. Впрочемъ ихъ хата съ краю, какъ это было свойственно шляхетнымъ представителямъ Рѣчи Посполитой. Не видать угнетенія крестьянъ, да оно было и невозможно. Вопросъ объ угнетеніи вообще требуетъ пересмотра. Жестокіе для крестьянина законы вынуждались такими поступками подданныхъ, какими и въ наше время вынуждаются строгія постановленія. Нѣтъ надобности законодателю быть жестокимъ безъ необходимости. Я не вижу, почему землевладѣлецъ долженъ былъ быть хуже въ качествѣ пана, чѣмъ безземельникъ—въ качествѣ хлопа. Если вѣкъ создавалъ тиранію въ высшемъ сословіи, то тотъ же вѣкъ дѣйствовалъ соотвѣтственно и на низшее. Мы надъ мужикомъ

разжалобились, якъ Богъ надъ ракомъ. У мужиковъ не было политическихъ правъ, такъ у нихъ было право силы, право инерціи, право безсмысленнаго отношенія къ добровольно принятымъ на себя обязательствамъ. Вотъ Боркулабъ заводитъ колоніи и дѣлаетъ все доброе, что бы привлечь жителей. Почему онъ сдѣлается непремѣнно тираномъ, когда осадники высидятъ волю? И почему высидѣвшіе волю непремѣнно такъ будутъ поступать, какъ обѣщались? Человѣкъ грамотный и бывалый черезъ 20 лѣтъ сдѣлается звѣремъ, а человѣкъ неграмотный и полудикій не будетъ дѣлать ничего, вызывающаго строгіе законы! Но я заговорился съ Вами. Въ печати я буду молчаливѣе и ограничусь лишь нѣсколькими замѣчаніями, а въ свое время и въ своемъ мѣстѣ призову боркулабовскаго лѣтописца въ свидѣтели.

Писалъ я, что нашелъ еще одну лѣтопись. Она не велика, т. е. нѣсколько листковъ, но это другой Самовидецъ. Я предлагаю припечатать ее къ Самовидцу. Писана въ Хмелевѣ, тоже, должно быть, попомъ.—Да, въ Москвѣ хорошо!

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

32.

Москва. 1877, янв. 24.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Левицкій писалъ ко мнѣ о своемъ согласіи на мои извлеченія изъ синодальной рукописи, а я совѣтовалъ ему выписать ее въ Кіевъ, для разсмотрѣнія, не слѣдуетъ ли издать всей лѣтописи, изъ которой я заимствовалъ только конецъ, писанный ея продолжателемъ. При этомъ я отправилъ къ нему лѣтопись, мною самимъ открытую, для напечатанія при Самовидцѣ.

Что духовенство возымѣло первое мысль присоединенія Малороссіи и было главнымъ, можно сказать, единственнымъ двигателемъ присоединенія, въ этомъ удостовѣряютъ и открытыя мною бумаги, и всѣ другія историческія свидѣтельства. Вопросъ

этотъ дѣйствительно интересенъ, особенно по своей связи съ политическою дѣятельностью сѣверныхъ руссовъ, начавшеюся со временъ Іоанна Ш. Если-бы я дожилъ до 2-го изданія первыхъ томовъ моей исторіи, то началъ бы ее ab ovo и освободилъ бы себя отъ тяжкаго сознанія поверхностности сихъ двухъ томовъ. Для изображенія Московской Руси въ экономическомъ и бытовомъ отношеніи, я нашелъ матеріалы тамъ, гдѣ ихъ не слѣдовало искать, именно въ рукописяхъ, изданныхъ Мухановымъ, Археографическою коммиссіею и наконецъ Соловьевымъ, въ его исторіи. Всѣ они снимали сливки съ древнихъ рукописаній и оставили безъ вниманія все недипломатическое. Я много уже списалъ. Остальное спишу въ свое время; а теперь занятъ работами текущими.

Бодянскій напечаталъ только предположенія Разумовскаго объ основаніи университета въ Батуринѣ; о прошеніи же, поданномъ Екатеринѣ II, ни онъ, ни я даже и не слыхали. Это важное открытіе! Ожидаемъ съ нетерпѣніемъ.

Внушите кому слѣдуетъ, что Лѣтопись Самовидца, тотчасъ по напечатаніи, должна быть послана и Бодянскому. Я прошу моего экземпляра не обрѣзывать. Не терплю обрѣзанныхъ безъ переплета книгъ. Недавно прислалъ мнѣ Старицкій переводъ сербскихъ думъ въ этакомъ неприличномъ видѣ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

33.

Москва. 1877, февр. 26.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

3-й т. моей исторіи будетъ допечатанъ черезъ недѣлю, потомъ пройдетъ недѣля для брошюровки, да еще недѣля для цензуры и другихъ проволочекъ. I-й т. Матеріаловъ допечатанъ до половины. Его слѣдовало бы выпустить прежде 3-го т. Исторіи, но онъ выйдетъ послѣ. Иначе пришлось бы выпустить Исторію, когда

всѣ разъѣдутся изъ столицъ. Такъ наша русская пичъ пече! Съ 1-го сентября началъ я толковать о немедленномъ печатаніи съ пріятелемъ, и пріятель, оставаясь правъ и святъ, дотянулъ выпускъ книги до весны!

Александра Мих. вмѣстѣ со мною усердно кланяется Вамъ и Александрѣ Ивановнѣ.

Въ Москвѣ по прежнему жить весьма пріятно. Костомаровъ опять здѣсь. А. М. возобновила знакомство съ его женою, прерванное на 30 лѣтъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

34.

Москва. 1877, марта 5.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

За обиліе скорописныхъ словесъ благодарю зѣло благоутробіе Ваше. Но крестьянскій вопросъ въ Польшѣ, паки реку, требуетъ пересмотра. Что касается до козацкихъ займищъ, то оныя можно разсматривать съ точки зрѣнія государственнаго права и съ точки зрѣнія автономической. Послѣдняя подлежитъ соціологическому разсмотрѣнію, и безъ сомнѣнія найдетъ прилежнаго работника. Но какъ различно ни понимался бы вопросъ, мы должны освободиться отъ предвзятой идеи, которая у каждаго, или почти у каждаго изъ насъ, осталась отъ прежняго, крайне жалкаго способа изучать былую жизнь въ международныхъ междусословныхъ дѣлахъ. Но объ этомъ нѣтъ возможности сказать что нибудь обстоятельно на листочкѣ почтовой бумаги. А вотъ я обращу Ваше вниманіе на помѣщенную мною въ III кн. Чтеній (которая еще не вышла, но не сегодня, такъ завтра выйдетъ) статью: «Малорусскіе козаки между Россіей и Польшей по взгляду на нихъ ученаго серба Крижанича въ 1659 году». Она, я увѣренъ (т. е. не она, а самый документъ, къ которому она служитъ предисловіемъ), наведетъ Васъ на нѣкоторыя размышленія,

чуждыя того запаха украинской школы, нездороваго, спертаго запаха, которымъ пропитаны работы многихъ ученыхъ и даже талантливыхъ людей.

Мы уже помышляемъ о землѣ, освободившейся отъ снѣга, и о цвѣтахъ, пробивающихся изъ тьмы на свѣтъ. Я очень люблю ихъ въ этомъ періодѣ, какъ и древесную листву въ почкахъ. 1-го апрѣля намѣреваемся оставить Бѣлокаменную съ ея грязными улицами и прекрасными, подъ грязной оболочкой, людьми. Впрочемъ мы были такъ счастливы, что и подъ изящнымъ костюмомъ находили прекрасныхъ людей.

Извините за торопливое писаніе. Встаю изъ за корректуры и спѣшу въ Музей.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

35.

Москва. 1877, апр. 4.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Изъ Москвы выѣзжаемъ 5-го апр., т. е. завтра.

За гостепріимное Ваше предложеніе весьма благодаренъ; но не знаю еще, долго ли останусь въ Мотроновкѣ. Спишемся. Кажется, что я водворюсь сперва на Подолѣ ради академической библіотеки и купанья, а если не кончу тамъ своихъ кіевскихъ занятій къ концу іюня, то радъ буду провести съ Вами подъ одной кровлей хоть съ недѣлю, чтобы хорошенько потолковать объ исторіи передъ отъѣздомъ во Львовъ.

Матеріалы вышли изъ типографіи въ такое время, что цензоръ отложилъ принятіе оныхъ до 4-го апрѣля. Я получу свои экземпляры въ Мотроновкѣ не раньше 15 апрѣля. Тогда пришлю и Вамъ одинъ.

Типографія такъ жестоко меня обманула, что я нашелся вынужденнымъ остановиться на 21 печатномъ листѣ, тогда какъ предполагалъ напечатать листовъ 30.

Кланяемось обое Вамъ обоимъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

36.

Мотроновка. 1877, апр. 20.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Бодянскій дѣйствительно изнемогалъ зѣло, такъ что могъ сказать со псалмопѣвцемъ: Прильпе земли утроба моя, приближися аду животъ мой. Но теперь обновися яко орля юность его. Оставихомъ его здрава и духомъ бодрственна, книжному же поученію неизреченно прилежна.

Посылаю книжицу, Матеріалы глаголемую. Одинъ изъ экземпляровъ благоволите вручить О. И. Левицкому, котораго письмо Москва прислала въ Борзну.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

37.

1877, мая 3. Мотр.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

За Вашу заботливость о томъ, чтобы о моей книгѣ было напечатано въ Университетскихъ Извѣстіяхъ, примите мою искреннюю благодарность. Мнѣ бы не пришло и въ голову просить Васъ объ этомъ, но тѣмъ пріятнѣе для меня Ваше намѣреніе, что оно внушено Вамъ сочувствіемъ къ моему труду.

Соловьи поютъ сотнями. Запахъ черемухъ дѣлаетъ воздухъ густымъ, точно какъ будто съ него собраны сливки и влиты въ чашу мотроновской жизни. Здѣсь особенно хорошы двѣ поры года—весна и осень. Онѣ всегда поражаютъ меня новизною: точно какъ будто я отъ роду не видалъ ни такой весны, ни такой осени.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

38.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Не можете ли такъ устроить, чтобы погостить у насъ на хуторѣ, а потомъ вдвоемъ ѣхать въ Кіевъ? Я Вамъ очень благодаренъ за предложеніе мнѣ Вашего крова на время моихъ кіевскихъ изысканій, которыя, надобно думать, продлятся не больше двухъ недѣль. За границу поѣду не раньше 1-го октября, вмѣстѣ съ Александрой Михайловной, которая усерднѣйше Вамъ обоимъ кланяется,—съ тѣмъ чтобы вернуться только къ веснѣ.

Можно ли будетъ заниматься въ академической библіотекѣ съ конца іюня—и до котораго времени? Если нельзя, то лучше и кіевскую поѣздку отложить на осень. Сія бо точію библіотека и нужна мнѣ.

Программа Ваша, я помню, была у меня въ рукахъ, но безпорядочные и подлые люди всѣ мои дѣла перепутали. Теперь я—аки Ездра на развалинахъ Іерусалима. Привезите съ собой. Мы прочтемъ. Можетъ быть, что нибудь и припомнится. Туть А. М. поможетъ Вамъ больше моего: она съ народомъ вѣчно возится.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1877, іюня 5. Мотроновка.

39.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ!

Душевно благодарю Васъ за справку въ академіи. Ничего не можетъ быть лучше, какъ взять книгу и почитывать подъ гостепріимнымъ кровомъ, который Вы такъ радушно мнѣ предлагаете. Тутъ бы и потолковать, и посовѣтоваться о томъ, о семъ по предмету моихъ занятій. Все прекрасно сладилось; но я долженъ оставаться въ хуторѣ. Надежда Мих. со чады къ намъ не пріѣдетъ въ этомъ году погостить. Мы двинемся изъ дому только къ зимѣ, да и то со стороны Александры Мих. будетъ жертва въ пользу исторіи. Впрочемъ Вамъ нельзя пріѣхать къ намъ только въ «іюнѣ». Жду Васъ въ іюлѣ. Тогда, надѣюсь, привязать дома младшаго брата Ал. М-ны на время моего отсутствія и уѣду въ Кіевъ недѣли на двѣ съ Вами. Крайне необходимо мнѣ почитать кой чего изъ хранящихся въ академіи книгъ и рукописей. А Вамъ да поможетъ Господь выпутать изъ бѣды малыхъ земли, ради которыхъ Вы не разрѣшаете себѣ отдыха.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1877, іюня 19. Мотроновка.

40.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Дѣло о поѣздкѣ въ Кіевъ не клеится. Одну Александру Мих. оставить въ хуторѣ не могу, а гдѣ странствуетъ ея братъ, неизвѣстно. Между тѣмъ все разъѣдется изъ Кіева. Остается ждать возврата библіотекарей. Тогда уже пріѣду прямо на Подолъ, переберу библіотечную ветошь—и далѣе! Лѣто же у насъ такое роскошное, что жаль имъ пренебречь ради городской жизни. Въ откладываніи библіотечныхъ занятій утѣшаю себя тѣмъ, что под-

готовлю дома кое что для продолженія моихъ работъ. Думаю, что отворенное въ садъ окно у письменнаго стола сберегаетъ много физической силы, которая мнѣ нужна въ виду обширности предстоящихъ трудовъ. Когда же Вамъ будетъ возможно заглянуть въ наши дубравы, умоляю—не закосните. Для меня было бы поучительно узнать отъ Васъ подробности о чигиринцахъ. Вы совершили подвигъ гражданина Вашею защитою невѣжественныхъ жертвъ чиновничества. Естественно, что сіи жертвы не способны понять управлявшія Вами побужденія, и очень жаль, что для нихъ потеряно утѣшеніе въ напастяхъ. Они воображаютъ, что высшее сословіе только и живетъ притѣсненіемъ низшихъ, подобно тому, какъ болѣе сильные или проворные звѣри заѣдаютъ слабыхъ и неповоротливыхъ. Я полагаю, что этимъ путемъ даже и не возможно дать имъ понятіе о томъ благоволеніи къ ближнему, которое достигается нѣкоторыми изъ насъ, такъ называемыхъ, людей просвѣщенныхъ. Несравненно ближе къ цѣли—размноженіе въ нашемъ собственномъ классѣ людей благоволящихъ. Облегченіе способовъ существованія посредствомъ лучшихъ порядковъ дѣйствовало бы не на единицы, а на цѣлыя массы темнаго народа. Рваться изъ за каждаго притѣсненнаго едвали не то же, что продать все свое имущество и роздать неимущимъ. «Врачу! исцѣлися самъ», вопіетъ къ намъ темная масса своимъ угрюмымъ и тупымъ равнодушіемъ къ такимъ подвигамъ, какъ въ настоящемъ случаѣ Вашъ подвигъ.

Въ Варшавѣ Над. Александровна оставляла собственныхъ дѣтей на попеченіе прислуги, чтобы учить gratis сиротокъ Трубникова. Въ нашемъ интеллигентномъ семействѣ бываютъ также случаи, что оставляютъ безъ вниманія вопіющія нужды и неправды, испытываемыя членами оной, близкими и вѣдомыми по самому родству, и побиваются объ участи людей далекихъ и невѣдомыхъ. Этимъ нашли бы способъ помочь, а съ тѣми Богъ знаетъ, что и дѣлать. Тѣ даже отвергаютъ протянутую руку и въ тупоуміи своемъ готовы хватить по ней дубиною. Много, много потрачено мною денегъ, времени и силъ на безплодную

филантропію. Теперь я дѣйствую иначе, но не думаю, чтобы былъ менѣе добръ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1877, іюня 26. Мотроновка.

У Ильницкаго продаются: а) много моихъ русскихъ и малорусскихъ книгъ, б) нѣкоторыя вещицы. в) Ш т. Исторіи и I т. Матеріаловъ. Если для Васъ не тягостно или не неудобно почему либо, потрудитесь во время прогулки зайти, потребовать мои съ нимъ счеты и получить вырученныя деньги, сколько бы ихъ ни было. Деньги эти мнѣ не нужны, но я знаю, что чѣмъ дольше я не буду ихъ брать, тѣмъ труднѣе мнѣ будетъ ихъ получить. Сберегите ихъ у себя до нашего свиданія, но отнюдь не посылайте ко мнѣ.

41.

17 сент., 1877. Мотроновка.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ.

Предполагая, что не безъ важной причины пріостановили Вы нашу переписку, я ждалъ Вашего отвѣта съ нетерпѣніемъ. Озабочивать же больного или сильно захлопотаннаго человѣка не годится. Слава Богу, Вы опять здоровы. Отвѣчаю на Ваше освѣдомленіе.

Миновавшее лѣто не имѣло качествъ, изображенныхъ Тредіаковскимъ:

О лѣто, лѣто горяче,
Мухами обильно паче,
Но да то лишь не любовно,
Что ужъ вотъ ты не грибовно;

почему я и не взывалъ съ Пушкинымъ:

Охъ, лѣто красное! любилъ бы я тебя,
Когда бъ не зной да пыль, да комары, да мухи.
Ты, всѣ душевныя способности губя,
Насъ мучишь; какъ поля, мы страждемъ отъ засухи.

Работы мои идутъ такъ, какъ могутъ идти въ хуторѣ, изъ котораго никакъ нельзя выѣхать.

О смерти Бодянскаго мы прочитали въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, вскорѣ по полученіи книги чтеній, на которой напечатано: «1877, книга первая (сотая)». На сотнѣ такихъ томовъ не стыдно опочить сномъ вѣчнымъ. Бодянскій можетъ о себѣ сказать: «Теченіе жизни скончахъ и вѣру соблюдохъ». Какъ приверженецъ науки, онъ былъ высоко нравственная личность. Изъ своего содержанія за границею онъ много помогалъ убожествовавшему Шафарику; онъ въ одно время тратилъ на чтенія по 1500 руб. въ годъ изъ профессорскаго жалованья и спасъ ихъ отъ уничтоженія. Этотъ третій фактъ я знаю не въ точности. Но я увѣренъ, что подобныхъ двумъ первымъ откроется много. Когда я жилъ въ ссылкѣ, Бодянскій присылалъ мнѣ много книгъ изъ своей библіотеки, по моимъ увѣдомленіямъ о томъ, какія мнѣ нужны. А книгами онъ дорожилъ аки зѣницею ока.

Я не высокаго мнѣнія о его разумѣніи исторіи, но служилъ онъ ей героически.

Вскорѣ намѣренъ я побывать въ Кіевѣ для рѣшенія вопроса: проводить ли зиму въ Кіевѣ, или же ограничиться обязательнымъ Вашимъ исхлопотаніемъ дозволенія получить нѣкоторыя книги для занятій внѣ Кіева. Все зависитъ отъ того, найду ли я на Подолѣ удобную квартиру для жизни семейной. Хотимъ привезти и двухъ служанокъ, хотя едвали наши лучше кіевскихъ. По крайней мѣрѣ мы знаемъ ихъ и не столько будемъ бояться предательства.

Александра Михайловна вмѣстѣ со мною усерднѣйше кланяется Вамъ и Александрѣ Ивановнѣ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

42.

5 ноября, 1877.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Теперь о литературѣ. Я радуюсь широкому разливу Вашей ученой дѣятельности. Меня болѣе, чѣмъ самихъ юристовъ, интересуетъ Ваша спеціальность. Философія права—важное для меня дѣло. Безъ него я не могу ступить шагу. Читаю самыя такъ называемыя сухія книги. Все отвратительное, какъ Вы называете, для меня привлекательно. Во мнѣ Ваши изданія найдутъ самаго прилежнаго читателя. Пожалуйста пришлите, лишь только выйдутъ они въ свѣтъ.

Программою займемся. За біографію Иванишева очень благодаренъ. Этого человѣка я *зналъ*. Интересно знать, какъ отнеслась къ нему, въ Вашемъ лицѣ, исторія.

Извините за небрежность почерка. А. М. больна; на мнѣ большая часть хозяйства, которое въ этой мѣстности не можетъ идти хорошо, при отсутствіи экономическаго образованія народа, да еще съ нашими путями сообщенія.

Въ Кіевъ пріѣхать не можемъ. Развѣ къ слѣдующей зимѣ будемъ въ состояніи путешествовать.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

P. S. Что же новое изданіе Лѣтописи Самовидца? Ее можно бы напечатать уже 10 разъ. Если Левицкій забылъ прислать мнѣ экземпляръ, пожалуйста, купите и пришлите. На присланную ему мною для приложенія Хмельниковскую лѣтопись мнѣ приходится въ моемъ писаніи ссылаться по памяти, а надобно бы привести точныя слова, напримѣръ о старостахъ, пребывавшихъ

въ Украинѣ. Ихъ заурядъ бранятъ наши историки, а между ними были такіе же «добрые паны» (слова лѣтописца) какъ и между нынѣшними областными правителями, и это весьма натурально!

43.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Искренно благодарю Васъ за сообщеніе мнѣ Вашей интересной статьи о цензурѣ правовъ у народа. Отъ подобныхъ работъ выигриваетъ и наука и общественность, которыя никогда не должны разлучаться.

Мы провели лѣто въ безпокойствѣ о здоровьи Александры Михайловны; теперь собираемся за границу, по невозможности купить въ отечествѣ удобное помѣщеніе на зиму съ соотвѣтственною услугою. Въ Москвѣ и Петербургѣ можно бы этого достигнуть, но тамъ надобно проводить много времени въ закрытомъ воздухѣ.

Александра Михайловна благодаритъ Васъ за память о ней и посылаетъ Вамъ усерднѣйшій поклонъ.

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1878. сент. 22. Мотроновка.

44.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Въ отвѣтъ на Ваше любезное письмо отъ 17 ноября, считаю долгомъ высказать, что мнѣ пріятно видѣть Ваше нежеланіе

принадлежать къ сонму тѣхъ, которые составляютъ понятіе обо мнѣ или по узкой субъективности, или по отзывамъ людей, глядящихъ и не видящихъ. У меня одно орудіе противъ этого общественнаго зла: удаленіе въ независящую отъ него область дѣятельности. Естественно, что я посторонился и отъ холода, какимъ повѣяло на меня отъ Вашего подарка. Тѣмъ болѣе радуюсь удостовѣренію, что книгу, свидѣтельствующую о трудѣ столь энергическомъ и полезномъ для изслѣдователей нашей общественной формаціи, положила на мой столъ рука дружественная. [1])

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1879, ноября, 30. Х. Мотроновка.

P. S. Отвѣчалъ бы я гораздо скорѣе; но Ваше письмо лежало на почтѣ во время моей поѣздки (ради больной А. М.) въ Кіевъ, а потомъ не дала мнѣ отвѣчать тотчасъ простуда.

45.

Многоуважаемый Александръ Ѳедоровичъ,

Вы взяли съ Хильчевскаго слово написать ко мнѣ по поводу новыхъ надеждъ, оживляющихъ мѣстную интеллигенцію. Изъ этого я вижу, что, въ интересахъ общественныхъ, Вы откладываете въ сторону личныя недовольствія. Слѣдую Вашему примѣру.

Хильчевскій совѣтуетъ мнѣ пріѣхать въ Кіевъ. Но я не вижу, для чего. Достаточно будетъ довести до Вашего свѣдѣнія, что мысль объ органѣ, подобномъ *Основѣ*, пошла въ ходъ еще съ прошлой осени. Я былъ въ Тернополѣ, Львовѣ и Вѣнѣ для ре-

---

[1]) А. Ф. Кистяковскій послалъ Кулишу извѣстный свой трудъ «Права, по которымъ судился малорусскій народъ».

когносцировки, а д-ръ Пулюй посѣтилъ Харьковъ. Вездѣ pia desideria, и больше покамѣстъ ничего, или весьма мало. Нужны деньги, а всѣ наши доброжелатели принадлежатъ къ недостаточному классу. Я совершенно согласенъ съ Маколеемъ, что «произведенія генія подчиняются тѣмъ же законамъ, которыми регулируется производство хлопка и сахарнаго тростника. Предложеніе соотвѣтствуетъ спросу». Безъ денегъ, *легковѣрно* затраченныхъ Катенинымъ, не существовала бы и Основа. Безъ денегъ, истраченныхъ безъ всякаго счета мною, не было бы ни малорусскихъ книгъ, ни метéликовъ, ни Каменецкихъ, ни Щербаковъ. И въ настоящее время движеніе въ малорусской интеллигенціи возможно поддержать только значительными затратами денегъ. До тѣхъ же поръ, пока одушевленіе малоруссовъ не выразитъ себя извѣстнымъ фондомъ, изъ ничего ничего и не будетъ. Наше краснорѣчивое поколѣніе уподобится козакамъ, которые, собравшись въ числѣ 40 тысячъ, кричали королевскому послу, что будутъ защищать свою древнюю вѣру aż do gardła, и во всю жизнь излюбленнаго ими митрополита Борецкаго не сложились по злотому для постройки мурованной дзвоныци въ Михайловскомъ монастырѣ.

Въ ожиданіи краснорѣчивыхъ дѣлъ, будемъ работать кабинетно, кто къ чему имѣетъ любовь. Такъ какъ Вы вспомнили обо мнѣ, радѣя обществу и родной національности, то позвольте обратиться къ Вамъ съ двумя просьбами:

1. У меня недостаетъ 10, 11, 13, 15, 17, и 19 нумеровъ Описи актовыхъ книгъ. Мой экземпляръ оканчивается № 21. Не можете ли дослать, чего я не имѣю?

2. Голубевъ печаталъ въ Трудахъ Духовной Ак. историческіе документы. Не можете ли добыть для меня отдѣльный оттискъ оныхъ?

Душевно преданный Вамъ П. Кулишъ.

1881, января 16. Х. Мотроновка.

P. S. Нѣтъ ли у васъ лишняго экз. I-го т. Актовъ Кіевской Коммиссіи, изданныхъ Иванишевымъ? Онъ мнѣ обѣщалъ полный экземпляръ, но, вмѣсто кожуха, я наслѣдовалъ послѣ него «панське слово». А мнѣ слѣдовало бы имѣть экз. Актовъ, яко члену той же коммиссіи. У меня и въ формулярѣ значится сіе членство, но экземпляръ былъ бы для меня слишкомъ высокою честью со стороны кіевскихъ оцѣнщиковъ.

ПИДЪ ТЫХЫМЫ ВЕРБАМЫ.

Повисть. [1])

ЧАСТЫНА ТРЕТЯ.

Чому, куры, не піете?
Чому, люде, не чуете?
Туркы село звоювалы,
Громадамы людей гналы.
Нар. пісня.

I.

Сумна хата.

У той страшный день, якъ забрано Зинька, люде пиднялы Гаинку непрытомну зъ земли, понеслы й положылы на волосный рундукъ. Почалы жинкы брызкаты ій въ облычче водою, ажъ покы вона очу́тылась. Росплющыла очи, помалу пидвелася. Не розумила спершу що зъ нею сталося, де вона й чого вона. Сыдила на ослони, дывлючысь померклымы очыма на людей, що кругъ неи стоялы. Потроху прытомнисть верталася до неи, и врешти вона згадала все. Глянула, озырнулась—ни коня зъ возомъ, ни Зинька вже не було. Устала мовчкы й почала зиходыты зъ рундука.

— Гаинко, куды ты, стрывай!—прыпынылы булы ій жинкы.

Але вона видхылыла ихъ рукою и пишла сама соби швыдко, хочъ и хытаючысь, додому. Не бачыла ничого передъ себе, тилькы

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 3.

почувала, що ій треба швыдче, швыдче дійты до своеи хаты. И дійшла такы, видчыныла двери й стала на порози. Стара маты глянула на неи та ажъ перехрестылася: передъ неи стояла не Гаинка, а якась мара блида, страшна.

— Боже! дочко, чого се ты?

Стара кынулась до неи, але вона мовчкы злегенька видхылыла ій рукою, перейшла хату й сила за стилъ. Здывована маты, не розуміючы що зъ нею сталося, пидійшла знову.

— Доню, Гаиночко, скажы—що тоби?

— Ничого, мамо... Зинько въ острози...

— Якъ то въ острози?—вжахнулася стара.—Що се ты? Богъ зъ тобою!

— Эге, въ острози... Люде сказалы, що винъ убывъ Грыцька, дакъ ёго до острогу забрано...

Вона говорыла се ривнымъ тыхымъ голосомъ и такъ, мовъ се була звычайна ричъ и ни трохы не займала ій зглыбока. А очи божевильно-нерухоми втупыла въ одну якусь цятку и такъ сыдила, мовъ вытесана зъ билого каменю.

Маты, почувшы страшну новыну, и сама спершу занимила, а потимъ заголосыла, затужыла...

— Не голосить, мамо,—тымъ самымъ ривнымъ, байдужнымъ голосомъ промовыла Гаинка,—я вже голосыла: не пособылося,—забралы воны.

— Хто жъ забравъ, дочко?

— Люде... паны... Воны сказалы, що винъ убывъ Грыцька, та й забралы ёго до острогу.

— Та хто жъ сказавъ? Де жъ се выдано, щобъ на Зинька таку напрасну выгадуваты? Ой Боже жъ мій, Боже!.. Ой горечко намъ, нещаслывымъ!.. Одного сына забралы, занапастылы, та й другого теперъ забираютъ!.. А що жъ я, бездольна, при старощахъ моихъ робытыму?..

И тяжке матерыне тужинне озвалося знову по хати. Одна тужыла, схылывшы свою стару сыву голову на чорни худи, порепани видъ тяжкои довгои праци, рукы, а друга сыдила кинець

столу, выпроставшыся, сыдила нерухомо, и очи ии нерухомо дывылыся въ одну цятку...

А на свитъ насувала темрява. Зайшло сонце за обріемъ, покынуло землю, и воля теперъ була темряви обниматы покынуту своимы шырокымы чорнымы крыламы. Останне проминне зляканого свиту тикало слидкомъ за сонцемъ, а вона запанóвувала, а вона вступала скризь, у кожну мисцынку земли, покрывала степъ чорнымъ накрыттемъ, загортала въ ёго лисъ, исповняла глыбоки яры й долыны.

И до ихъ у хату вона зайшла—по куткахъ чорною марою стала, стины позапынала и сповныла всю хату и обняла ихъ обохъ,—и ту, що тамъ на полу здригалась одъ рыдання, и сю, що биля столу сыдила нерухома... Обняла тило, поняла й душу...

— Мамо!—почувся середъ темрявы ривный голосъ.—Тамъ темно...

— Де?

— Въ острози... Тамъ темно, нема свиту...

Ривный голосъ замовкъ, а въ другому кутку ще голоснише озвалося рыданне...

Темна хмарна ничъ була на свити...

. . . . . .

Прыйшовъ ранокъ похмурый, сирый, зъ косымъ холоднымъ дощемъ. Винъ сіявъ зъ набряклыхъ гыдкыхъ хмаръ, що понавысалы надъ землею и гнитылы ии своимъ мертвымъ шырокымъ поглядомъ. Виконця въ маленькій хати плакалы, велыки крапли слизъ разъ-у-разъ котылыся по ихъ и зныкалы, щобъ попустыты мисце новымъ...

Маты пишла до волосты роспытуватыся про Зинька.

— А чого тоби, бабо, треба?—гукнувъ на неи Копаныця, побачывшы ии биля порогу.

Вона сказала чого ій треба, пызенько та покирно кланяючысь.

— Що жъ, бабо,—мы того ничого не знаемо,—видказувавъ Копаныця, розлигшыся въ крисли за зеленымъ столомъ.—Слид-

ствуватель звеливъ одвезты ёго въ острогъ,—мы й одвезлы, а биль̀ше нычого не знаемо.

— Та винъ же не выненъ!.. Та за́ що жъ ёго забрано?..

— То не наше дило розбираты, чы винъ выненъ, чы ни, и ты намъ голову сымъ не морочъ. Отъ ты кажешъ, що ни, а слидствуватель говорыть, що выненъ. То вже тамъ судъ розбере що та якъ,—на те й судъ.

— А колы жъ той судъ буде?—пытался бидолашна.

— И того я тоби не скажу. Якъ исхоче самъ судъ, такъ и буде. Схоче завтра,—буде й завтра, а схоче черезъ два годы, то й черезъ два. На те й судъ.

— Та невже жъ оце ёму ажъ два годы сыдиты?

— Но десять годъ сыдять,—не то по два. Якъ заробывъ, такъ хай и одвичае, а ты нычалныкамъ головы не клопочы, кажу тоби, своимы пустякамы! Иды вже соби до-дому, бабо!

Мовчкы пишла, до земли хылючысь, безталанна маты.

Другого жъ дни вона занедужала. Стала гориты, все тило болыть. Лежала на полу стогнучы, не здо́ліючы пидвестыся. А Гаинка мовъ и не бачыла того: сыдила, очи втупывшы въ одну цятку, и мовчала.

— Гаиночко, дай мени воды!

Подала и зновъ сила.

— Гаинко, ты бъ топыла вже нычъ.

Слухняно внесла дровъ, затопыла нычъ, стала й дывылася, якъ огонь перебигае по дереву.

— Гаинко, а чого ты горшкивъ не становышъ?

Почала Гаинка горшкы прыставляты—порожни.

— Ой мени лыхо та горе!—стогнала Параска.—Що мени теперъ робыты?

Саме на це вбигла въ хату Катря Карпова.

— Що се вы, бабусю, хвори?

— Та тутъ я хвора, а тутъ таке лыхо зъ Гаинкою сталося!—почала росказуваты стара.

Гаинка чула все, що про неи казано, и мовъ и не чула. Катря загомонила до неи.

— Гаинко, що тоби, голубочко?

— Ничого...

— То ты журышся. Ты не журысь такъ... Це все людська напрасна,—воно выявыться, Зинько вернется.

Молодыця розважала подругу, а та слухала мовчкы и ничого не чула. Катря, прыдывывшысь до ии нерухомого погляду, ажъ излякалась.

— Оце лыхо!—подумала соби.—Вона жъ непрытомна! Вона жъ ни до якои роботы, а маты хвора.

Кынулась Катря до печи:

— Ось пострывайте,—я вамъ пособлю!

Поробыла що треба, попрыставляла до вогню горщыкы.

— Спасыби тоби, дочко!—дякувала Параска.

— Гаинко, дывысь, щобъ горшкы незбиглы! — наказала Катря,—а я заразъ вернуся.

Метнулася до-дому, розсказала про все Карпови, забрала дытыну та й зновъ до Сывашивъ. Поралась ажъ покы наварыла обидаты, попрыбирала все въ хати. Гаинка сыдила й дывылась на те.

Другого дни, швыденько впоравшыся дома, Катря знову прыбигла.

Погано, що Гаинка такъ сыдыть усе зъ своимы думкамы,—миркувала Катря.—Хай щось робыть,—воно думкы розбыватыме.

И почала наказуваты ій те або те робыты. Та слухалась.

Два тыждни, покы стара Параска була хвора, Катря що дня бигала до Сывашивъ поратыся, зазырала и ввечери. Маты не могла ій издякуватыся:

— Спасыби тоби, дочко! Яка ты добра та гарна! Якъ бы не ты, то що бъ мы й робылы, бидолашни? Дай тоби, Боже, викъ довгый та щасный за твою добристь!

— Отъ, бабусю,—що тамъ такого, якъ я забижу до васъ на яку хвылыночку! Та мени це ще й въ охотку,—веселише, якъ середъ людей, а то все дома та дома!—видказувала Катря, хочъ ій часомъ було дуже скрутно розрываться на дви хати, а

веселощивъ у Сывашивъ було стилькы, якъ на кладовыщи.—Абы вы та Гаинка швыдче остербувалы,—ото добре було бъ!

И вона клюноталась, бигала, пособляла, завсигды така щыра й прывитна, мовъ бы коло своеи дытыны. Не стало въ Сывашивъ грошей,—вона вырядыла Васюту повезты въ городъ та продаты трохы хлиба. За ти грошы покупылы що треба, ще й у волость повиддавалы оплаткы.

Помочы добри люде давалы, жыты було можно, та не моглы воны даты помочы души людській, не моглы розважыты ïи горя велыкого. Катря сылкувалася розважаты и матиръ, и Гаинку. Матери мовъ лекшало видъ тыхъ розмовъ, а Гаинка хочъ й слухала, та мабуть нычого не розумила.

Вона не плакала, не тужыла, не нарикала. Вона мовчала. Робыла все, що ïй загадувано, и помалу звыкла все робыты якъ треба: поралась, шыла, давала йисты,—такъ, мовъ и звычайно. Тилькы вона николы не думала про те що робыть: воно робылося само. Вставала вранци й думала «Вже день». Друга думка: «Боже, якый довгый... хочъ бы вечиръ!» Тоди бралася робыты все, що ïй наказувала Катря або маты. Скаже: «порайся!»—порается, «шый!»—шые. А якъ нема чого робыты, сяде биля столу сама соби та й сыдыть, выпроставшыся, и дывыться въ якусь цятку. А въ думкахъ тилькы одно: «Уже мынае день, отъ уже вечиръ...» Прыходывъ вечиръ, прыходыла ничъ... Иноди вона спала, якъ утомлялася; иноди лежала безсонна всю ничъ и дывылася въ темряву... Дывылась и думала: «Отъ уже ничъ почалася... яка довга!.. Отъ уже мынае... Отъ уже ранокъ буде»...

А на що ïй та ничъ, той ранокъ, той день,—не знала... Вона розумила дуже добре, що Зинько въ тюрми, що его судытымуть, можуть на Сибиръ заслаты... розумила, що винъ невыненъ... Знала, що имъ безъ его жыты не можно... Потимъ знала, що бувае день и вдень треба поратысь, скотыни йисты даваты, хату месты, воды прыносыты, шыты... потимъ прыходе ничъ, и тоди треба спаты... ще треба йисты вдень... Все це робыла... Все це треба робыты... ажъ покы прыйде той день... той судъ...

Не ходыла никуды, не любыла озыватыся ни до кого. Мовчкы обмынала людей. Зъ матиррю жыла такъ, що тилькы видповидала на пытане. Здавалася камъяною.

Тяжка туга, мовъ хмара, налягла на Зинькову хату, сповныла ій всю. Здавалося, що й стины тутъ сумувалы, понуро дывлючысь неосяянымы яснымъ свитомъ викнамы. Туга вызырала зъ кожного куточка, промовляла померклымы жиночымы очыма, озывалась розбытымъ людськымъ голосомъ. Дви прыгничени безмирнымъ горемъ жинкы ходылы якъ дви мари, ворушылысь, робылы щось, иноди вдавалысь одна до одніеи словамы,—выдко було, що жыви. Але хто зазыравъ до сіеи хаты, тому здавалася вона труною...

Та й зазырало небагато. Спершу то бигалы де яки кумаси цикави: людямъ таке нещасте сталося, то треба жъ подывытыся що́ воны та якъ воны писля ёго... подывытыся, щобъ було що й людямъ розсказаты. Та Катря не вельмы ихъ витала; а дуже цикавого имъ ничого не выявылось, то воны скоро й покынулы бигаты. Заходылы Карпо зъ Васютою. Васюта хотивъ бувъ разъ своимы жарталы смутокъ розвіяты, але въ сій хати ёго шуткуванне плачéмъ озывалося и здалося всимъ и ёму самому такымъ дывнымъ, що винъ заразъ же змовкъ. Одвидувала Гаинку Лыкера. ій маты, але батько ни разу не зайшовъ. Часто зазыравъ дидъ Дорошъ. Гаинка була ёго влюбленыця здавна, и теперъ ій лыхо було дуже тяжке дидови. Винъ дывывся на неи, хытавъ головою, думавъ и казавъ:

— До знахаря треба,—отъ що... Тилькы доброго треба, щобъ умивъ одшептаты.

И почавъ умовляты Гаинку пойихаты въ Чорно́вусъ до Гострогляда. Гаинка спершу не зрозумила куды й чого йихаты, а зрозумывшы, видказала:

— Не хочу...

Умовлявъ-умовлявъ дидъ,—не пособылося. Мусывъ облышыты.

Параска потроху оклыгувала, та дуже помалу. Казала, що хоче питы въ городъ до панивъ, щобъ пустылы ій до Зинька, але не могла йты: и дома ледви чапала по хати.

А про Зинька не було чутки. Выклыкавъ слидчый на допытъ ще де кого зъ дыблянъ,—воны прыносылы стари звисткы. що Зинько все въ острози—дожыдае суду.

Одного разу надъ вечиръ Гаинка була въ своему садку, ажъ надъ самою ричкою,—пишла вытягты дижку, що тамъ замокала. Ще не дійшла до ричкы,—почула, що хтось иде. Озырнулася й побачыла Мыкыту Тонконоженка. Ставъ передъ нею, сміючыся:

— Здорова, Гаинко!

Ледви вымовыла «Здоровъ» и хотила йты дали, обмынувшы ёго. Але винъ прыпынывъ ій.

— А й давно я тебе не бачывъ, Гаинко! А хотилося бачыты! Эхъ, та й молодычка зъ тебе—первый сортъ! Што хароша, то хароша,—вотъ тольки плохо, што паблѣдла трошкы. Ну, не бида,—вотъ прайдёть!.. А я за тобою скучывъ, вотъ чесно́е слово—скучывъ!

Вона слухала мовчкы, мало розуміючы ёго слова. А винъ думавъ, що ій хочется слухаты, и провадывъ свое дали:

— Не павѣрышъ?—такъ скучывъ, што ажъ!.. Я про тебе завсигда думаю... потому що такои молодычкы у насъ—ну, просто нема-нѣту та й годи всё! Эхъ, знаишъ што, Гаинко! Ты хароша, та й я не паганый,—давай любовъ завыдёмъ!

Винъ обхопывъ ій за станъ и хотивъ поцилуваты. Вона вдарыла ёго ликтемъ у груды, ажъ винъ одхылывся, выхопылася зъ рукъ и въ одну мыть выскочыла на гору. Перелынула садкомъ ажъ до хаты, тоди озырнулася,—чы не женется.

— А шо жъ, дочко, де дижечка?—спыталася маты, выходючы.

— Тамъ... я не взяла...—видказала Гаинка, тремтючы.

Маты хотила була спытатыся чому не взяла, та якъ глянула на ій облычче, то побачыла, що краще ій вже не посылаты. Пишла сама.

Всю ничъ Гаинка не спала. Трусыла пропасныця такъ, що ажъ зубы цокотилы. А дали голову мовъ полумъемъ обняло. Блудыла словамы, крычала щось несамовыте—про Мыкыту... про Зинька... голосыла... проклынала чы себе, чы когось... Тилькы передъ свитомъ заснула твердымъ сномъ и спала ажъ до обидъ. Маты не будыла ій. Прокынулась, пидвелась...

— Се вже день, мамо?

— День, дочко.

— Се я такъ довго спала?

— Абы на здоровле, то спы, дочко.

— Ни, я встану.

— Добре! Ось заразъ обидаты будемо!—казала маты, радіючы, що Гаинка сама озвалася й розмовляе,—се було вперше видъ того дня.

— Ни, я не обидатыму,—видказала Гаинка,—мени треба до Зинька йты.

— Якъ то до Зинька?—спыталася маты та ажъ похолола: ій здалося, що Гаинка ще й доси блудыть словамы.—Що се ты кажешъ, дочко? Якъ се ты пидешъ до Зинька?

— Я пиду, я хочу ёго побачыты.

— Та якъ же ты ёго побачышъ? Ты жъ не знаешъ куды й доступытыся.

— Я, мамо, пиду въ городъ. Прыйду до острогу, а якъ тамъ доступытыся, то вже знатыму. Я хочу ёго бачыты, хочу знаты—що ёму, якъ ёму.

Маты заплакала. Вона вже бачыла, що Гаинка не блудыть словамы, а говорыть якъ треба.

— Пиды, доню, пиды, моя дытыно! Ты молода,—ты доступышся. Тилькы не ходы сёгодни,—ты ще хвора. Иды завтра.

— Пиду сёгодни.

— Пизно вже: покы въ городъ дійдешъ та те та се, то й смеркне. Треба йты зранку.

Мусыла послухаты Гаинка. Але не слала всю ничъ,—такъ обнялы думкы та той невпокій, тее порыванне, щобъ швыдче, швыдче йты до ёго, побачыты, одвидаты!..

— Боже мій! Що жъ я наробыла?—думала вона.—Чого жъ я доси не пишла? Та чы я скамъянила, чы я занимила, що сыдила дома? Мое сонечко тамъ поневиряется, а я й зъ мисця не рухнуся!..

Вона не розумила, якъ се такъ сталося, що ажъ до вчорашнёго вечора справди мовъ камъяна була. Тилькы вже якъ отой

гыдкый зачепывъ іи,—вона вся стрепенулася, душа мовъ огнемъ зайнялася. Пекло́ іи, мордувало всю ничъ... И теперъ пече!.. Ой. Боже! Яка довга ся ничъ! Хочъ бы швыдче, швыдче ранокъ!

Ще й не розывднялось, а вона вже схопылась.

— Уже йдешъ, дочко?

— Йду, мамо.

Засвитылы. Вона вбиралась, поспишаючыся.

— Ты поснидай, дочко!

— Не хочу, мамо—въ душу не йде.

— Дакъ визьмы въ городъ,—уже жъ тамъ увесь день будешъ, то схочется йисты.

Такы прымусыла взяты харчу трохы, ще й тры карбованци грошей:

— Може дозволють Зинькови даты... Та й такъ, гляды, комусь даваты доведется, бо вже безъ того не обійдешся.

Перехрестылася Гаинка, вдарыла поклонъ передъ образамы та й пишла. Маты хотила выпроводыты іи ажъ за царыну, не звелила, сама побигла, бо самій лышытыся хотилося.

Пишла вулыцею. Довги періи хатъ простягалыся далеко и зныкалы въ темряви. Хаты ще спалы, понасувавшы на го́ловы велыкы покривли. Стины ледви билилыся зъ пидъ кудлатыхъ остришкивъ, мовъ облычча зъ пидъ велыкыхъ бривъ, що звысалы внызъ на заплющени очы. И вразъ одна хата блымнула тымы очыма, росплющила ихъ, и дви смугы свиту ляглы впоперекъ улыци передъ Гаинкою. Трохы згодомъ тьмяно, мовъ позихаючы зо сну, глянула на вулыцю друга хата, дали третя... Покы одни ще дрималы въ останнёму досвитнёму сни, инши прокыдалыся вже, и кожна перегорожувала вулыцю пасмамы свиту. Гаинка переходыла ясни стягы поспишаючысь, то вступаючы въ сяево, то пирнаючы знову въ темряву, и темрява здавалася тоди ще гиршою, мовъ безнадійнисть писля проминя боязькои надіи. По дворахъ скрыпилы двери, ворота, де-не-де зачорнилы вже людськи постати. Село розбуркувалося, а Гаинци хотилося буты видъ ёго дали, дали, ажъ тамъ у го́роди, куды вела іи непевна надія, то ожываючы, то згасаючы въ души.

Нарешти вона перебигла останню свитляну смугу и зовсимъ пирнула въ темряву. Чы скоро жъ свитатыме? Глянула на небо: хмаръ не було,—клалося на годыну.

Ишла въ темряви, добре знаючы дорогу. Перейшовшы мабуть зъ верству за село, побачыла, що передъ нею почынае сириты своимы курнымы колодовбынамы шляхъ. Праворучъ, на темному простори, выразно зазначылася чорна купа велыкого лису, а просто неи въ поли—высоке самотне дерево.

— Се той дубъ надъ яркомъ,—подумала Гаинка и йшла дывлючысь на ёго, якъ винъ усе бильше та бильше вызначався, а темный простиръ стававъ усе менше та менше чорнымъ. Ще згодомъ—и якыйсь сиро-сриблястый свитъ мовъ почавъ налыватыся въ темряву, и темрява, мишаючыся зъ имъ, ставала зъ чорнои попелястою, зъ попелястои билою. Уже добре выдко стало траву надъ дорогою, —всю въ сриблястыхъ непрозорыхъ перлахъ; праворучъ по-пидъ лисомъ клубкамы котывся, сходывся й росходывся билый туманъ; дыхаты було мокро; похолоднишало. Гаинка пишла швыдче, щобъ нагритыся.

Незабаромъ червона смужка зазначылася ливоручъ надъ полёвымъ обріемъ. Ще трохы—и червоне проминне сыпнуло, брызнуло по небу. Туманъ пидъ лисомъ заколыхався дужче, заклуботався и почавъ росходытысь, блиднуты й зныкаты. Сриблясти перла на трави замыгтилы ясно—червонымъ, сынимъ, зеленымъ, золотымъ... тремтючы й граючы колирамы...

Гаинка вже була далеко, йшла швыдко, моторно, и мовъ якась нова снага, нова мицъ уступала въ неи,—мовъ не йшла вона, а самы ногы ии неслы. Вона иде, вона побачыть ёго—сіеи думкы було ій покы досыть. Що тамъ дали буде,—вона не знала. Тилькы здавалось ій чомусь, що дали буде щось любе,—ясне—таке, якъ ся роса мыгтюча, якъ те сонечко праведне тепле, що пидбывается вгору, гріе й свитыть. А лыхо, а горе—воно якъ той туманъ передъ сонечкомъ розвіется...

Пизнёго снидання була вже въ городи. Не знала навить де острогъ,—мусыла й про те пытатыся. Попыталася въ якогось мищанына.

— Острогъ?—поглянувъ на неи, дывуючысь, и додавъ.—А хыба ты туды хочешъ?

— Я... ни... я...

— А чого жъ тоби туды треба?

— Я... мени... треба мени...

Мищанынъ прыдывлявся до неи пыльнище.

— Ну?—пытавсь.

А вона стояла мовчкы, почервонившы, не зважуючыся сказаты чого ій туды треба.

— Дакъ ты, бачу, за такымъ диломъ, що й сказаты не можно!—промовывъ мищанынъ.—Ну, дакъ пытайся жъ кого иншого, колы такъ.

Повернувся та й пишовъ, промовывшы кризь зубы: «Эчъ, захвойданкы бисовы!»

Гаинка подалася дали. Побачыла на вулыцы салдата-полиціянта зъ шаблею.

— Попытаю цёго—подумала.—Уже жъ винъ знае, то може скаже.

Пидійшла й попытала несмилыво, ще й уклонылась:

— Скажить, спасыби вамъ, дядьку, де острогъ?

Полиціянтъ оглянувъ ій добре.

— А тоби на що?

— Чоловикъ мій тамъ сыдыть...—промовыла тремтячымъ голосомъ Гаинка, бачывшы, що вже треба прызнатыся.

— Чоловикъ?.. Гм... А чого жъ винъ тамъ сыдыть?

— Ни за що...

— Авже жъ, ни за що!.. Знаемо васъ такыхъ! Обикравъ або вбывъ та й ни за що! Шахраи прокляти!..

Полиціянтъ лаявся, бо бувъ гнивный (видъ старшыхъ ёму сёгодни добре впало), а зъ гниву вкынувъ зайву чарчыну, а надто хотивъ повелычатыся передъ селючкою, щобъ вона не подумала, що й винъ зъ такого жъ села, якъ и вона.

— Падлюкы! . злодіи!.. Путящому чоловикови спокою черезъ васъ нема!.. Валасаются!.. Чого стала? Маршъ! Щобъ тебе тутъ заразъ не було! Шарлатаны!.. Шалапуты!..

Перелякана Гаинка далеко вже видбигла, а винъ усе не вгававъ.

— Боже мій!—думала соби,—що жъ се мини робыты. Да тутъ таки люде, що я й не допытаюся... Ой ни, треба допытатыся!.. Пытатыму, ажъ покы такы довидаюсь. Попытаю ще панивъ.

Назустричъ бигъ якыйсь панокъ изъ ципочкомъ у рукахъ. Озвалася до ёго, але винъ и не спынився навить. Вона пишла помалу вулыцею, вдывляючысь въ облычча: котре не таке страшне буде? Незабаромъ побачыла якусь невелыку дивчынку въ темній сукни зъ кныжкамы въ рукахъ.

— Здорови булы, панночко!

Билявенька панночка дывыючысь глянула на неи своимы яснымы очыма. Очы булы ласкави, и Гаинка не даремне оповидала передъ имы про свою прыгоду. Панночка такъ добре розсказала ій куды йты, що вона вразъ утрапыла простисинько до острогу.

Высоки товсти муры оградою, а за имы здорова била камъяныця. Гаипку ажъ холодомъ пройняло, якъ вона на ихъ глянула.

— Отутъ мое серденько гыне, якъ квиточка въ лёху попидземному!..

Передъ велыкою зализною брамою стоявъ салдатъ. Пидійшла до ёго, вклонылася.

— Здорови булы!

Поглянувъ на неи повагомъ, не озвався й одвернувсь мовчкы.

— Я до вашои мылосты...

Солдатъ мовъ не бачывъ іи.

— Тутъ мій чоловикъ у тюрми сыдыть...

Винъ не слухавъ. Вона вытягла семыгрывеныка, положыла ёму въ руку.

Винъ подывывся на ёго, повагомъ заховавъ у кышеню, тоди повернувсь до неи й промовывъ:

— Ну?

— Адже це острогъ?

— Ну?

— Тутъ мій чоловикъ сыдыть... Зинько Сывашъ...

— Ну?

— Пустить мене побачыты ёго!

— Гм... Дурна баба!.. проходь дали,—тутъ такъ не пускають.—И винъ одвернувся.

— А якъ же тутъ пускають? Скажить, спасыби вамъ!

Але салдатъ изнову не чувъ. Гаинка ще вытягла срибну грошынку. Заховавшы й сю, винъ повернувся.

— Твого... Зинька, чы якъ тамъ ёго?.. Судылы вже, чы ни?

— Ни...

— Ну, дакъ треба бумагу видъ слидствувателя,—тоди й пустють.

— А може бъ вы мене й такъ пустылы? Та я бъ за васъ Бога молыла!...

— Дурна баба! Кажуть тоби: прынесы бумагу видъ слидствувателя, тоди й пустють... А теперъ—маршъ соби,—не стій тутъ, не можно!..

— Та де жъ той слидстуватель жыве,—хочъ бы мени знаты!..

— Не мое дило!.. Геть извидсы, бо не можно!.. Геть, кажу тоби!..

Гримнувъ такъ, що Гаинка ажъ видбигла злякана. Ишла вулыцею й думала:

— Колыбъославъ мени Богъ изнову таку панночку, щобъ вона мени розсказала де той слидствуватель жыве!

Одначе сёго разу пощастыло ій дужче: заразъ же якыйсь добрый панъ и розсказавъ ій. Трохы зблукалась, а такы знайшла. На рундуку сыдять люде, дожыдаются. Пидійшла, поздоровкалась. Почалы люде роспытуваты чого прыйшла,—вона имъ розсказала...

— Буде тутъ выбигать такый пысарчукъ, выклыкаты насъ... кого, значыть, слидствуватель клыче, дакъ винъ того выклыкае... дакъ ты ёму й скажы про себе... А покы посыдь!

Вона сила. Незабаромъ выбигъ и пысарчукъ:

— Сыдиръ Харченко!

Одынъ чоловикъ уставъ и пишовъ у середыну, а Гаинка вдалася до пысарчука:

— До вашои мылосты...

— Чого тоби?

— Мени чоловика побачыты.

— Якого чоловика?

— Мого... Зинька Сываша... винъ у острози...

— А! ну добре... посыдь тутъ, пидожды!..

Вона сила ждаты. Довго ждала. Уже вси люде перейшлы, тилькы двое зосталося, уже й сонце пидбылося вгору та й унызъ почало сидаты,—вона все дожыдала. Пытала й пысарчука, якъ выбигавъ, але все одно видъ ёго чула:

— Пидожды!..

— Знаешъ що, молодыце?—сказавъ одынъ чоловикъ.—Я вже бачу, що зъ твого дила ничого не буде: оце ще насъ поклычуть, а тоди пысарчукъ выбижыть та й скаже: прыходь завтра,—слидствувателеви николы сёгодни!

— Ой, Боже мій!—злякалась Гаинка.—А що жъ я робытыму? Мени жъ треба сёгодни!

— Та що робыты? Пивкарбованця вкынь ёму въ руку, то й скаже слидствувателеви про тебе, дакъ той и поклыче. А то й тры дни ходытымешъ, та ничого не буде.

Гаинка послухалась и вкынула пысарчукови пивкарбованця въ руку... Іи поклыкано до слидчого.

— Що тоби?

Вона нызько-нызько вклонылася.

— Папочку, чоловика хочу побачыты... Зинька Сываша... пустить!..

— Не можно ёго бачыты.

Вона такъ и похолола.

— Не можно бачыты,—казавъ слидчый,—бо винъ дуже впертый: ніякъ не прызнаётся.

— Та якъ же ёму прызнаваться, пане? Винъ же не выненъ!..

— Росказуй тамъ! Знаю я такыхъ невынныхъ! Накоивъ лыха та й не прызнаётся!.. Хай прызнаётся, тоди й пускатыму до ёго родычивъ. А теперъ— ніякъ!

— Паночку! змылосердиться!.. помылуйте!..

— И не просы й не кажы!.. Йды соби!..

Слидчый повернувся та й пишовъ зъ хаты...

Пизно ввечери вернулася до-дому Гаинка. Увійшла въ хату, не роздягаючысь сила биля столу та й похылылась на ёго.

— Дочко! дочко? що тоби?—злякалася маты.—Що тоби сталося? Чы ты бачыла Зинька?

— Не пустылы, мамо... кажуть: не прызнаётся... Якъ прызнáется, що вбывъ Грыцька, тоди пустють...

— А бодай же й воны самы, и ихъ диты такои ласкы видъ людей зазналы!..

А Гаинка тилькы стогнала...

Покы отаке робылося въ Сывашевій хати, Остапъ усе щось думавъ. Була въ ёго одного разу така зъ Терешкомъ Тонконоженкомъ розмова:

— А що, Остапе, чуты за твого зятя?

— Та то такый мій зять, що хочъ бы ёго въ мене й зовсимъ не було!

— Ну, одначе,—що жъ сáме за ёго чуты?

— Да така чутка, що вже й не верцется.

— Ну, таке дило... А що жъ тоди твоя дочка? Адже вдовою буде...

— А буде...

— Знаешъ що, Остапе, я тоби скажу? Що якъ бы намъ та сватамы буты?

Остапъ глянувъ на Терешка.

— Якъ то?

— Да такъ: Гаинка твоя вдовою буде, а въ мене Мыкыта такый, що давно вже треба бъ оженыты ёго та прыставыты до хазяйства. Бо бачу, що покы не оженю, то зъ ёго пуття не буде. А надто—се вже я знаю,—що винъ и до Гаинкы прыхыльный... Отъ бы мы тоди вдвохъ дилá робылы!..

Остапъ подумавъ...

— Треба пидождаты суду.

— А заведено! Дакъ выходыть—такъ?

— Нехай буде й такъ.

— Чудесна штука буде! Оцёго тилькы боюсь: щó якъ вона та схоче за имъ слидкомъ иты?

— Ну, то дурныця!—видказавъ Остапъ.—Я не попущу.

— А якъ же ты не попустышъ, колы вона пиде до тыхъ судейськыхъ та й сама скаже?

— Гляды, що й зробыть, бо такъ любыть канальська молодыця того свого мудрагеля, що бида. Ну, та дарма! Я сёму лыхови запобижу. Визьму ии жыты до себе та й не пускатыму никуды.

— И пречудесна штука!.. Глядить же, свате,—нехай ваше слово кринке буде!

— Буде, свате, кринке.

— А сваси... покы ничого не кажить... А то знаете—жинота ся... Якъ бы не попсувалы справы...

— Гараздъ!..

И нови сваты розійшлыся, ради зъ самыхъ себе.

Другого дни писля того, якъ Гаинка ходыла въ городъ, Остапъ увійшовъ у хату до Сывашивъ.

— Здорови! зъ вивторкомъ!

— Здорови, свате!—видказала Параска, а Гаинка ледви озвалася, сыдючы на полу.

— Що се ты, Гаинко,—хвора, чы що?

— Таке вже наше здоровле!—видказала за неи стара.—Онъ учора ходыла въ городъ, хотила побачыты Зинька, дакъ не пущено... Сидайте бо въ насъ!

— Не пущено, кажете? Гм... Ни, я не сидатыму, бо на часынку зайшовъ. Дакъ чому жъ не пущено?

— Кажуть ти ироды, що якъ прызнается, що Грыцька вбывъ. дакъ тоди пустють.

— Гм... такъ... А я по тебе, Гаинко, прыйшовъ: иды до насъ,—маты тебе клыче.

— Не пиду я теперъ.

— Иды, бо дуже треба!

Узявъ за руку та й звивъ зъ полу, якъ малу дытыну.

— Убирайсь!

— Та може бъ вы ии, свате, теперъ не займалы?—прохала Параска.

— Не можно... Треба дуже. Ну, вже убралась? Ходимъ!.. Бувайте здорови!

Винъ повивъ іи зъ хаты за руку.

II.

У т ю р м и.

Маленьки виконця темряви зъ зализнымы кратамы, попускани въ товстелезныхъ мурахъ. За тымы кратамы блакитне небо мусыть буты, але ёго звидсиля не выдко: просто виконець други таки жъ саме товсти й понури муры. Навить соняшный проминь мовъ боится тыхъ кратъ и зазырае сюды на одну тилькы часыночку—тоди, якъ сонце вже высоко-высоко пидибъется вгору. Тоди золотый ёго парусъ упаде помижъ двома мурамы, несмилыво зазырне кризь краты, ледви всмихнется до тыхъ блидыхъ облыччивъ и, злякавшысь, тикае швыдче назадъ изъ ціеи темныци—туды середъ безмежни просторы блакытно-осяйного вильного неба.

Тутъ не небо, тутъ нызька запылена, задымлена чорна стеля, тутъ, брудни видъ усякои гыдоты, важки вохки стины, а въ ихъ маленьки дирочкы зъ кграткамы. А въ тій камъянній труни сири постати зъ сирымы, безъ сонця поблидлымы, облыччамы. Яки лежать на велыкому гуртовому полу середъ брудного хламиття, яки сыдять тамъ, гуляючы въ карты, яки сновыкгають безъ ніякои меты по куткахъ.

Се—злочынци.

Середъ ихъ Зинько.

Якъ бы ёму хто сказавъ колы давнише, що винъ буде тутъ,—якымъ бы винъ брехуномъ ёго назвавъ! А отъ же сталося!..

Теперъ винъ спокійнишый, тыхшый, але перши дни... ёму навить згадуваты ихъ страшно.

Ци зъявани рукы, ця ганьба передъ усіею громадою... Гаинка... поглядъ іи божевильно-безнадійный... рукы до ёго про-

стягае... Потимъ тяганына по полиціяхъ... и нарешти—ся темныця.

До блакытного неба безкраёго, до зеленого поля шырокого, до лисивъ холодкува́тыхъ, до садкивъ квитущыхъ запашныхъ винъ извыкъ, а теперъ тилькы муры товсти холодни, тилькы кграты зализни, тилькы тяжкый сморидъ гнылои тюрмы!..

А люде... Боже!..

Онъ той высокый, зъ здоровеннымы дужымы рукамы, зъ великою чорною бородою,—винъ же двохъ людей убывъ, щобъ пограбуваты ихъ!.. Сей билявый парубокъ зъ маленькымы ще вусамы задавывъ свою дытыну видъ дивчыны... Сей онъ пидпалывъ село... Отой дидъ старый, пъянымъ бувшы, пробывъ своему сусиди колякою голову, що той и вмеръ... Цей знову щось страшне зробывъ...—и такъ коженъ!..

И винъ, Зинько, середъ ихъ, невынный, а нихто ёму навить и виры не йме, що винъ не выненъ, тилькы сміются зъ ёго... И ёго дожыдае така жъ кара, якъ и ихъ!.. За що? Де жъ та правда, колы можно караты чоловика за нищо? колы однаково терпитыме и отой чорный, що, сміючысь, росказуе, якъ винъ сокырою розрубавъ голову, и винъ, Зинько, що хотивъ тилькы одного: щобъ людямъ було краще, хотивъ добра людямъ!.. Безъ ніякого доводу ёго обвыновачено въ страшному злочынстви, зганьблено, закынуто въ тюрму, судытымуть и каратымуть ёго! На́ що жъ тоди ввесь цей ладъ на́ свити, ввесь цей порядокъ, колы черезъ ёго можно караты, мордуваты невынныхъ? Адже Зинько знае, що не зъ самымъ имъ такъ бувало,—винъ про се и чувъ, и чытавъ. А колы такъ, то навищо людямъ ци вси суды, ци вси начальныкы? Чы не краще було бъ, якъ бы цёго ничого не заводыты, якъ бы люде сами соби жылы, громадою ладъ и судъ давалы?

Громадою! А яка жъ и громада, якъ не така жъ? Чы вона жъ ёго, неповынного, оборонила? Ба ни, хыба ще глыбше втоптала въ се багно!.. Чы вона по правди громадськымъ справамъ ладъ давала? Ба ни—Денысы, Рябченкы, Сучкы—отъ кому середъ неи вильно й ласо жывется, а чоловикови чесному та вбогому—ни!..

Нема й у громады правды!.. А де жъ? Де?.. Може не середъ людей, може въ Бога? Такъ уси кажуть... Але жъ Богъ бачыть, якъ у громади неправедни люде, глытаи, панують,—чомъ же ихъ не зупынено? Адже Зинько невынный,—чомъ же сёго не выявлено? Чомъ?..

И страшни думкы вставалы въ Зиньковій голови... Винъ жахався ихъ, винъ прогонывъ ихъ одъ себе, а воны обнималы ёго все дужче й дужче, а воны пеклы ёго, палылы, що ажъ розумъ ёму туманивъ, що ажъ обморокъ ёго бравъ.

Нема правды въ свити, а колы вона часомъ де й озветься, то тамъ ій рота затуляють, тамъ іи згничують, затоптують, вынищують.

И *нихто* не зробывъ такъ, щобъ вона подужала. А тымъ часомъ йе жъ така сыла, що могла бъ се вчыныты? Чы и въ тіеи сылы правды нема? Чы тіеи й сылы нема? Дакъ навищо жъ тоди й люде жывуть, родются, сміются й плачуть, борются и вмирають? Навищо?

Видповиди не було, а голова розскакувалась одъ божевильныхъ думокъ.

Не знаты що сталось бы зъ имъ черезъ си думкы, якъ бы ихъ не розбывалы на якый часъ оти допыты въ слидчого, де винъ повыненъ бувъ боронытыся, та жыття зъ людьмы, зъ якымы мусывъ пробуваты въ одній хати. Найбильшъ оци люде...

Винъ спершу й боявся ихъ, и гыдувавъ имы. Воны здавалыся ёму людьмы одминнымы видъ ёго самого, цилкомъ одминнымы, бо се булы злочынци, лыходіи. Ёму здавалося, що звычайни люде—то по одынъ бикъ, а злочынци—то по другой, що въ звычайныхъ людей усе такъ якъ и треба въ людей, а въ злочынцивъ усе инакше: и правда въ ихъ не така, и хочуть воны не того, що вси люде, та й уся въ ихъ душа не така, а гирша—лыха, темна, ворожа. Зъ такымы думкамы прыйшовъ Зинько до тюрмы, а якъ побачывъ си облычча, позначени острожною неволею, а часомъ и грихомъ, якъ уздривъ ту одежу, завсигды ёму страшну, то мовъ ище выразнише почувъ, що си люде—зовсимъ не те, що винъ, и не можуть буты тымъ. Кровъ у ихъ на ру-

кахъ, кровъ и на души. И булы воны ёму страшни. А ще гирши сталыся писля одніеи подіи. Ото тилькы вкынуто ёго въ сю пивтемну камъяну яму, ще не встыгъ винъ добре й розглянутысь, а вже ёго звидусиль оточено. Роздывлялыся на ёго зацикавлени, роспытувалыся якъ звуть, звидкы, за що потрапывъ сюды.

— За нищо потрапывъ,—одказавъ Зинько.—Хтось убывъ чоловика, а мене выннго зроблено.

— Овва! А ты хыба ёго не вбывавъ?

— Якъ бы я ёго вбывавъ, то не казавъ бы, що не выненъ!— одмовывъ палко Зинько.

— Фю-фю!—засвыстивъ чорный рештантъ.—Коженъ, братику передъ слидствувателемъ каже, що винъ не выненъ, бо никому не хочется на Сибиръ мандруваты, а тутъ инша ричъ. Мы се дило добре знаемо—насъ не одурышъ.

— Я й не думаю васъ дурыты.

— Отъ штукарь!—казавъ той такы рештантъ изъ велыкою чорною бородою,—я ажъ двомъ сокырою головы росколовъ та й то не ховаюся, а винъ одного прыдавывъ, та вже й злякався. Ха-ха-ха!

Чорный рештантъ зареготався, за имъ ище де-хто. Зинько сыдивъ то червоный, то билый якъ крейда. Винъ бачывъ, що не вневныть сихъ людей, що деремни будуть уси ёго слова: звыкшы самы брехаты й ховатыся зъ своимы ще невыкрытымы злочынствамы, воны й иншому не нялы виры. Зинько замовкъ, але вси ци люде сталы теперъ ёму таки огыдни!..

Винъ жывъ середъ ихъ тыхо, ни зъ кымъ не сварывся, та ни зъ кымъ и не ладнавъ. Що правда,—воны ёго не займалы. Винъ зъ того бувъ радый вельмы, сыдивъ соби въ темному куточку та думавъ свои тяжки думкы... А рештанты жылы своимъ жыттемъ: гулялы въ карты и часто за ихъ лаялысь, а то й былысь, оповидалы одынъ одному про свои прыгоды, добувалы десь тютюну й горилкы и часомъ бувалы пьяни. Якось трапылося, що одынъ рештантъ програвъ другому въ карты пивкварты. Добулы ін и постановылы выпыты гуртомъ—усимъ тимъ, що гулялы того разу въ карты. Середъ ихъ бувъ и Онысько—той молоденькый биля-

вый хлопець зъ сирымы очыма, що задавывъ дытыну. Выпывшы винъ дви чаркы, трохы спъянивъ и сыдивъ похнюпывшысь, спустывшы вныз рукы.

— Чого розманижывся?—штовхнувъ ёго рештантъ, що сыдивъ биля ёго.—Эхъ, ты! пыты не вміешъ!.. Уже й пъяный!

— Я не пъяный...—озвався якымсь плачу́щымъ голосомъ парубокъ.

— Ну, а чого жъ ты росквасывъ губы?

— Сумно...—видказавъ тымъ самымъ голосомъ парубокъ.

— Сумно! Ха-ха-ха!—зареготалыся пъяни рештанты.—До мамы схотивъ? Чуешъ?

И воны почалы ёго смыкаты, штовхаты.

— Одчепиться!.. Душа моя не терпы́ть... Ой важко мени!... Ой тяжко!..

Винъ обхопывъ себе рукамы за голову и хытавъ нею, прыказуючы:

— Ой горечко жъ мени!.. Ой лышенько жъ мое!.. Ой шо жъ мени робыты?.. А воно жъ озывается!.. А воно жъ озывается!..

— Що́ озывается, ты, рю́мсало?

— Воно... якъ янголяточко... А я жъ ёго задавывъ... А я жъ... Ой, Боже!..

— Дакъ на що жъ ты ёго давывъ, слынявый? Колы вже нарядылы зъ дивкою дытыну, дакъ и нехай буде дытына, а то ще давыты!—казавъ той палій, що пидпалывъ село.

— Та хыба жъ я хотивъ?.. Та я жъ и не думавъ того робыты... та я жъ...—парубокъ уже плутавъ, хлыпаючы.

— Та чомъ же ты іи не взявъ? —пытавъ палій.

Парубокъ ще разъ хлыпнувъ, помовчавъ, а тоди видказавъ:

— Я бъ іи й узявъ... Колы жъ вона наймычка та така вбога, що въ ихъ не хата, а хливъ... а мій батько багатырь на все село. Каже мени: и въ голову соби того не клады, щобъ Хымку свататы. Николы того не буде. А мій батько такый, що якъ що сказавъ, то такъ уже й е. Я й знавъ, що батько не дозволыть свататы, а все ходывъ... усе ходывъ... бо такъ и порыва́... Ну, а то разъ я на баштани бувъ... баштанъ стеригъ..

Прыбигае вона до мене: «Ой, Оныську, прыйшла по мене смерть!»— Чого ты?—«Утекла зъ дому, бо тамъ мене вбъють, якъ побачуть». А въ неи батько такый лютый, що якъ роспалыться, то й чоловика вбъе, а мачуха ще ёго й пиддрочуе... Ну, тамъ у курини й народылася дытынка... Взяла ёго Хымка, положыла до себе на колина, загорнула въ попереднык. Лежыть воно, пхыкае, пыщыть зъ холоду, а мы надъ имъ плачемо. Знаемо обое, що не можно Хымци зъ имъ до-дому прыйты. «Я,—каже вона,—пиду въ городъ».—Якъ же ты пидешъ туды безъ паспорта? та й хто жъ тебе визьме зъ дытыною?—Якъ почала жъ вона тужыты, якъ почала!.. Дакъ у мене такъ серце й крается!.. А дали якъ почала мене клясты!.. И жаль мени іи, и вже чую, що й мене за серце вхопыло.—Цыть,—кажу,—не клены! Хыба мени самому легко?— А вона: «Та ты жъ уставъ та й пишовъ, та взявъ соби другу та й жытымешъ изъ нею викъ свій у добри та въ щасти!.. А я жъ пиду зъ имъ по-пидъ тынню!.. Та мени жъ черезъ ёго тилькы зъ мосту та въ воду!.. Та бодай бы тоби сонце праведне не свитыло, якъ ты мене занапастывъ!.. Я тебе просыла, я тебе благала, щобъ ты пожаливъ мене!.. А тыжъ не послухавъ!.. Теперъ беры ёго та робы зъ имъ що хочешъ!..» Та взяла тую дытынку та й положыла мени на колина, а сама все свое!.. Ухопыло мене за серце, обняло мене вогнемъ,—якъ ухоплю я ту дытыну, якъ струсону нею:—Черезъ тебе,—кажу,—прокляте, все це сталося! Та й кынувъ ёго до неи зновъ... А воно... бидненьке... и не... не пыснуло... и прытыхло... Сыдымо, мовчымо вже, а воно лежыть... и не ворухнется... Хымка до ёго: «Ой, Боже жъ! дытына нежыва!..» Та тоди зновъ у плачъ!.. Се жъ якъ я ёго струсонувъ, то й духъ изъ ёго вытрусывъ... Сыдымо надъ имъ та тужымо... Тужылы-тужылы—трохы не до свиту... а тоди... закопалы ёго... Отъ такъ... Отъ и все...

— Ну, а якъ же довидалысь?

— Собакы выгреблы та й вытяглы... Ой, Боже мій!.. Боже мій!.. оце спаты ляжу, а воно мовъ коло мене тутъ пыщыть... пыщыть!..

И парубокъ изнову почавъ хлыпаты, а ёго велыки сири очи зайшлыся слёзамы. Рештанты вси прытыхлы, не озывалыся. Вразъ чорный гукнувъ сердыто:

— Чортъ батька зна що! Слухають того плаксія!.. Пысцить! пысцить!.. Плюньте вы на ёго!.. Допываймо що йе!

И покынувшы парубка, взялыся знову до горилкы.

Але зъ того часу чорный и просвитку не дававъ Оныськови. Тилькы зу́здривъ, що той сивъ самъ соби въ куточку або просто замовкъ, ничого не говорыть,—заразъ почынавъ:

— А що? вже пыщыть? Га? Пыцыть?

У безщасного видъ того нагадування все облычче якось бгалося, стыскалося въ одынъ выразъ страшнои пекучои мукы, сири очы туманилы... А чорный, не зважаючы на те, знущався:

— Прыдавы ёго дужче, щобъ не пыщало!

Онысько стыскавъ зубы та ажъ вывся зъ болю.

Де-хто зъ рештантивъ иноди казавъ:

— Та ну бо годи! Чого ты прычепывся до ёго?

Здебильшого жъ не зважалы на те. Чорного вси боялыся.

Одного разу, пидъ часъ такого мордування, Зинько вже не стерпивъ бильше. Винъ пидійшовъ до чорного и промовывъ тремтячымъ голосомъ:

— Не кажы ёму цёго!

— А тоби яке дило? Ты що за панъ?—вызвирывся той.

— Таке мени дило, що ты ёго мучышъ. Отъ же не мучъ!..

— Чы ба, якый мылостывый!—зареготався чорный.—Плювать мени на тебе! Хочу казаты й казатыму!

— Ни, не казатымешъ!..—Зинько почувавъ, що голову въ ёго мовъ огнемъ обнимае.

— А що жъ ты мени зробышъ, якъ казатыму?—глузливо пытавъ чорный.

— Зроблю, що тоби зацыпыть!

— А покы те буде, дакъ я зъ твоеи морды зроблю настоящого патрета! Бачышъ?—И винъ пхнувъ ёму пидъ нисъ свого здоровенного кулака.—Нюхай!

Рештанты прытыхлы, вси облычча повернулыся до Зинька й чорного. Сей бувъ такый здоровый, що Зинько здавався передъ имъ трохы не хлопчыкомъ. Выдко було вже й заразъ, хто подужае, колы прыйде до бійкы.

— Геть зъ кулакомъ!—промовывъ Зинько голосомъ, що дзвенивъ и тремтивъ, якъ струна.

— Нюхай!—и чорный штовхнувъ ёго кулакомъ у зубы.

Ще одна мыть, и Зинько видштовхнувъ бы видъ себе нахабного, и тоди мусыла бъ початыся бійка. Але вразъ чыясь дужа рука дала такого штурханця чорному, що той ажъ поточывся й одскочывъ на бикъ. Передъ имъ стоявъ палій.

— Ты чого штовхаешся?—крыкнувъ чорный, кыдаючысь до ёго зъ кулакамы. Але ще не встыгъ и вдарыты до пуття, а вже самъ здобувся такого стусана по вуху, що голова ёму видразу схытнулася на бикъ, и самъ винъ, поточывшыся, за малымъ не впавъ на пилъ. Розлютованый, скаженіючы, ухопывъ винъ важку кавратку, що нею рештанты пылы воду, и кынувся знову до палія. Але ту жъ мыть килькы рештантивъ вчепылось за ёго ззаду, не пускаючы.

— Пустить мене! пустить!..—пручався винъ у ихъ у рукахъ.—Пустить, я ёму голову розвалю!.. Гетьте!..

— А ну, розвалы!—казавъ палій, стоючы зважлыво и ладéнъ що-хвылыны збыты знову чорного до-долу, хочъ и самъ бувъ блидый, якъ крейда.—Або я тоби твою пельку заткну, щобъ ты бильше не въязъ до хлопця.

Тымъ часомъ рештанты видняlы въ чорного кавратку и, хочъ винъ пручався, одвелы ёго й посадылы геть дали въ кутку. Помалу все затыхло.

Чорный зъ того часу зненавыдивъ и Зинька и хлопця й палія, але не займавъ уже никого: почувавъ, що тамъ бильша сыла. А Зинько того жъ вечора розговорывся зъ паліемъ, и той по щыросты розсказавъ ёму про свою прыгоду. Вона не здалася Зинькови дывною и була дуже проста.

Давыдови (такъ ёго звалы) було тилькы девъять рокивъ, якъ ёго батько вмеръ, а за имъ незабаромъ и маты. Ихъ було тилькы

двое, братъ та сестра,—обохъ ихъ громадськи опекуны порозда-валы по наймахъ. У батькивську хату пустылы якогось чоловика, а землю виддалы другому. Якъ парубокъ, вырисшы, схотивъ оже-нытыся и домагався свого добра, то мигъ вернуты соби сами голи пооблупувани стины батьковои хаты. Уся худоба десь ро-стеклася, а той чоловикъ, що колысь узявъ ёго землю, теперъ ін не виддававъ. Почалыся позвы, судова тяганына. Давыдивъ крывдныкъ напувавъ сильськихъ суддивъ горилкою, дававъ де треба хабаривъ, и тіи судди скрутылы всю справу. Позывався-позывався Давыдъ та, зневирывшыся зовсимъ, що зможе вернуты свое добро, вы-лаявъ старшыну й суддивъ; старшына кынувся ёго быты, а Да-выдъ, оборопяючыся, вдарывъ ёго. За се винъ одсыдивъ зъ рикъ у тюрми. Выйшовшы зъ неи, не вернувся до-дому, блукавъ по заробиткахъ, ажъ покы одного разу сталося такъ, що ёму не выслано зъ волости пашпорту. Яко безпашпортного, ёго «по этапу» одведено до-дому й прыведено туды рештантомъ. Выявы-лося, що въ волости старшына (давній ворогъ Давыдивъ) удвохъ изъ пысаремъ завелы таки порядкы, що хто не прышле имъ трёхъ карбованцивъ хабаря, дакъ тому не посылають пашпорта. А що Давыдъ тыхъ трёхъ карбованцивъ не прыславъ, то за те мусывъ проходытыся до-дому. Винъ знову вылаявъ старшыну, а той ёго знову побывъ и замкнувъ до холоднои. Втикшы зъ неи вночи, Давыдъ пидпалывъ старшыну, а за имъ згорило й ище багато хатъ...

— Теперъ я пропавъ навикы!—казавъ Давыдъ.—Зашлють на Сибиръ та й годи,—запакують! Якъ бы теперъ, то я бъ уже ёго й не палывъ—нехай ёму лыхо! А тоди, дакъ такъ мене за серце вхопыло, що й не тямывъ ничого. Бачу, якъ за старшы-ною ще людськи хаты займаются, та й не жалко мени ихъ, ажъ радію: такъ вамъ и треба,—думаю соби,—попускаете крывдыты людей отакымъ глытаямъ—отъ же маете!.. Таке запекле серце тоди було. А теперъ жалко... Якъ изгадаю скилькохъ людей и хаты й худобы позбавлявъ, то такъ стане погано, що ажъ... Ви-рышъ, иноди вночи якъ здумаю, дакъ хочъ по вовчому вый та й годи!..

Давыдови Зинько розсказавъ усю прыгоду зъ собою,—дэси винъ никому ии не оповидавъ. Сей ёму виры попявъ одразу:

— Дакъ се выходыть, що й зъ тобою таке зроблено, якъ зо мною!—сказавъ винъ.

Видъ ёго довидалыся про Зинькову справу й парубокъ Онысько, а тоди й дидъ Клочко—отой, що голову сусиди пробывъ. Сей тежъ ускочывъ у лыхо такъ, що й не схаменувся: напывшыся пъяный та й хэ́кнувъ колякою по́ голови. Теперъ винъ усе зитхавъ та молывся вночи. За имы незабаромъ и вси рештанты зналы про Зинька. Бильша частына пяла ёму виры, инши мовчалы. Чорный лютувававъ, але не зачипавъ. За Зинька заразъ бы оступылыся и Давыдъ, и Онысько, и Клочко, може й ище хто.

Миркуючы Зинько теперъ про свои товарыши темнышни, трохы инакше вже гадавъ про ихъ. Теперъ си люде здавалыся ёму не съ такъ уже лыхымы, а бильше нещаслывымы. Бо й справди жъ! Ну, хочъ оцей Онысько: и самъ не хотивъ того, а зробывъ. Якъ бы винъ не бувъ такый роздратованый та трохы зручнише вхопывъ тую бидолашну дытыну, то й не було бъ ничого. Таке, якъ зъ Оныськом, то зъ усякымъ може трапытыся. А ще бильше може трапытыся таке, якъ зъ дидомъ Клочкомъ. Хыба мало по селахъ напываются пъянымы та й бъю́тся, та ще й якъ. Побъются та й жыви зостаются, а сёму трапылось такъ, що вдарывъ незручно—и вбывъ чоловика. Хто пье горилку, то тому й може се трапытыся,—а хыба ихъ багато такыхъ, що не пьють? Та й Давыдъ... хочъ винъ и дуже погане дило зробывъ, село пидпалывъ,—дакъ же ёго прызведено до того! На що жъ ёго стилькы крывджено, що вже й терпець увирвався чоловикови? И пограбувалы, и въ тюрму закынулы, и по этапу тягалы, а тоди ще й паспорту не дають! Чоловикови жъ треба щось йисты, треба десь заробыты, а ёму не дають змогы й заробыты. Звисно, чоловикови й паморокы забье зъ такого горя... Отъ и сталося!.. И якъ бы такъ добре розибраты черезъ що той та сей злочынець свое лыхе дило зробывъ, то може бъ и за кожного щось можно бъ сказаты... Говоримо на вовка, та скажимо й за вовка!..

И згадався Зиньковои ще одынъ злочынець—ёго братъ ридный Романъ. Доси про ёго Зинько тутъ не згадувавъ якось... а теперъ згадавъ... Погано робывъ Романъ, а отъ же самъ Романъ не такый уже поганый бувъ... Покы винъ дома жывъ, то бувъ гарный и робочый парубокъ, а якъ пишовъ зъ дому та побувъ середъ поганыхъ людей, то й схытнувся... А тутъ ище Денысъ пáлу додававъ... Якъ бы Романъ не потрапывъ середъ лыхыхъ людей... Эге! Якъ бы жъ то тыхъ лыхыхъ людей не було!.. та ще щобъ и Денысивъ такыхъ не було!.. Тоди бувъ бы зъ Романа чоловикъ, а теперъ... Се винъ, Зинько, теперъ дуже добре розуміе, а хто не знае сёго та гляне на Романа, то здастся, що той самъ тилькы й выненъ. А воно до всёго треба додывлятыся: черезъ що воно сáме такъ изробылося?

Отъ хочъ и про сихъ людей: черезъ що воны такымы поставалы? Ся думка все муляла Зинька, винъ такъ и инакъ, на вси бокы, про се думавъ. И не мигъ ничого иншого выгадаты, тилькы те, що отъ дидъ Клочко пропавъ черезъ горилку—се зразъ выдко. И багато-багато людей черезъ горилку пропадають: и добро свое занапащають, и тило, и душу. Треба, щобъ люде не пылы горилкы, то тоди сёго й не буде. Ну, и про Давыда, то можно розибраты черезъ що винъ загынувъ: черезъ громадську крывду. Треба, щобъ крывды сіеи не було, щобъ усе по правди робылося. Се такъ... А вже отъ Онысько, то се така справа, що не легенько росплутаты іи. Мабуть такъ треба думаты, що се черезъ мачуху: якъ бы вона не така люта була, то Хымка не пишла бъ зъ дытыною до Оныська и ничого того не сталося бъ... Ни, не выходыть: бувае такъ, що занапащають дитей и безъ мачухъ... Тутъ найголовниша штука, що батько Оныськивъ черезъ свое багатство та не хотивъ убогои невисткы взяты. Зновъ такы оте багатство й тутъ нашкодыло... А бувае жъ такъ, що й не черезъ багатство не хочуть якои дивкы за невистку—отъ, нелюба та й годи!.. Або й самъ парубокъ одкынется видъ дивчыны, а вона й занапастыть дытыну—зъ сорома. Онъ воно що: зъ сорома́ се робытся. Тилькы черезъ що жъ се такъ, що парубкови можно гришыты и нихто ёго за те не карае, а дивчыну вси такъ гань-

бують, що вона ладна́ й дытыну втопыты, и самій утопытыся? Се не по правди! Якъ бы й парубкивъ такъ ганьбувалы, то воны бъ не видкыдалыся такъ легко видъ дивчатъ,—не було бъ и нія-кого лыха. Выходыть, що тутъ вынна *неоднакова* правда: до дивчыны така, а до парубка инша. А треба такъ: чого не можно дивчыны, того не можно й парубкови, бо правда про всихъ мусыть буты однакова.

Эге, треба, щобъ правда була однакова про всихъ... треба. щобъ громадськои крывды не було... треба, щобъ люде горилкы не пылы... Усе треба, усе треба, а якъ же ёго зробыты, щобъ тому требови догодыты? Се якъ бы вси люде прысталы на те, що такъ краще жыты—безъ горилкы, безъ крывды, то тоди бъ усе добре було. Такъ же люде того не розумiють, а колы й прыстають до сiеи думкы, то потроху.

Та такы жъ прыстають! Якъ розберуть добре въ голови та якъ своимы очыма побачуть, що такъ липше, то й прыстають. Выходыть,—треба людей до того нахыляты— и напра́вою, и диламы. А хто жъ те робытыме? Та мабуть коженъ, хто розумiе, що сёго треба. То й винъ, Зинько...

Та чы може жъ винъ багато зробыты? Людей така сыла, а винъ самъ. Якъ то самъ? Отъ уже въ ёго йе товарыство... воно бильшатыме, ростыме... коженъ зъ ихъ прыхылятыме ще людей,—ажъ покы все село займуть... А за однымъ селомъ—ще се́ла, а за се́ламы й дали... И передъ Зиньковою душею ставало инше жыття: таке, де вси люде будутъ тверези, працёвыты, розумни, пысьменни... уси погани порядкы попереминяють на кращи и жытымуть такъ, якъ у Евангелiи сказано, щобъ свого блыжнёго якъ самого себе любыты... Тоди не буде того лыха, тоди си бездольни люде не сыдитымуть у тюрми, и винъ, Зинько...

Ой Боже, Боже, Боже!.. Винъ намиряется людей прыхыляты, товарыство збираты, а самъ у неволи, въ тюрми, въ розлуци зъ людьмы, въ розлуци зъ тымы, хто ёму найдорожчый за всихъ на свити!.. Маты!.. Гаинка!.. Що зъ имы дiется? якъ воны жывуть, бидолашни? Та нема жъ кому имъ пособыты, та нема жъ кому ихъ оборонyты!.. А люде жъ лыхи, нерозумни,—воны ще й

знущатымуться зъ ихъ, безоборонныхъ! Чоловикъ твій душогубъ! сынъ твій душогубъ!—отъ що казатымуть имъ люде, а въ безщасныхъ ажъ душа вмиратыме видъ того слова. И за що жъ це все? Яке право було въ цихъ людей: у Копаныци, въ Рябченка, въ слидчого—зламаты, знивечыты такъ ёму и всимъ имъ жыття? О, прокляти, прокляти крывдныкы!.. И страшне обуринне, лютисть обнимала Зинька на цихъ людей, така лютисть, що винъ, здается, заразъ бы пишовъ и помстывся надъ имы, зробывъ бы имъ щось!..

Але трохы заспокоившыся, почынавъ думаты инакше: помстывся! Зробывъ бы людямъ зло та й годи, а ничого не направывъ бы. А давно винъ думавъ, що треба прыхыляты людей до добра, до правды и словомъ, и диломъ... якымъ же диломъ? Хыба злымъ?

И винъ знову почынавъ жывыты въ соби ти думкы, щобъ людей до жыття доброго доводыты. Оце буде робота, Богови вгодна, а не помста! Оцимъ людська душа спасется! И винъ почынавъ молытыся, благаючы, щобъ Богъ послявъ ёму сылы видбуты се лыхо, и прысягався палко й щыро: дбаты, якъ выйде зъ тюрмы, щобъ правда шырылась середъ людей, дбаты про це що-дня, завсигды, дбаты такъ, якъ люде дбають про свои диты, про свое хазяйство!..

Такъ, дбатыме... тоди якъ выйде зъ тюрмы...

Чы выйде жъ?

Ніякои полегкосты, ніякои й малесенькои надіечкы доси нема! Слидчый мордуе ёго допытамы та лае, що не прызнаётся. Тилькы й йе надія на судъ, що той по правди все розбере и вызволыть ёго... А якъ же й судъ—ни? И винъ задзвонить кайданамы и пиде туды, на Сибиръ!...

Страшный холодъ проймавъ Зинькови душу, несыла обнимала ёго, стыскала, до земли хылыла... Не мигъ часомъ ворухнутыся, лежучы на брудному полу ныць... Ни йисты, ни пыты... На людей якъ бы не дывытыся, не чуты ихъ... Умерты, отакъ лежучы, щобъ не болило...

Але не вмиравъ... Тилькы безнадія холодна зазырала ёму въ душу своимы сирозеленымы очыма, нерухомымы, мовъ скляпымы.. и дывылась на ёго душу, и дывылась, а душа въяла, сохла...

Хочъ бы хто ходывъ до ёго, одвидувавъ!.. А то мовъ повмиралы вси!.. Ни маты, ни Гаинка, ни товарыши!.. Невже жъ воны забулы за ёго, що не прыйдуть?!..

Ни, ни! не забулы. Се щось не такъ, се або ихъ не пускають, або воны хвори. Боже, Боже! Хто жъ имъ пособыть, хто жъ ихъ догляне? Може ихъ уже й на свити нема?

Тяжки безнадійни думкы мишалыся зъ згадкамы про мынуле, про любыхъ, серцеви дорогыхъ, людей. Мовъ намалёване ставало передъ имъ жыття на воли. Заплющувавъ очи и бачывъ самъ себе середъ поля шырокого. Весело та дружно йдуть волы дужи, глыбоко плугъ лемишамы впывается въ чорную землю, за скыбою скыба лягае, а Зинько йде за плугомъ, рукы на чепигахъ и радисно ёму роскрываты земляное лоно, щобъ кынуты въ ёго золотее зе́рно... Кыдае, сіе, и отъ уже сходы зеленіють, отъ пидбываются вгору, колосъ выкыдають... красу́ется колосъ и видкрасуется и похылыться важкою повнозернистою головою до-долу... Дзвеныть коса, покисъ лягае...

— Гаинко! не оставайсь!—смію́чысь гукае Зинько.

— Зи́ньку! швыдче, а то за ногы пійманю!—видгукуе Гаинка, поспишаючыся въязаты зъ усіеи сылы.

Спынывся винъ косу погострыты, глянувъ позадъ себе: сами снопы лежать на постати, нема не повъязаного, а Гаинка стоить и втырае рукавомъ питъ изъ чола... Облычче загорило, почервонило, сорочка пыломъ прыпала, и той пылъ зостается въ Гаинкы на лоби. Помалёване облычче стае чудне, але таке воно любе таке гарне Зинькови!.. Ой щыра жъ та гарна робитныця зъ ёго маленькои Гаинкы!..

Ничъ прыйша, зори замытилы... Вечеря варыться въ казанку... Маты дрова пидкыдае, Гаинка стоить уся червона видъ огняного свиту... Якъ йистся смашно писля тяжкои роботы, а ще смашнише спыться пидъ зорявымъ небомъ променыстымъ на снопахъ запашныхъ!.. Спыть винъ и кризь сонъ чуе, якъ ін головонька спочывае въ ёго на плечи...

И тяжко робыты, та й солодко—зробывшы!.. Прыйде недиля, дакъ справди свято и весело выйты въ той садокъ, своимы ру-

камы садженный, полываный, глянуты на свою роботу, глянуты на село пидъ тыхымы вербамы задуманымы... Або зъ Гаинкою вдвохъ на тій пасици опынытыся, де сонечко золотомъ сыпле и бджолы золоти гудуть и пахощамы віе и квитомъ процвитае, а вона, Гаинка,—найкращый квитъ надъ квиты,—стоить уся въ золотому проминни и сміется, мовъ дзвоныкы срибни дзвонють:

— А не піймаешъ!..

Та такы жъ піймавъ!.. Удвохъ идуть до-дому, а дома вже товарыство вирне дожыдае—на любу розмову, на науку зійшлося, на пораду про справы громадськи...

А Гаинка побигла садкомъ до ричкы по воду и чуты, якъ спивае... ажъ до хаты лыне та любая писня, и не сыдыться въ хати, выскочывъ бы туды въ садокъ и дыхавъ бы пахощамы солодкымы, дывывся бъ на небо, якъ воно зорямы променіе...

И кынется винъ, схопыться, а передъ имъ холодный муръ тисный, а кругъ ёго ничъ темна, ворожа... смородомъ задушливои тюрмы гнытыть...

Крыкомъ бы крычавъ, головою объ той муръ бився-бъ, ажъ покы розбывъ бы іи, щобъ ничого не знаты, не почуваты, не мучытысь...

Гаинко!.. мамо!.. де вы? На що вы покынулы ёго самого вмираты, гынуты въ сихъ гнитючыхъ мурахъ?.:

III.

Темни дни.

Забравшы Остапъ Гаинку зъ Зиньковои хаты, ишовъ зъ нею помалу вулыцею, роспытуючыся про те, якъ вона ходыла въ городъ та що тамъ чула. Вона не дуже ёму видповидала, бо зновъ почувалася такою прыгниченою та знеможеною, якъ и попереду, ще до города. Вона навить не цикава була знаты чого сáме іи маты клыкала, и забула про се, а йшла куды ведено.

Дома зустрила іи маты радіючы. Лыкера була соби людына тыха й добра, та дуже боязька, несмилыва. Черезъ те корылася

чоловикови въ усёму що винъ робывъ, чы веливъ. Найстарша зъ дитей Гаинка була въ неи едыною дочкою, и маты дуже ии любыла; любыла й зятя и зовсимъ не знала про нови чоловикови замиры. Видкóлы Зинька забрано, вона не одынъ разъ до Сывашивъ забигала, та не могла а ни разважыты дочку, а ни вмовыты, щобъ одвидала батькову хату. Тымъ израдила теперъ дуже, побачывшы Гаинку въ себе. Та радiючы й журылась, дывлючыся на сю людыну, що ходыла й розмовляла, мовъ сама не помичаючы того, мовъ не жывучы зовсимъ, або жывучы не тутъ, а десь, въ иншому краи пробуваючы. Завела дочку до себе въ кимнату, поплакала надъ ии й надъ своею недолею...

Тымъ часомъ Остапови чогось було трохы клопитно на души. Винъ трохы боявся жинкы. Хочъ вона й звыкла ёго слухатыся, та, бачъ, теперъ справа була така, що здорово вже ии зачипала... Дочку дуже любыть и до Зинька прыхыльна... Колы бъ якои шкоды не сталося!..

— Этъ, дурныця!—видказувавъ самъ соби Остапъ, вештаючысь по хазяйству.—Звелю, то й буде все якъ схочу! Треба ще Гаинчыну худобу перевезты до себе завтра... Ни, не завтра,—доведется ще трохы пидождаты зъ цимъ... ажъ покы судъ буде, а то репетуватымуть—и Сывашыха, та й такъ люде... Отъ, чортъ ёго й зна, якъ оце погано, що й на того зважай, и на сёго зважай! То зробывъ-бы якъ схотивъ, а то круты та мудруй то туды, то сюды! Чортъ-вить-що!

Остапъ бувъ сердытый. Останнимы часамы все ёго якось гнивало. Зъ батькомъ недавнечко посварывся за свою кумерцiю та за отого жъ такы слынявого Зинька. Не подобается старому, що такъ Зинька занедбалы, не клопочутся про ёго, то що... Якъ же тамъ ище клопотаться? Колы не выненъ, дакъ и выпустыть судъ, а колы выненъ, дакъ самъ знавъ нáщо робывъ: якъ заробывъ, такъ хай и видбувае. Дуже комусь треба того Зинька! Не туды вже закрывылося!.. И такъ того клопоту повна голова, а тутъ ище старый въязне! Зъ самою Горянського землею скилькы морокы. Воно, звисно, хлибъ сёго року вродывъ, дакъ же й подешевшавъ здорово: то личывъ Остапъ, що ôнъ скилькы визьме,

а теперъ уже й геть менше. А тутъ лыхо за лыхомъ. Увъ Остаповому млыни та прорвало греблю,—довелося гатыты: то жъ десяткою не видбудешъ! А вчора зновъ: найкращый вилъ пропавъ! Такый выкоханый, доморослый!... Та ще хочъ бы якъ тамъ пропавъ, а то задавився. Мабуть падлюшный Мыхайло такъ прывъязавъ ёго и не доглянувъ, що налыгачъ якось обкрутнувся кругъ шыи, та й задавылася товаряка. И попобывъ винъ Мыхайла, и прогнавъ ёго, грошей не виддавшы, дакъ хыба те поможе? Мыхайловыхъ грошей якыхъ тамъ дванадцять карбованцивъ, а вилъ такый, що за ёго й пъятдесятъ мало. Ну, проклятый нáридъ идольськый! Нема того, щобъ хазяйського добра доглянуты, а жерты або спаты, дакъ того имъ подай!.. До сёго торгу й пишкы!..

У двиръ убигъ наймытъ изъ батижкомъ.

— Ты чого се?—спытавъ Остапъ.

— Та бида, обламалысь!..

— Туды къ лыхій годыни!.. Де?

— У ярку.

— А бисового сына сыны, прокляти роззявы! Вы мени всю спасть позанапащаете, попереводыте!—гримавъ Остапъ.

Се винъославъ до свого млына пшеныцю, а воны везучы до-дому борошно, та й обламалыся! Покы тамъ наймытъ бравъ нове колесо, Остапъ самъ пишовъ подывытыся. Прыйшовъ,—туды къ нечыстій матери! Мало, що обламалыся, а ще бисови лежни такъ позавъязувалы мишкы зъ борошномъ, що якъ визъ похылывся набикъ, одынъ мишокъ скотывшыся розъязавсь, и мирка або й бильше пречыстого та прегарного борошна пшенышного въ калюжу пишла!.. Ну й давъ же винъ имъ!.. А до-дому вернувся такый лыхый та гнивный, що й не знать що робывъ бы!

Тилькы ввійшовъ у хату, ажъ Гаинка лагодыться йты.

— Куды се?

— До-дому.

— Не выгадуй! Зоставайся, бо вже теперъ у насъ жытымешъ.

Гаинка дывуючысь глянула на батька.

— Ну, чого вырячылась, якъ лысе теля на нови двери? Уже твій Зинько не вернется, то не будешъ же тамъ довику жыты,— однакъ же доведется переходыты до насъ. Ну, дакъ и зоставайсь!

— Я не хочу!.. Прощавайте!..

Вона пишла до дверей, але батько перенявъ іи, вхопывшы за руку.

— Якъ то не хочешъ, колы я тоби велю? Хыба я тоби не батько? Чого ты тамъ сыдитымешъ? Покынь про свого дурня й гадку! Жытымешъ у насъ, то кращого знайду.

— Ай, пустить мене!..

— Та ты чуешъ щó я тоби кажу? Зинькови твоему вже áминь, на Сибиръ пиде,—отъ що!

— И я... туды, де Зинько...

— Тю, дурна!.. Кажуть тоби: не вытребенькуй, жывы въ насъ!

Вона пручалась у ёго въ рукахъ.

— Пустить, тату!.. пустить!..

— Не пущу!

— Пустить!..—вона вже крычала.

— Не крычы й не пручайсь!

— Остапе! та що бо ты робышъ? пусты іи!—прохала маты.

— Одчепысь, не въязны!—гарыкнувъ на неи Остапъ.—Я самъ знаю щó роблю... А ты й не думай утикаты, бо я тебе й за косы видтиля прытягну.

— Ай!—скрыкнула несамовыто Гаинка и рвонулася въ ёго зъ рукъ, але винъ такы іи вдéржавъ.

Двери зъ кимнаты видчынылыся, и высока постать зъ билымъ волоссемъ, зъ довгою билою бородою, стала на порози. Дидъ Дорошъ зырнувъ по хати. Гаинка былася въ рукахъ у батька, а іи маты, не сміючы ничого зробыты, тилькы хлыпала.

— Що се ты робышъ?—понуро спытавъ дидъ у сына.

— Зоставляю сю дурну жыты въ насъ, а вона тика.

— Дидусю! скрыкнула Гаинка,—рятуйте мене!.. Не хочу я тутъ!.. Розлучають мене зъ Зинькомъ...

— Пусты іи!—такъ саме понуро звеливъ Остапови дидъ.

— Не встрявайте, тату, не въ свое дило, видкаснится вы видъ мене! Колы дають вамъ хлибъ, дакъ йижте мовчкы, а не...

Дали Остапъ уже не мигъ ничого вымовыты. Дидова рука вхопыла ёго за горло, стыснула й видштовхнула такъ, що винъ ажъ поточывся, выпустывшы Гаинку. Та мыттю выскочыла зъ хаты.

Дидъ Дорошъ стоявъ увесь блидый, огнысти очи гризно блыщалы, рукы, стыснути въ кулакы, трусылыся.

— Ироде!—скрыкнувъ до Остапа.—Не мучъ дытыны!.. Не забувай, що я тоби батько! Запакувалы нещасного чоловика въ острогъ, а теперъ ище й зъ жинкою розлучае!.. За гришмы, за барышамы ничого не бачыте! Тилькы грошы гарбаты!.. Очи мои не хочуть на тебе дывытыся! Нема въ тебе Бога въ серци, саме здырство прокляте!.. Жеры жъ самъ, глытай, трискай!.. Я тоби не буду на перешкоди, пиду видъ тебе, бо нема вже въ мене мочи жыты зъ тобою!.. Пиду!.. Та тилькы жъ знай, що колы ты Гаинку займешъ або що проты Зинька коитымешъ то отъ прысягаюся тоби на цёму мисци, що вернуся до-дому и выжену тебе якъ пса, бо не забувай того, що *я* ще хазяинъ и, колы схочу, то й у двиръ тебе сюды не пущу!..

Дидъ стоявъ ще яку мыть, мовъ ище щось хотивъ сказаты, але не сказавъ ничого, вхопывъ зъ килка шапку и выйшовъ зъ хаты. Враженый зъ несподиванкы Остапъ мовчавъ остовпилый. Лыкера, прыхылывшысь до стинкы, тыхо плакала...

А дидъ Дорошъ тымъ часомъ уже йшовъ улыцею. Гнивъ ёго помалу втыхавъ, але роздратовани думкы куёвдылыся въ голови, выхоплюючысь иноди словамы:

— Отъ же не давъ дожыты вику спокійно!.. За що мене Господь покаравъ такымъ сыномъ? Невже я такый велыкогришныкъ? Мабуть се вже страшный судъ наблыжается, що деріи гору взялы. Траплялыся й попередъ сёго лыхи люде, та якось не таке вже здырство було. А теперъ за-для того барыша, дакъ и дытыны риднои не жаліе. Бачъ, ёму зять не до вподобы, що зъ имъ не хоче въ одынъ гужъ тягты, дакъ уже й зъ жинкою ёго розлучае. Це такого ще й не чуты було!.. Ни Бога не боится, ни людей не соромляется.

Дидъ доходывъ уже до Зиньковои хаты. Передъ дворомъ спынывся на хвылыну.

— Иты, чы не йты? Якъ увійду, то вже не вернуся въ свою хату... А вона жъ такы мени ридна!.. И хазяйство жъ, и все... та такъ и покынуты?.. Та хто ёго зна якъ ище й тутъ буде!.. Кажуть, що зять—не сынъ, а колы вже теперъ и диты таки, то...

Дидови стало жалко покыдаты тую хату, де винъ викъ извикувавъ, зъ старою своею въ злагади стилькы прожывъ, дитей повыкохувавъ; жалко стало того хазяйства, що винъ ёго своею працею надбавъ... Та подумавъ про Остапа, про повсякчасну незлагоду... та й махнувъ рукою.

— Що Богъ дасть!.. Зинько й Гаинка добри диты... Хыба стара?... Ну, та що Богъ дасть!..

Увійшовъ у хату. Гаинка, якъ була вдягнена, лежала на полу, а стара Параска щось клопоталася коло неи.

— Здорово булы!—промовывъ дидъ.

— Здорови!—одмовыла Параска.—Ой, свате, що се зъ Гаинкою зробылося? Прыйшла та якъ упала, то й слова не промовыть!..—бидкалася вона.

— Дыво, що не промовыть!—одказавъ дидъ.—Колы таке зъ нею батько выробляе!..

И винъ розсказавъ про всю подію.

— Оце лыхо! Се такого ще й не чувано!—скрыкнула Параска.—Де жъ такы: видъ жывого чоловика сыломиць жинку видлучаты!

— Отъ же й таке ще почулы! Та дарма!.. Ты, внучко, не бійся! Покы я жывый,—не займе вже тебе батько, не визьме зъ сіеи хаты.

Винъ пидійшовъ до Гаинкы та й почавъ гладыты іи, якъ малу дытыну, по плечахъ, по облыччу своимы старымы поморщенымы рукамы. Гаинка пидвелась, прыхылылася до ёго и видразу зарыдала въ голосъ... Плакала вперше, видкóлы розлучылася зъ Зинькомъ...

Дидъ сивъ биля неи и давъ ій плакаты до схочу. Плакала довго, тоди помалу-малу почала затыхаты, вже тилькы хлыпала, тилькы здригалося ій усе тило.

— Отъ и добре, що выплакалася!—казавъ дидъ, усе жалуючы ій.—Якъ выплачешся, то воно полекшае. Слёза змывае горе, меньшае ёго писля слёзы,—отъ воно й лекшае людыни. Плачъ, моя пташынко, плачъ скилькы хочешъ!..

И вона плакала, тилькы вже тыхымъ, спокійнымъ плачемъ. А дидъ тымъ часомъ говорывъ до старои Параскы:

— А що, свахо, я вамъ казатыму? Отъ вы спытайте мене, чого я до васъ прыйшовъ!

— Та чого бъ ни прыйшлы, то мы ради вамъ,—одказувала Параска.—Скажете.

— Ради! Ще, може, й надокучу, то й у потылыцю старого доведется выбываты,—жартувавъ дидъ, а Параска ажъ скрыкнула:

— Оце жъ такы, не дай, Боже!.. Що се вы кажете?

— Оте, що чуете!.. Бо я до васъ прыйшовъ не абы чого, а отъ чого: прыймить мене до себе въ прыймы!

— Якъ то—въ прыймы?—пытала, не розуміючы, Параска.

— Да такъ, бачыте: хазяина у васъ теперъ нема, то покы прыйде,—йе у васъ упа́ле мисце... дакъ вы мене на те впале мисце... Хочъ не за хазяина, дакъ хочъ за попыхача... Онъ що!.. Бо якъ правду сказаты, то я вже тамъ не выжыву... Або самому видъ сына питы, або ёго выгнаты, бо не можу я на все те дывытыся... Ну я́къ мени на старости литяхъ ёго выгоныты та бешкетъ робыты?.. Та винъ и не покается,—однаковый буде... То краще я втечу видъ лыха въ тыхшый захыстокъ... Ото жъ, колы хочете, дакъ нехай ся хата й буде мени захысткомъ!.. Га? Чы, може, не туды, а онъ куды?

— Та, Боже мій!.. та мы зъ дорогою душею!—зрадила Параска.

— А ты жъ, Гаинко, чому мовчышъ, ничого не кажешъ? Може, не хочешъ дида въ хату пустыты?

Гаинка знову прыгорнулася до дида, шепочучы:

— Дидусю... зоставайтесь!..

— Ну й гараздъ... спасыби вамъ!.. Буду въ васъ жыты... А якъ вернется Зинько, то и въ ёго просытымусь.

— Ой, дидусю! Чы вернется?..

— Мабуть ёму вже не вертатыся! — додала маты, втыраючы слёзы.

— Отъ и зарюмсалы!.. Отъ уже й не люблю!.. Ну, сказаты, се—мале, дурне, а мы жъ изъ вамы, свахо, такы, спасыби Богови, пожылы вже!.. Ни, теперъ новый порядокъ щобъ у насъ у хати завився: щобъ и думкы тіеи не було, що Зинько не вернется! Хыба вы не знаете, що Богъ бачыть неповынныхъ, то й верне ёго? Воно выкрыется хто се зробывъ,—шыло въ мишку не втаится!.. Хочъ не видразу, а такы немынуче выявыться! Та й самъ Зинько хлопець моторный,—вінъ знае оборонытыся.

И дидъ усе казавъ двомъ зажуренымъ жинкамъ усяки слова розвагы й надіи, надіи хысткои, але тяжко жаданои змученымы душамы; розвагы може непевнои, але дорогои кожному засмученому серцеви. И воны впывалыся тымы словамы,—любымы, якъ вона крынычана погожа литнёго пекучого дня чоловикови, згагою знеможеному...

Другого жъ дни дидъ Остапъ забравъ де що свое зъ риднои хаты, попрощався зъ невисткою, зъ онукамы,—тилькы зъ сыномъ не схотивъ прощатыся,—утеръ нышкомъ слёзу зъ старыхъ очей, та й оселывся зовсимъ у Сывашивъ. Зъ имъ укупи оселылася тамъ и надія,—невелычка, що правда, та все жъ вона давала спромогу дывытыся трохы яснише на свитъ, нижъ дывылыся бидолашни жинкы доси.

Чутка про те, що дидъ Дорошъ одъ сына перейшовъ до внукы, швыдко роскотылася по селу. Багато люде говорылы, нарикаючы на Остапа, тилькы свое товарыство ёго бороныло. Трохы черезъ сей людськый голосъ, трохы боячыся батька, Остапъ уже бильше не займавъ Гаинкы.

— Треба перечасуваты,—думавъ,—а тамъ, писля суду, то вже моя воля буде!

А Сываши тымъ часомъ жылы соби тыхо. Дидъ правывъ за господаря, дававъ усёму порядокъ; Карпо й Васюта завсигды

зъ дорогою душею охочи булы послухаты, запомогты. Було бъ и добре, якъ бы не було сумно.

Спершу, якъ прыставъ до ихъ дидъ, и Гаинци й матери стало не веселише, але спокійнише трохы. Той упокій породыла надія, а надію збудывъ своимы словамы дидъ Дорошъ. Обыдви жинкы думалы: «Отъ уже скоро... Отъ, може, завтра, по завтрёму вернется Зинько...».—Ни завтра, ни по завтрёму винъ не вертався.—«Ну, то въ недилю або въ середу...».—Мынала безъ ничого и недиля й середа... Бидолахы дожыдалыся, выглядалы що дня, и що-дня надія ихъ дурыла, и що-дня вона прыгасала, прыгасала... И помалу-малу душа въ матери окрывалася старымъ безнадійнымъ смуткомъ, помалу-малу Гаинка зновъ застыгала, якъ крапля на морози, зновъ робылася такою камъяною, якъ и попереду. И знову мыналы покволомъ забарни похмури ночи, похмури безнадійни дни...

Такъ мынула осинь понура, прыйшла зима била й холодна... Наблыжалося Ризлво...

Надійшовъ и той «святый вечиръ», що ёго такъ побожно й радисно дожыдае на сели кожне, бо въ кожного зъ тымъ вечоромъ поедналыся люби й серцеви дороги згадкы про щось святе й радисне, про якусь любу надію й тыхый упокій. Винъ вытае тоди, той тыхый упокій, надъ усимъ селомъ, надъ усима хатамы, зазырае до кожнои въ середыну, зазырае въ душу кожному своимы ласкавымы тыхымы очыма—такымы ласкавымы, якъ усмихъ евангельськои дытыны, и такымы променыстымы, якъ тая зоря вечировая, що ій свиту зъ такою побожною надіею дожыдають уси того вечора.

Такъ, скризь упокій зазырае, въ кожну хату, въ кожну душу... Тилькы въ Сывашеву хату винъ не зазырнувъ, тилькы въ тій хати не всмихнувся винъ ни одній души...

Диждалыся й тамъ зори вечировои... Давно въ хати було попрыбирано й чысто, давно вже блымала передъ образамы воскова свичечка, осяваючы потемниле малюванне, поблыскуючы на шатахъ, на билыхъ, густо вышываныхъ, рушныкахъ, на квиткахъ, що имы колысь позаквитчувала Гаинка образы... На покути давно

вже стояла середъ сина кутя, а застеляный билымъ убрусомъ стилъ дожыдався вечери,—та вечеряты нихто не сидавъ.

Стара маты не знать уже въ якый разъ переставляе на мысныку горшкы й мыскы, то внесе въ хату, то вынесе щось,—такъ, мовъ ище не все вона поробыла мовъ ще дѝла въ неи дуже багато. И дидъ Дорошъ усе знаходыть соби роботу: то винъ утрете вже до воливъ чогось навидуется, хочъ уже давно имъ дано йисты; то ступу на шшоно заходывся на щось переставляты въ синяхъ зъ одного кутка въ другый; то ёму свыткы й кожухы не такъ высять на жертци, якъ треба... И Гаинка якусь дуже нагальну роботу соби знайшла: знимае зъ килочкивъ та зновъ чипляе рушныкы та розгортае, щобъ вышыване выдко було... викна тоди уже втрете захóдыться вытыраты...

Та такы поробылы все, все, що ни вышукувалы, що ни выгадувалы, абы загаятысь, абы диждатыся, чы не почують швыдкои ходы́ знаёмои въ двори, чы не рыпнуть двери...

Ни, нихто не выдчынявъ ихъ...

Дидъ выйшовъ ще разъ изъ хаты, постоявъ, послухавъ на двори... Вернувся не поспишаючысь, скынувъ кожуха, положывъ на полу. Тоди до обохъ жинокъ промовывъ тыхымъ покирнымъ голосомъ:

— Давно вже зоря... часъ вечеряты...

Остання надія зныкла...

Мовчкы посидалы за стилъ. Биле волоссе й борода дидовы не билиши булы видъ облыччя Гаинчыного; а старе, потемниле якъ давне малюванне, змарниле видъ праци, хворобы й смутку облычче матерыне здавалася ще чорнишымъ биля того за малымъ не прозорого и дывно нерухомого облычча.

Старый дидъ Дорошъ узявъ чарку тремтячою рукою та й почавъ промовляты:

— Дай же, Боже, того року диждавшы, систы до святои вечери въ доброму здоровлю всимъ... всимъ—щобъ... А теперъ дай, Боже, доброго здоровля тому, хто неповынно въ неволи поневиряется!.. Нехай...

Та й не доказавъ дидъ,—перепынылы слово слёзы... Гаинка озвалася голоснымъ плачёмъ и выбигла зъ хаты. Маты, впавшы на стилъ, почала тужыты:

— Сыну мій! сыну мій!..

Дидова рука спустылася зъ чаркою на стилъ, била голова похылылася, а буйни слёзы котылыся зъ старыхъ очей и падалы на билый убрусъ...

Але дидъ першый себе перемигъ:

— Годи, свахо, годи! Плачемъ не пособымо. Господь мылосердный ёму поможе, а не нашъ плачъ. Будемо вечеряты, якъ законъ велыть, та ёго згадуваты, то ёму легше буде, бо й винъ же насъ изгадуе. Клычте, свахо, Гаинку!

Параска пишла по Гаинку. Та стояла въ синяхъ, прыпавшы въ кутку до стины головою, и вся здригалася видъ плачу́...

— Гаинко, дочко, ходимъ у хату!

Вона не видповидала ничого. Маты взяла іи за руку й повела. Прывела, посадовыла за стилъ.

— Гаинко, внучко люба, не плачъ!—казавъ дидъ.—Визьмы въ уста вечери—якъ законъ велыть...

— Не можу!—скрыкнула Гаинка, знову схопылася та й побигла въ другу хату...

Довго тіеи ночи бидолашна маты была поклоны передъ потемнилымы образамы; довго на лижкови въ другій хати здригалося видъ плачу́ знеможене людське тило, и душа въ ёму ще биль̀ше знеможена була.

И темна ничъ холодна слухала мовчкы тыхъ молытóвъ того плачу́... байдужна, гнитюча ничъ...

Була ще одна душа,—и вонá мучылася тяжко, безмирно того тыхого святого вечора,—то була душа Иванова Момотова.

И тило ёго змарнило, зсохло,—ходывъ винъ марою. Зъ братомъ николы не розмовлявъ, обмывавъ ёго, коды де стривався. Скилькы разивъ винъ казавъ соби: Иду, прызнáюся!.. Та й зупынявся... Черезъ що? И самъ добре не знае. Якыйся страхъ передъ тымъ прызнаннемъ обнимавъ ёго. Розумивъ, що скоро переступыть сей поригъ,—заразъ тоди повыненъ зректыся всихъ надій, бо зруйнуе

все свое жытте, перестане буты вильною людыною, зныкне зо свиту и жытыме тилькы на те, щобъ одбуваты кару... И черезъ те спынявся...

А мукы де-дали гиршалы. Наблыжалося свято, а винъ думавъ:

— То не мени. То людямъ побожнымъ, чеснымъ, а не душогубамъ.

И винъ зрозумивъ, що вси радощи сёго жыття, все, що йе въ ёму гарного, ясного,—все воно вже *не ёму*, все те належыть невыннымъ, самымъ невыннымъ. А въ ёго на души страшна й пекуча вага, и вона зйидае, вбывае ёму душу. О, якъ бы ёму скынуты ту вагу!..

Почувавъ, що може скынуты тилькы однымъ—покутою.

Теперъ уже не було въ ёго думокъ про те, що винъ зруйнуе свое жытте: зрозумивъ теперъ, що винъ уже зруйнувавъ ёго ще тоди, тіеи ночи, якъ удвохъ изъ Панасомъ пишовъ до Грыцька. Нищо, навить покута не зможе повернуты ёму занапащене... але жыты такъ и дали була незмога...

И винъ зважывся спокутуваты.

Саме на святъ-вечиръ винъ зныкъ изъ села. Винъ пишовъ у го́родъ...

. . . . . .

Першого дня Риздва Гаинка не пишла й до церквы. Безмирне горе давыло ій. Николы ще воно не було таке тяжке. Не могла вона молытыся, не могла на людей дывытыся. Вже вона вси молытвы перемолыла, вси благанняя переблагала. Ни одного слова молытовного не знаходыла теперъ у своій души. И ни одного слова до людей у неи не було.

Поклыкалы ій до обиду,—не пишла. Не выйшла зъ своеи хаты, лежала на лижкови нерухома й мовчу́ща. Не хотила озыватыся навить до дида й до матери. Померклымы очыма дывылася кудысь и нычого не бачыла. Ни, бачыла... Тамъ, десь булы били стины... по стинахъ патреты... малюнкы... образы... рушныкы... викна... шахва зъ книжкамы... Се було десь далеко-далеко, мовъ по той бикъ велыкои ричкы, мовъ за якоюсь скляною стиною... Звидты й голосы озывалыся—дидивъ, матерынъ... А тутъ коло

неи, коло Гаинкы, не було ничого: ни хаты, ни людей, ни голосу... Вона сама була, така сама, що навить не розумила, якъ можно буты не самій...

На що іи займають, щось до неи кажуть? Вона жъ одъ ихъ далеко и не буде вже блызько николы... николы... николы...

Вона буде сама, все сама... сама вмиратыме, сама зныкатыме, ажъ покы не стане й іи, якъ не стало Зинька... бувъ и не стало, и вже николы не буде... николы... николы...

И ій здается, мовъ уже почынае душа іи часточкамы зныкаты — ростае, розвіюется, якъ туманъ середъ шырокыхъ безмежныхъ просторивъ, якъ била хмарка середъ блакытного неба: онъ росплывается шматочкамы... онъ ростае. . онъ зныкае... зныкла...

А блакытне небо почынае гаснуты, тьмарытыся... Помалу гасне, и за имъ гасне й зныкае все: патреты на стинахъ... стины... стилъ... лавы... вся хата... Ничого нема, все розвіялось, зныкло, потопло...

Тилькы далеко-далеко щось плаче... Отъ усе дужче й дужче, блыжче й блыжче... Ой такъ тяжко тужыть, що ажъ голосомъ голосыть—спивае... Ой то жъ на тому свити плачуть-тужуть... Чого? Може надъ нею, що вона вмерла?

Затыхло... вже й не тужуть... Ничого не выдко, ничого не чуты, все зныкло...

И видразу щось мовъ зашумило и тужинне озвалося зновъ— голосно...

Зирвалася зъ лижка й стала середъ хаты. Вся тремтила. Що се?

Помагай Бигъ тоби, пане хазяину!
Святый вечиръ!
Пане хазяину, славный пахарю!
Святый вечиръ!
Застылай столы, клады пырогы:
Святый вечиръ!
Будуть у тебе славніи гости...
Святый вечиръ!..

Дивчата колядують... Та вона жъ сію колядку сама спивала, колядуючы въ одному гурти зъ имъ, зъ Зинькомъ!.. Та винъ же коло неи стóючы іи спивавъ, а теперъ де винъ? де винъ?

А дивчата спивалы дали про того жъ славного пахаря:

Не багато пожывъ, та й славы нажывъ:
Билымъ зализомъ двиръ обгородывъ,
Поставывъ ворóта зъ щырого злота,
Помостывъ мосты все чавунныи,
Поставывъ стовпы все золотыи,
Поклавъ же жерде все срибранее,
Повишавъ ковры все шовковыи,
Самъ пойихавъ на горду войну...

Ой, Боже жъ мій, Боже!.. Не на вiйну жъ винъ пойихавъ, не на вiйну!.. А пишовъ винъ до темнои темныци, якъ до сырои земли, якъ до глыбокои ямы!..

Якъ несамовыта вона кынулася черезъ сины въ другу хату.

— Мамо!—скрыкнула,—прыпынить!.. Нехай сёго не спивають!..

Двери тыхо видчынылыся, и на порози ставъ чоловикъ у запорошенiй снигомъ одежи, зъ невелычкою чорною бородою. Скыдаючы шапку, промовывъ тыхо:

— Добрый вечиръ!

Здригнулыся вразъ уси трое видъ того голосу: и дидъ, и маты, и Гаинка и замерлы на одну мыть, тилькы на одну мыть... А за мыть Гаинка кынулася до ёго, прыпала до ёго:

— Зиньку!..

А дивчата все спивалы:

Да вертае жъ винъ зъ гордои войны:
Застукалы мосты все чавунныи,
Заззялы стовпы все золотыи,
Забряжчало жерде все срибранее,
Замаялы ковры все шовковыи.

Що люде кажуть: королевычъ йиде!
Матинка каже! мій сынокъ йиде!..

Ни, вона не казала... Вона тилькы рыдала старымы выплаканымы очыма, рыдала, прыпавшы до ёго такъ, якъ и Гаинка, якъ и билый дидъ Дорошъ...

IV.

Нови надіи.

Въ церкви вже повно було народу другого дни Риздва, якъ Зинько зъ Гаинкою ввійшлы туды. Помалу протовплюючысь, доступылысь воны въ середыну и сталы вдвохъ.

— Глянь: Зинько!..—почувся шепитъ.

— Де?

— Та онъ же!

Люде поверталыся, дывылыся и незабаромъ шепитъ, мовъ хвыля пидъ витромъ, покотывся по церкви:

— Зинько вернувся!.. Зинько!...

Очи поверталыся въ той бикъ, де стояла щаслыва пара. Зинько, хочъ блидый и худый, та чысто выголеный, гарно вдягненый у крытый кожухъ, стоявъ спокійный та поважный. Видъ Гаинчыного облыччя такъ и было сяевомъ безмирныхъ радощивъ, безкраёго щастя. Та й було чого! Вчора—острожныкова жинка, сёгодни—дружына чесного, невынно покрывдженого чоловика. И винъ, сей безъ миры коханый, дорогый стоить поручъ изъ нею, и никóлы, николы вже вона зъ имъ не розлучытся! Якъ же ій було не радиты, колы въ неи вся душа всмихалася и до сихъ людей, що, навкругы стоючы, дывылыся на неи, и до сіеи церковци старенькои, здавна ій риднои, и до того сонячного проминя, що зъ узенького закратованого викна насмомъ простягався по церкви, выблыскуючы на позлотыстому иконостаси, на потемнилому малюванни... Ии уста не шепотилы молытовъ,

вона забувала хрестытыся, але вся душа іи порывалася радисно-молытовнымъ почуваннемъ безмирнои вдячности...

Помалу занышкло шепотиння, вси знову сталы тыхо—ажъ до кинця службы. А ледви вона скинчылась и народъ посунувъ зъ церквы,—заразъ на рундуци обступылы Зинька зъ Гаинкою люде. Здоровкалыся зъ Зинькомъ, поздоровлялы, де-хто цилувався зъ имъ, роспытувалы, чы давно вернувся. Карпо зъ радощивъ ажъ заплакавъ. Помалу посуваючыся середъ натовпу, Зинько зъ Гаинкою выйшлы зъ цвынтарю на вулыцю, а натовпъ ишовъ за имы слидкомъ, и воны повынни булы видповидаты на всякы запытання людямъ, що цикави булы знаты, якъ та що зъ Зинькомъ робылося, якымъ робомъ винъ вызволывся. Винъ и самъ того до пуття не знавъ: учора видъ слидчого прыйшовъ паперъ такый до тюрмы, щобъ Зинька выпущено, бо винъ не выненъ, а хтось иншый знайшовся. Оце все, що Зинько знавъ. Та людямъ ще дужче закортило довидатысь: хто жъ той иншый. Почалы догадуватыся, домыслятыся...

— Пустить! пустить!..—уразъ почувъ Зинько и побачывъ, що ёму назустричъ, штовхаючы людей, безъ шапкы, въ самій чумарчыни, бижыть Васюта.

—Зиньку!.. братику!..—и кынувся ёго цилуваты.

Люде почалы шуткуваты, сміючыся:

— Тю! и шапку загубывъ, бигшы!

— Та то винъ забувсь узяты, якъ изъ хаты выскочывъ.

Васюта й справди забувсь іи взяты. Учора звечора нихто не довидався, що Зинько прыйшовъ, а Васюта въ церкви сёгодни не бувъ. Уже сидавъ обидаты, якъ побачывъ у викно Зинька середъ натовпу: въ чому бувъ, у тому й выскочывъ.

— Та пиды вдягнысь!—гукалы на ёго люде.—Морозъ же здоровый!

Але Васюта й не думавъ иты. Хтось ускочывъ до ёго въ хату и прынисъ ёму шапку й свыту.

Зъ гукомъ та зъ гомономъ провелы Зинька до хаты. Гаинка росла, и ажъ ушка въ неи сміялыся.

Щаслывый та веселый обидъ бувъ у Сывашевій хати того дня. Уси почувалы мовъ крыла въ себе за плечыма. Гаинка якъ квитка розцвитала. Стара маты й не йила та все дывылася на сына, а дидъ Дорошъ, усмихаючысь своимы молодымы очыма зъ пидъ билыхъ кудлатыхъ бривъ, казавъ:

— Штука! уси позбиралысь обидаты, а нихто не йисть, тилькы ззыраются одне зъ о́днымъ. Шо це за мода така? И пылыпивка мынула, здается, а воны все по́стують.

— Атъ, дидусю!—казала Гаинка и брэлася за ложку, та заразъ же й забувала за неи, щебечучы до Зинька. Учора вона вмирала, камъянила, а сёгодни ажъ променѝло видъ неи жыття, ажъ пашило схудле лычко, румъяніючы, зиркамы высвѝчувалыся темни очи, а зъ маленькыхъ устъ падало слово за словомъ, дзвенючы радощамы, смихомъ...

Заразъ по обиди почалы прыходыты люде. Першый прыбигъ Васюта, за имъ Карпо й Дмытро зъ жинкамы, тоди Мыхайло; зъ родычивъ булы: Лыкера, Гаинчына маты, дидъ Корній Грабенко та ще трое. Въ хати стало повно, якъ у вулику. Увиходючы, вси поздоровлялы Зинька зъ щаслывымъ поворотомъ.

Писля всихъ прыйшовъ Савка.

— Де це ты бувъ?—напався на ёго Васюта.—Казавъ, що заразъ прыйду, а самъ зачепывся за пень та й стоявъ увесь день, вытрышкы ловлючы.

— Та такы й стоявъ,—одказавъ Савка,—та дывывся, якъ Панаса забирано.

— Якъ то забирано? куды? на що?

— Набиглы якись полицейськи зъ города та й забралы... бо се винъ убывъ Грыцька—зъ Иваномъ удвохъ... Дакъ той самъ пишовъ у городъ та й прызнався, а се й цёго забрано...

— Дакъ онъ воно що!.. Братъ брата!..

Вси затыхлы на хвылыну... Тоди загомонилы видразу. Се вже не жарты! Засварылыся такъ, що и вбываты одынъ одного почалы. И все за тую землю. Яка то вона дорога́ людямъ стала! И якъ то доси нихто не догадався, що це Панасъ? Воно такы на ёго и впадало, та здорово перебывалося тіею брехнею про Зинька

та про Йивгу. Цёму люде понялы виры, то за Панасову сварку зъ братомъ и забулыся. Що жъ воно дали буде, колы й теперъ уже таке черезъ землю почынается?

Суворымъ похмурымъ голосомъ озвався Карпо:

— Нечестыви на праведныхъ вiйну воздвыгають,—а що жъ праведнымъ чыныты?

Якъ бы жъ то знаты що чыныты! Зинько радывъ найматы въ панивъ усiею громадою землю, а згодомъ купуваты iи,—адже й банкъ на тее. А надто не попускаты громадськои земли въ чужи рукы.

Дидъ Корнiй Грабенко не згожувався: не попустышъ, колы зъ рукъ ирвуть! Онъ пересельську вырвалы. Пидмогорычывъ кого треба та й аминь! Дбаты, щобъ горилкы люде не пылы? Ну, се вже Зинько абы що выгадуе! Увесь свитъ пье, а мы самы ёго переробымо! Та й не можно безъ горилкы: упываться не треба, а якъ законъ велыть на весилли пыты, то треба. Що? Зинько каже, що й весилля безъ горилкы можно? Ну, се вже дурныця, се вже винъ законъ ламае!

Демъянъ, другый родычъ Зинькивъ, бувъ не видъ того, щобъ горилку пыты кынуты, дакъ же однакъ не пособыться: заробитокы мали, а всякому хатнёму требови й краю нема,—хочъ и не пытымешъ, то пидешъ до багатыривъ кланятыся. Хыба що ото скыдаться гришмы, якъ Зинько радыть, та завесты таке товарыство, щобъ одынъ одному пособлявъ,—се справди добре було бъ.

Одначе Корнiй Грабенко и зъ тымъ не згожувався. Та ёго не слухано, а слухано, якъ Зинько розсказувавъ про товарыство запомогы, то винъ и пишовъ соби до-дому; а за нымъ ище двое родычивъ. Поросходылыся до-дому й жинкы, бо треба було по хазяйству. Опричь чотырёхъ чоловика товарыства, зосталыся тилькы Мыхайло, Савка та Демьянъ. Си трое прысталы до гурту и навить заразъ же подалы по пьять карбованцивъ у складку. Дидъ Дорошъ усе дослухався мовчкы, а дали й соби озвався:

— Слухавъ я васъ, слухавъ, та й думаю соби: люде хочъ и молоди, а роблять доладу. Iй-бо до вподобы мени! Та тилькы

не знаю: чы самыхъ молодыхъ у васъ до гурту прыймають, чы, може, й старыхъ, га?

— Та якъ же! вже жъ и старыхъ!—загомонилы навкругы.— Ще й ради будемо, колы стари намъ порады даватымуть.

— Порады!..—всмихнувся дидъ.—Таки мудри поробылыся, що де вже намъ, старымъ, радыты!.. Ну, а одначе прыймить и мене до свого гурту!

— Та невже, диду? И вы прыстаете?—зрадивъ Зинько.— Оце такъ добре!

Уси дуже звеселылыся, а Васюта гукавъ на всю хату!

— Восьмеро насъ теперъ, восьмеро!

— Було бъ девьятеро, якъ бы бидолашный Грыцько жывъ!— промовывъ Дмытро.

— Такъ!—сказавъ Зинько.—Нехай же вичный упокій буде ёго души, а мы ёго, нашого любого товарыша, будемо по всякъ часъ изгадуваты добрымъ словомъ у своій громади.

— Будемо! будемо!—видказало товарыство.

Згадалы тутъ и за дитей Грыцьковыхъ. Воны зосталыся безъ путящого догляду. Йивга давно ихъ покынула,—пишла зъ своимъ сыномъ до-дому. Громада настановыла надъ имы опекуномъ Панаса Момота. Винъ старшого хлопця виддавъ у паймы, а тыхъ двохъ забрала Грыцькова сестра,—добра жинка, та въ самои гуртъ дитей, та не гуртъ чого йисты; чоловикъ іи гнивается, що чужыхъ дитей набрала. А теперъ якъ Панаса взято, то й диты й худоба зосталыся безъ опекуна. Треба подбаты, щобъ наставлено доброго чоловика, та запомогты сыротамъ. Надто жъ, що Грыцько ихъ товарышъ бувъ. Урадылы й наважылысь досягты щобъ у громади опекуномъ наставлено або Зинька, або кого иншого зъ ихъ товарыства.

Тоди вже загомонилы про пересельську землю. Надумалы спысаты нову жалобу просто вже до губернатора, а на ій попидпысуваты яко мога больше людей,—може се пособыть.

— Теперъ,—казавъ Савка,—багато прыстане, бо вже вси побачылы, куды Денысове товарыство хылыть. Теперъ такыхъ буде больше, що за намы обставатымуть.

Заразъ же Зинько почавъ пысаты жалобу, вычытувавъ написане, а коженъ докыдавъ чого треба ще додаты.

На пры кынци довго ще говорылы зновъ такы жъ про тую горилку и такы врадылы, щобъ нихто зъ товарыства не пывъ ии и въ себе въ хати не мавъ.

Поросходылыся товарыши вже пизно ввечери. Позадъ усихъ лагодылыся йты Васюта зъ Карпомъ.

— Ходимъ уже, Карпе, до-дому, або що,—казавъ Васюта,—бо ты мабуть дуже спаты хочешъ: увесь вечиръ мовчкы сыдивъ, надувшыся якъ сычъ.

Карпо справди ввесь часъ бувъ дуже похмурый та мовчазный.

— Я не спаты хочу,—видказавъ,—а невесело мени, що такъ воно робытся...

— Оттакои!—погукнувъ Васюта.—Тутъ треба радиты, а винъ сумуе. И Зинько прыйшовъ, и товарыства нашого побильшало.

— Се то добре, та отъ лыхо: мала въ насъ сыла дуже, ничого не вдіемо проты ихъ.

— А я думаю такъ,—одказавъ Зинько,—що якъ переважемо ихъ за пересельську землю, то до насъ тоди багато прыстане.

— Покы сонце зійде, роса очи выйисть,—такъ саме похмуро не згожувався Карпо.

— Ну, а що жъ по твоему треба робыты?—пытавъ Васюта.

— Сылу ихъ занапастыты. У багатстви велыкому сыла ихъ велыка: розвіяты ихъ багатство за витромъ,—не стане въ ихъ сылы, тоди й насъ нивечыты не будуть.

— Оттакои! Якъ же ты ёго розвіешъ?—спытавъ Васюта.

Карпо помовчавъ трохы. Воны булы тилькы втрёхъ, бо вже й дидъ Дорошъ пишовъ спаты.

— Глядить же, братчыкы: що я казатыму заразъ, дакъ щобъ воно не йшло дали вухъ вашыхъ—промовывъ згодомъ.

— Да що се ты, Карпе, мудруешъ сёгодни?—засміявся Зинько.—Мы жъ уже на те вси прысталы, шо що въ насъ говорыться, того нихто щобъ не знавъ.

— До того кажу се, що тилькы двомъ вамъ звиряюся, а бильше й зъ товарыства щобъ не довидався нихто.

— Ну гараздъ, гараздъ,—кажы вже!

— Думавъ я, братчыкы, довго думамы велыкымы та й надумавъ: нема намъ способу иншого, тилькы сей одынъ: попидпалюваты всихъ, то зъ дымомъ розвіется и багатство ихъ.

— Карпе: що се ты? схаменысь!.. скрыкнувъ Зинько.

Карпо, не видповидаючы, сивъ биля столу и зиперъ голову на велыку свою кощаву руку. Втупывшы очи въ дилъ сыдивъ мовчкы; дви зморшкы глыбоки выразно ляглы впоперекъ нахыленого лоба. Врешти загомонивъ якымсь гострымъ непрыхыльнымъ голосомъ, ще бильше протягаючы слова, нижъ звычайно.

— Чого бъ я мавъ схамынутыся? По правди кажу вамъ: не мени, схаменутыся, а вамъ треба,—прыйшовъ уже той часъ... И не занедбайте ёго, бо колы занедбаете,—горе всимъ буде!.. Нема иншого способу на тыхъ людей... Треба ихъ судыты Божымъ судомъ, бо суды людськіи на свою ручъ воны повертають. Хыба не бачуть сёго очи ваши? Грыцько зъ имы по правди чынывъ,—воны вбылы ёго; Зинько за правду ставъ,—воны въ неволю ёго завдалы.

— Завдалы, та не вдержалы: и выйшовъ же! видказавъ Зинько.

— Хвалы Бога, що Йванъ прызнався, а затявся бъ винъ,—може бъ и на Сибиръ ты помандрувавъ у неволю довишню. Немае въ ихъ змылування. Нехай же ихъ Божый судъ, огонь, судыть бо такыхъ—не грихъ зогнаты й зо свиту сёго.

— Ото!—скрыкнувъ Васюта.—Глянь, якъ нашъ побожный Карпо розгнивався! Це мабуть такого зъ божествéнныхъ кныгъ пачытавъ.

Карпо пидвивъ голову, глянувъ на Васюту, и справди гнивный огонь блыснувъ ёму въ очихъ.

— А ты, Васюто, колы не знаешъ, то не смійся. Ты божествéнныхъ кныгъ не тямышъ, а я тоби скажу, що якъ бы прочытавъ тоби зъ ихъ де що,—самъ есы побачывъ бы, що моя правда, що по-Божому кажу я.

— Хыба жъ палыты, чы вбываты—то по Божому?—спытавъ Зинько.

— Ни, нехай винъ скаже, по якыхъ се божествéнныхъ книгахъ напысано, щобъ таке робыты?—допытувався Васюта.

— Скажу!—видмовывъ Карпо, знову спускаючы очи додолу.—Напысано: рече Господь Савооъ до Саула: нынi одомщу народови Амалыкови за все, що сотворывъ винъ Израилеви. И звеливъ Богъ иты й поразыты Амалыка и не пощадыты ёго, повбываты всихъ—и чоловикивъ, и жинокъ, и молодижъ—ажъ до младенцивъ малыхъ; и знищыты все добро ихъ: и волы ихъ, и вивци, и верблюды, и ослы, и виногради... все! И не послухався царь Саулъ: усихъ побывъ, а царя амалыцького помылувавъ и не знищавъ добро найкраще... Тоди прыйшовъ Самуилъ и россикъ мечемъ самъ царя того, а Богъ одвернувъ за сей грихъ одъ царя Саула лыце свое... Ото жъ бачыте, що вбываты Богъ велыть нечестывыхъ и добро ихъ знищуваты!

— А хыба й тоби, Карпе,—хытренько спытавъ Васюта,—Богъ сказавъ, щобъ ты ихъ попидпалювавъ або повбывавъ?

Зинько всмихнувся, але Карпо сыдивъ похмурый.

— Ни.—загомонивъ Зинько,—такъ не выходыть. Хрыстосъ уже писля сторiи зъ Амалыкомъ звеливъ намъ любытыся, а не вбываты, чы пидпалюваты. Добра зломъ не зробышъ. Та й що зъ того було бъ? Адже ихъ багатство не въ самiй хати: йе въ ихъ земля, йе гроши въ позыкахъ та въ банкахъ,—згорыть хата, то воны нову побудують та й зновъ почнуть хазяйнуваты; а колы не воны, дакъ ихъ диты; не ихъ диты, дакъ инши... А ты свою душу занапастышъ, ще й на Сибиръ пидешъ,—яке жъ то добро?

— Ну, а що жъ ёго чыныты?—пытався Карпо.

— Оте, що робымо. Свого права домогатыся.

— Добре! Хай покы буде й такъ. Побачымо щó зъ сёго буде.

Уставъ, попрощався й пишовъ, за имъ Васюта.

Зинько бачывъ, що Карпо своихъ думокъ не покынувъ, тилькы змовкъ, бо товарыши не прыстають на те. Боявся трохы

Зинько тыхъ думокъ и не до вподобы воны ёму булы. Спершу дывувався, якъ то така гарна людына, якъ оть Карпо, та могла таке надуматы. Бувъ чоловикъ чесный дуже, правдывый, николы ничого й на макове зернятко не одурывъ, самъ завсигды робывъ по правди, якъ ии розумивъ, и видъ людей того вымагавъ, а теперъ онъ що выгадавъ! Такъ уже дуже роздратувала Карпа тая крывда людська! Ни, треба таки думкы ёго прыпыныты, бо зъ ихъ саме лыхо буде, а прыпынятся воны заразъ—абы зъ оцiею морокою, зъ оцiею пересельською землею досягты свого. Тоди й Карпо побачыть, що *сымъ* робомъ чынючы можно досягты свого, а не тымъ, про якый вынъ каже.

И Зинько зъ усiеи сылы заходывся, яко мога бильше людей гуртуваты до жалобы. Савка справди не помылявся, що теперъ люде, побачывшы лыхо, дужче прыставатымуть до неи. Не мынуло й тыждня, вже тая жалоба була въ губернатора. Сёго разу товарыству пощастыло. Губернаторъ давно вже гнивався за щось на того начальныка и заразъ же взявъ до ввагы жалобу зъ Дыбливъ. Черезъ те незабаромъ до дыблянськои волосты прыйшовъ наказъ: прыпыныты справу зъ землею и видибраты ии покы въ Деныса.

Ся несподиванка такъ уразыла Деныса зъ товарыствомъ, мовъ гримъ изъ неба ясного дня. Воны не сподивалыся такои халепы, цевни бувшы, що вже переважылы. Денысъ уже по всему селу велычався й выхвалявся, що «давъ по морди свыни»,— тобъ то Зинькови зъ товарыствомъ, а теперъ онъ якои пыхы ёму пиднесено! Соромъ и въ вичи людямъ глянуты! Такъ було нiяково, що Денысъ не пишовъ у громаду, якъ вона зибралася незабаромъ писля того. Трапылося, що саме въ той день не було въ громади ще трёхъ изъ ёго товарыства: Копаныцю начальныкъ несподивано выклыкавъ у городъ, Рябченко лежавъ хворый. а въ Топконоженка братъ оддававъ дочку, дакъ Терешко. добре выпывшы на весилли, спавъ саме тоди пъяный. Черезъ те й Зинькови прыхыльныкы насмилылыся въ громади дужче. и якъ Васюта озвався за диты Грыцьковы, то й не вельмы важко було зробыты, що громада опекуномъ надъ имы настановыла Зинька.

— А що, Карпе,—казавъ Васюта, идучы зъ громады.—отъ же бачышъ, що не все воны намъ, а й мы имъ можемо вкрутыты хвоста. Зъ землею облызня вже піймалы, а й теперъ знову тертого хрину пиднеслы имъ такого, що довго въ носи крутытыме. Отъ побачышъ, що й дали духопелы видъ насъ йистымуть, та такы й не дамо намъ у кашу наплюваты.

— Не хвалысь такъ, Васюто,—видповивъ своимъ поважнымъ голосомъ Карпо,—коротки бо очи людськіи, не выдко имъ кинця дилови.

— То бъ то: кажы гоцъ, якъ перескочышъ? Та вже якось перескочымо! А якъ часомъ колы й увирвемось у ривъ, дакъ выдряпаемось. Отъ же й теперъ: зовсимъ уже «сидай на дно» булы, а теперъ пишлы нашы въ гору! Ой, хочется мени посміятыся зъ проклятыхъ дерівъ!

И Васюта такы й не втерпивъ: хочъ изъ старыхъ дерівъ и не поглузувавъ, дакъ пишовшы того вечора на вулыцю, прычепывся знову до Мыкыты Тонконоженка. Сёму недавнечко прытычына трапылася. Останнимы часамы середъ парубоцтва завелыся карты: не то велыки парубкы, а й хлопци-пидпарубочи такымы картнякамы поробылыся, що якъ де зійшлыся, такъ заразъ и гулять, звычайно на грошы. Мыкыта, звисно, бувъ у сій справи попередъ усихъ, и одного разу трапылось, що за вечиръ трыдцять карбованцивъ програвъ. Двадцять оддавъ, а десяткы не стало. До батька не посмивъ иты, дакъ добравъ ключа до батьковои скрыни, де грошы булы, а батько сáме тоди сусиль у хату. Хочъ и якъ потуравъ сынови, але за се попобывъ дуже. Васюта заразъ и вчепывся за те. Побачывшы на вулыци середъ парубкивъ та дивчатъ Мыкыту, гукнувъ:

— Аговъ, хлопци й дивчата! Слухайте лышень сюды! Буду виршу проказуваты.

— Яку виршу? Хыба теперъ святкы, чы що?

— Дарма, що не святкы, а вы слухайте!

Розсився на колоди, зиперся рукамы на колина, втупывъ очи въ землю та й почавъ выгадуваты,—винъ бувъ мистець на таки прыкладкы:

— Якъ бувъ соби чоловикъ Трындыта, та була въ ёго сира мужыцька свыта, а винъ каже: чортъ батька зна яка паскудна одежа: не можно хлиба йисты лёжа!..

— Ха-ха-ха!—зареготався де-хто, зрозумившы, куды се Васюта циляе. Догадався мабуть и самъ Мыкыта, та не выявлявъ того. Ставъ навпроты Васюты, одніею рукою пидперся въ бокы, а другою державъ цыгарку, пыхкаючы дымомъ та разъ-у-разъ чвыркаючы черезъ губу.

— Дакъ не можно, каже, хлиба йисты лёжа... Якъ бы мени хочъ драна ганчирына, да зъ панського колина, бо я й самъ уже здорово на пана закрывався, якъ середъ панивъ пажывся: отъ будь я мужыцькый сынъ, колы не чыстывъ панськый гній тры годы й одынъ!

— Ха-ха-ха!—знову роскотывся регитъ, а Васюта, мовъ то й не винъ чынывъ усе лыхо, поважно проказувавъ дали:

— Де бъ же мени такои взяты ганчиры́ны, щобъ сиромужыцькои не вдягаты свытыны? Чы мени батька-матиръ продаты, чы въ ихъ видъ скрыни замкы повидбываты, чы въ карты навыграваты?

Вси хлопци й дивчата глянулы въ той бикъ, де Мыкыта, але Мыкыты вже не було: бачучы, куды воно йдется,—покрывся пышкомъ та й утикъ.

— Мыкыта втикъ, нема Мыкыты!—загомонилы.

— Утикъ? хто втикъ?—пытавъ Васюта, пидводючы голову.

— Мыкыта втикъ одъ твоеи виршы!

— Одъ моеи виршы? Хыба жъ то про Мыкыту? То про Трындыту! А вы й не розибралы? Бодай же васъ, якый у васъ курячый мозокъ! Дакъ колы вы не вміете доладу розбираты, то я не хочу дали й казаты!..

Хочъ и не казавъ дали, але якъ вертався самъ до-дому, то почувъ, якъ ёму биля вуха зашумила каминюка: хтось изъ-за тыну добре швыргонувъ, та не добре вцилывъ. А за тыномъ щось затупотило, втикаючы. Зрозумивъ, чыя се ласка и гукнувъ навздогинци, зупынывшысь:

— Та й дурный ты! Хыба жъ такъ цилúють? Вернысь, я тебе навчу, дакъ и зубы вызбираешъ,—отъ щобъ я здохъ!—вызбираешъ якъ намыстечко!..

Але Мыкыта не вернувся.

Зинько заразъ же заходывся коло справы зъ Грыцьковымы дитьмы. Пишовъ до Грыцьковои сестры,—тá була рада збутыся небожятъ, бо й своихъ дитей копыця. Та й сыротамъ у неи не було добре, бо справди такы николы було ихъ доглянуты. Вона порадыла Зинькови замисто себе одну далеку родычку Грыцькову й свою. Зинько знавъ сю Кылыну. Диты й чоловикъ у неи померлы, а браты—и свои й чоловиковы—позабиралы въ удовы и землю й хату, и всю худобу. Убога жинка ходыла по наймахъ: жыла то за няньку въ панивъ, то ставала просто робитныцею. Сáме теперъ ій выходывъ рикъ. Зинько вмовлявся зъ нею такъ, що вона жытыме въ Грыцьковій хати, доглядатыме диты, до роботы ихъ прывчатыме, ходытыме коло горóду й садка, а за се и сама тымъ харчытымется, и до зросту тыхъ дитей буде въ хати за хазяйку, ще й матыме невелыку плату. Зинько знавъ, що Кылына була людына путяща, працёвыта й чесна и до дитей прыхыльна, то й не боявся даты ій до рукъ сыритъ. Сама жъ Кылына така була рада хочъ трохы пожыты господынею, а не найманою попыхачкою, и сылкувалася все робыты такъ, щобъ добре було. Зинько зъ Гаинкою разъ-у-разъ навидувалыся до Грыцьковои хаты. Старшого хлопця Зинько лышывъ, щобъ винъ уже добувъ строку въ хазяина, а потимъ мавъ узяты до себе, прывчаты до хазяйства та й до кныжкы. Землю Грыцькову Зинько до хлопцевого зросту найнявъ и зъ тыхъ грошей мавъ одягаты диты й платыты Кылыни.

Хочъ Рябченко зъ своимы полыгачамы й репетувавъ, що Зинько нетямущый опекунства, тилькы лыха накоить, але теперъ воны якось прытыхлы, бо всимъ було выдко, що зроблено гаразд. Ще й надто: побачывшы громадяне, що Зинько такъ доладу впорядкувавъ сю справу, почалы про ёго озыватыся дуже добрымъ словомъ: хто попереду лаявъ або глузувавъ зъ ёго, теперъ уже ча-

сомъ и хвалывъ. Не гудылы вже й за те, що горилкы не радыть пыты, хочъ самы, звисно, пылы.

Дома въ Зинька було все гараздъ. Дидъ Дорошъ такъ и лышывся въ ёго жыты. Зъ дидомъ було добре, тилькы зъ тестемъ ніякъ: одколы Зинько вернувся зъ тюрмы, винъ до ёго и въ хату не зазырнувъ. Зинько й соби дуже вразывся, довидавшыся про Остаповы замиры розризныты ёго зъ Гаинкою. Спершу такъ обурывся, що не думавъ до ёго николы й озыватыся. Та почала дуже теща намагатыся, щобъ помырыты зятя зъ чоловикомъ, а Зинько помиркувавъ соби, що такы винъ батько Гаинци, и наважывся не сварытыся зъ имъ зовсимъ, тилькы не хотивъ до ёго йты, думаючы, що Остапъ зрозуміе такы, якъ вélыко провынывъ передъ дочкою й зятемъ, и якось тую провыну направыть. Одначе Остапови й на думку не спадало становыты себе выннымъ передъ дитьмы, а що ёму такы ніяково було стриватыся зъ Зинькомъ, то обмынавъ ёго де мигъ. Колы часомъ и зострынутся на вулыци, то до шапокъ торкнутся: «Здорови!—Здоровъ!» та й годи, вже й поспишаются швыдче розійтыся.

Такъ мынавъ уже другый мисяць, одколы Зинько повернувся зъ тюрмы до-дому. Зъ початку третёго наспивъ и кинець справи про пересельську землю. Постанову громадську скасовано, землю зовсимъ забрано видъ Деныса. И Копаныця й Денысъ кынулысь булы въ городъ, щобъ зарятуваты справу, та ничого не моглы зробыты. Однымъ тилькы й повеселылы ихъ: сказано, що касуется тилькы *ся* постанова громадська, а колы бъ громада знову такы продала Денысови землю та постанову доладу напысано, то тоди вже не скасують.

Довидавшыся Денысове товарыство про це, заразъ зійшлося на пораду въ Рябченка.

Теперъ, маючы дорогу черезъ свою пересельську землю, дыбляне знову моглы найматы землю въ пана Добровольського, и не треба имъ було йихаты до неи трыдцять верстовъ, обмынаючы болото: се жъ и прыпыняло ихъ, якъ земля въ Деныса була. Такымъ робомъ уси замиры Рябченкового товарыства гынулы, и дыбляньска громада выхоплювалася имъ изъ рукъ. Це вже й выдко

було: Зинька слухають бильше, нижъ ихъ. Эге, кажуть, и васъ можно збыты! Мы, кажуть, сихъ старшыну й старосту й пысаря поскыдаемо,—иншыхъ настановымо: Зинька та Карпа. А курсъ и старшыни й старости кинчается сёго року въ осены. Колы бъ имъ пощастыло справди своихъ людей пастановыты, дакъ се була бъ пропаща справа. Тоди що хотилы бъ, те зъ имы ти горлопани й робылы бъ. Звисно, не зъ такъ то легко й скыпуты хочъ бы й Копаныцю,— багато въ ёго сылы и тутъ, и въ городи,—ну, все жъ, якъ то кажуть, береженого й Богъ береже.

Оттакъ куды ни глянь, а все треба тую землю вдержаты въ своихъ рукахъ. Та якъ? Громаду можно зибраты хочъ и завтра, та що зъ того? Нема чого й думаты, щобъ вона теперъ удруге продала землю. Надто, що де-хто, прыставшы до Зиньковои спилкы, оплатывся вже зъ своимы позычкамы передъ заможнишымы людьмы. Теперъ уже сихъ не такъ легко прытыснуты, а дали ихъ ще побильшае.

И вызволыла жъ нечыста сёго Зинька зъ острогу! Не велыке було бъ лыхо, колы бъ ёго замисто Панаса, запроторено,— въ сели бъ тыхо стало. И що вже почавъ выгадуваты: щобъ горилкы не пылы, щобъ могорычивъ не було. Такъ и поступытыся цымъ! Хыба зъ тверезымъ що зробышъ? Отъ якъ налывъ ёго, дакъ тоди вже й беры за шыяку та й у ярмо. А то безъ могорычивъ!..

— Истыно розсобачуется мужыкъ за такымы шыбенykамы, якъ оцей Зинько!—казавъ Сучокъ.—Я,—плеще,—подать заплатывъ, одбуткы вси поодбувавъ, никого не займаю, горилкы не пью—шо вы зо мною зробыте? И верно: шо ты зъ имъ, паскуднымъ, тагда йздѣлаешъ? Одно слово: розуратство!

— Имено, имено правда!—потакувавъ Копаныця.—Никоторого тоби надъ имъ слѣствія нема. Ты ёго въ холодну, а винъ тоби крычыть: яке ты право маешъ? Значыть—покажы ёму, де твоя законная основанія! А сто чортивъ! Да якъ бы въ мене була полная законная основанія, дакъ я бъ тебе, идолового вышкварка, на дерть подравъ бы й свынямъ выкынувъ-бы, а не то що холодна, хамлетська ты морда!

— Законныкы пойшлы,—промовывъ Тонконоженко,—та праведныкы таки, шо бида!

— А якъ на мое розсужденіе,—казавъ Сучокъ,—дакъ провчыть ихъ, падлецёвъ! Шобъ прытыхлы!

— Та якъ же ихъ провчышъ?—пытавъ Копаныця.

— Отъ, штука!.. Хыба вы сёго порядку не знаете? Позвать ёго въ волость: Зачѣмъ это у тыбъя курыця дохлая проты двору на вулыци валяется?—Ни, не валяется.—Какъ ты, марзавыць, смѣишъ мыни говорыть, кагда я самъ выдивъ? Начальство запрыщаеть, санитаръ прыказано, а ты шо? Шобъ нюхало начальство? Да ще й брехню начальству задаёшъ!.. Марзавыць ты!.. падлець!.. ныгадяй!..—Ну, посли такого наставленія уже жъ винъ не втерпыть, шобъ чого не сказать, грубе яке слово,—тоди ёго въ зубы та на десятныкивъ гукнуть та й усыпать гарячыхъ, не жаліючы.

— Невозможно!—крутнувъ головою Копаныця.—Одно, що не грублять: ты ёго хочъ и вылай, то винъ каже: Господынъ старшына, вы не лайтеся, бо я на васъ жалобу произнесу; а друге: хочъ и зробышъ, дакъ винъ тоди таку тоби кутавасію зъ перцемъ пидниме, що хуже буде, нежéли за Деныса Пылыповыча землю. Ни, се не йдёть!

— А мени здается,—озвався Рябченко,—що Мыхайло Грыгоровычъ такы правду каже: имено ихъ треба провчыть. Хочъ не всихъ, дакъ хочъ самого Зинька. Тилькы не такъ трохы треба захожуватся.

— Ну, а якъ же?

— Нышкомъ, щобъ нихто не бачывъ та щобъ и винъ не знавъ, хто ёго провчывъ. Щобъ знавъ зá що, та не знавъ хто. Такъ ёму й сказаты: оце тоби за те й за те, а хто каже—чортъ ёго зна. Тоди ёму жалитыся ни на кого й ніякъ, а боятыся буде. Не до смерты ёго быты, нѣ, а такъ—добре пополохаты, щобъ трохы полежавъ та почухався.

— А шо вы думаете? Воно й правда!—доводывъ Тонконоженко.—Покы мы ихъ не почнемо вчыты, дакъ ничого дила не буде. А якъ одного та другого провчымо,—тоди ёго страхъ вóзьметь,—нышкомъ сыдитыме.

— И не высьма важна штука,—розсказувавъ Рябченко.— Се можно такъ ловко зробыть, шо мое поштеніе!.. Тилькы шобъ Грыгорій Павловычъ подозволывъ, бо безъ господына старшыны тутъ ніякъ нельзя.

— Хто ёго зна,—казавъ Копаныця,—се колы хочете, непорядокъ и дайже буйство... Ну, та за-для такого дила,—засміявся винъ,—можно й манюсинькое буйство соченыть.

— И чудесно!—задовольнывся Рябченко.—За тыждень, за два и готова штука буде. Зинька положымо, а сами тымъ часомъ у громади крутнемо.

— Ну, толькы знаешъ, Яхремъ Семеновычъ, ты тоже не высьма-очынь! А то шобъ такъ не було, якъ изъ Панасомъ.

— Ото жъ такы! Хыба я такый дуракъ, якъ Панасъ! Акуратно все такъ издѣлаемъ, шо ну! И науку получыть, и жывый останется...

Товарыство повеселишало. Чарка жвавише заходыла зъ рукъ до рукъ, наче й горилка въ ій посолодчала. Довгенько ще выпывалы та закусювалы...

Промынуло зъ тыждень.

Одного разу Рябченко прыйшовъ у свято до церквы, выстоявъ утреню, а тоди, не хотывшы йты до-дому та зновъ прыходыты до службы (бо ёму такы далеко було), зостався пидождаты въ сторожци,—тамъ звычайно дожыдалы люде, покы вдарють до службы. Та сёго разу людей було мало: трое дядькивъ та Мыкыта Тонконоженко. Сыдилы та гомонилы гуртомъ, а дали такъ трапылось, що ти повыходылы, а зосталыся вдвохъ Рябченко зъ Мыкытою.

— Отъ и добре,—подумавъ соби Рябченко,—хотивъ бувъ до ёго самъ питы, та тутъ лучче буде побалакаты: хай люде не знають, що видъ мене до ёго стежка йе.

И винъ загомонивъ до Мыкыты:

— А що, Мыкыто, не пощастыло тоби Гаинку зачепыты,— вернувся такы Зинько.

— А штобъ вонъ луснулъ!—сердыто гарыкнувъ Мыкыта.

— Ну, а вже жъ и жиночка була бъ тоби хороша! Одно слово—якъ лялечка!

Мыкыта тилькы плюнувъ зо злосты.

— И все це Зинько тоби на завади стае,—правывъ свое Рябченко.—Отъ тоди въ тебе Йивгу одбывъ.

— Падлець,—одно слово!—вылаявъ Мыкыта.

— Все Васюту настренчуе, щобъ изъ тебе на вулыци знущався.

— Ныгадяй!—и Мыкыта ажъ побиливъ изъ серця, згадавшы виршу про Трындыту.

— Настоящый ныгадяй! И таке зловредне, що кожному шкоды наробыть. Теперъ таке почавъ, що якъ выграе справу, дакъ мы вси хочъ зъ торбамы по пидъ виконню йды.

— Та ну?—здывувався Мыкыта.—Нывжлй такое плохое дѣло?

— А ты жъ думавъ якъ? Колы въ Деныса однимуть землю, а мужыкы почнуть браты соби въ Добровольського, дакъ тоди, братъ, наша земля, що въ Горянського мы напялы,—вона имъ безъ надомности. Мы тоди на лёдъ силы, бо намъ ничымъ буде Горянському заплатыть. А въ контрахти тысяча рубливъ невстойкы—онъ шо! Поцинують тоди, братъ, насъ усихъ та й тебе зъ батькомъ.

— Вотъ такъ штука!—ажъ злякався Мыкыта.—Дакъ черезъ такого падлеця да намъ усѣмъ пропадать?

— А шо жъ ты зробышъ? Якъ бы ёго чортяка вынесла куды хочъ на якый мисяць або два, дакъ мы бъ моглы соби раду даты и пересельську землю вдержаты, а такъ—нема ходу: шо ни почнемо, шо ни зробымо,—винъ и перебъе, винъ и перебъе! Хочъ бы захворавъ, або що... то все якось бы впоралысь... Эхъ, Мыкыто! якъ я гляну на теперишнихъ парнивъ, дакъ одынъ пустякъ та й годи! Якъ бы я парубкувавъ, дакъ хыба бъ я попустывъ отакъ изъ себе сміятыся якомусь тамъ Зинькови, якъ винъ изъ тебе насміявся? И Гаинку й Йивгу... Эхъ!..

— Ну, а шо бъ вы йздѣлалы?—спытавъ почервонившы Мыкыта.

— Хи, не знавъ бы шо! Зобравъ бы хорошыхъ парнивъ тры-чотыри души та й давъ бы ёму доброи мáтланкы—отъ що!

— А шо жъ вы думаете, шо я етого вже й не могу? Вотъ вазьму да й издѣлаю!

— Покы хвалько нахвалытся!..

— Какой я вамъ хвалько! Вотъ возьму да й могумынтально йздѣлаю. Мѣсяць буде чухатся,— не вычухается,—такого вгощенія дамъ!..

— Хто ёго зна... Звисно, була бъ се штука славна, и не самому тоби було бъ добре: покы Зинько вычухався бъ, то мы бъ у громади по своему крутнулы... А то поцинують насъ...

— Будь я первóй падлець, если не йздѣлаю!—скрыкнувъ Мыкыта.

— Та ты не гукай такъ: се, братъ, тыхенько треба робыты,— прыпынывъ Рябченко та й почавъ нышкомъ розсказуваты якъ та що треба робыты, щобъ усе було добре.

На церкви бовкнувъ дзвинъ.

— О, вже й до службы!—сказавъ Рябченко, и обыдва зъ Мыкытою перехрестылыся.—Треба йты... Тилькы жъ ты гляды, Мыкыто! Понимаешъ? ни я тоби ничого не говорывъ, ни ты мени...

— Понимаю! Усё буде въ плыпорцію и аджарымъ такъ, шо маё вамъ паштеніе, ще й здѣлайте одольженіе.

— Та не забудь: по голови а ни-ни-ни!.. ніякъ не можно!..

— Пускай голова ёму остаётся, а мы ныжче лупнёмъ!..

— Ходимъ же до церквы!..

VI.

Нáпадъ.

Прыходыла весна.

Снигъ лежавъ уже по самыхъ яркахъ та зáтинкахъ, а то скризь позбигавъ лепетлывымы—дзюркотлывымы струмкамы. Середъ пучечкивъ торишнёи видмолодилои травы де-не-де вызыралы вже

блакытнымы оченятамы пролискы, але вся земля лежала ще чорна, дожыдаючысь покы пресвитлее сонце обниме іи своимъ палкымъ проминнемъ та й убере въ пышни зелено-квитчасти мняки шаты. Лежала ще пивсонна и зитхала до неба теплымы грудьмы, и тее зитханне злитало вгору легенькою билястою парою. Пара лынула вгору, збиралася тамъ у хмары, и хмары тьмарылы небо, затуляючы земли сонце. Такъ молода жинка, думаючы про розлуку зъ своимъ подружжемъ, плаче гирко, и слёзы застылають ій свитъ, и вона не бачыть, що той, кого вона такъ палко дожыдае, що винъ уже вернувся, вже стоить тутъ, биля неи—ще мыть, и винъ однымъ дужымъ рухомъ прыгорне іи до себе на груды, обійме іи сяевомъ свого соняшного погляду, и воны поеднаются въ одному прекрасному, якъ мрія, поцилунку. Такъ земля зитхала за сонцемъ и не знала, що за малу годыну вона потопне въ ёго золотыхъ обіймахъ, и ти слёзы-туманы розвіются, зныкнуть одъ одного ясного променыстого погляду.

А покы ще хмары темни,—але тепли весняни хмары,—снувалы по небу. Землю прыспала ничъ. Не выдко було мисячка, спалы й зиркы, заступывшы за хмару. Тыхый упокій панувавъ скризь, той дужый и радисный упокій, що схыляется надъ землею передъ новымъ веснянымъ днемъ, повнымъ соняшного сяева, блыскучыхъ колиривъ, спиву, руху, могучои праци...

Пишовшы ще вдень у Чорно́вусъ, вертався тіеи ночи Зинько по темному до-дому. Зъ вулыци повернувъ черезъ Карнивъ городъ на нызъ, щобъ швыдче дійты бо забарывся. Ишовъ лукою, звычайною стежкою по-пидъ горо́дамы. Вже блызько й провулокъ на гору. Увійшовъ у ти вербы, що рослы надъ крынычкою. Тамъ було ще темнише.

Щось зашелестило, и вразъ передъ Зинькомъ зачорнила чыясь высока постать.

— Хто се?—спытався винъ, прыпынывшысь.

Здорова постать розмахнула рукамы вгору, и Зинько почувъ, якъ щось тверде штовхнуло ёго болюче въ груды такъ дуже, що винъ схытнувся. Але ту жъ мыть ударено ёго й у спыну. Зинько скочывъ напередъ и встыгъ ухопытыся за коляку, що здоровый

чоловикъ уже пиднимавъ надъ имъ удруге. Вырвавъ коляку и видстрыбнувъ на бикъ.

— Не пидходь!—крыкнувъ, пиднявшы коляку вгору.

— Якый страшный!—озвався глузливо чыйсь голосъ, що здався Зинькови по знаку.—Оце тоби за жалобы губернаторови!

И трое зъ колякамы кынулысь на ёго. Зинько зачепывъ когось своею, але ёго вдарылы тры вразъ, выбылы ёму зъ рукъ ломаку и почалы быты ёго въ груды, въ спыну, въ бокы, молотючы, якъ снипъ ципамы.

— Ратуйте!—скрыкнувъ Зинько и впавъ до-долу непрытомный...

. . . . . .

Гаинка того вечора довго дожыдалася Зинька зъ Чорновуса.

— Мамо, чого се ёго доси нема?—пыталася.

— Та мабуть, дочко, зостався тамъ почуваты,—бачыть, що ничъ темна, йты погано,—ну й зостався.

— Ни, винъ казавъ, що сёгодни вернется.

Та маты й дидъ певни булы, що Зинько заночувавъ у Чорновуси, и не турбуючысь спалы всю ничь. Гаинка жъ не могла заснуты: лежала й прыслухалася, чы не йде Зинько. Килькы разивъ ій чулася ходá, вона схоплювалася, пидбигала до викна и дывылась у двиръ, у темряву. Нихто не йшовъ. Одного разу вчулося павить, що винъ уже ходыть у двори,—щось робыть. Вона выбигла, гукнула зтыха,—не було никого. Вернулася й лежала, все ловлючы вухомъ тую знаёму ій ходу. Николы такъ не було, щобъ Зинько сказавъ «вернусь» и не вернувся. Тилькы разъ се було—якъ ёго до тюрмы взято. А теперъ?..

Нимый страхъ дывывся на неи велыкымы, якъ темрява, очыма, обнимавъ ій холоднымы обіймамы.

Вже свитало, якъ ій, знеможену, поборовъ на хвылыну сонъ.

Уразъ щось застукало въ викно, ажъ шыбкы задзвенилы. Гаинка схопылася зъ лижка и стала середъ хаты, не розуміючы зо сну що се.

— Зинько!—вразъ подумала и кынулась у сины видчыняты. Видчыныла,—передъ нею стояла сусидка Стручыха.

— Нещасте!—крыкнула.

— Яке?—спыталася, вся похоловшы, Гаинка.

— Зинька твого на луци знайдено... побытого...

Гаинка захыталася и впала бъ, якъ бы не вхопылася за одвиркы.

Зъ-за Стручышынои постати побачыла: у двиръ увиходыло трое людей и несло... Струкъ изъ Васютою держалы за плечи й за голову, а Струкивъ наймытъ за ногы.

Гаинка дывылася на ихъ, якъ воны вступылы въ двиръ и йшлы обережно, помалу. Дывылася не одводючы очей, вся закамъянившы, не можучы ворухнутыся.

Воны пидходылы блыжче. Тило трохы згыналося посередыни впызъ; безсыло хыталася, звысаючы, одна рука; голова зъ мертво блидымъ облыччемъ одкынулася назадъ и лежала трохы бокомъ на Васютынiй руци; видъ устъ, трохы роскрытыхъ, значылася по щоци и потимъ на билому комири сорочкы темночервона смуга.

Воны пидiйшлы до хаты, Стручыха оступылася, а Гаинка стояла нерухома и все глядила.

— Гаинко, оступысь!—промовывъ Васюта.

— Ай!—скрыкнула та, вхопывшыся за серце, и впала.

Стручыха кынулася въ сины, вхопыла по-пидъ плечи Гаинку и видтягла iи видъ дверей. Чоловикы понеслы Зинька въ хату.

Трохы згодомъ Васюта вже бигъ верхы въ Чорновусъ по ликаря...

Зинько лежавъ на лижкови. Винъ опрытомнивъ уже, але бувъ такый знеможеный, що не здужавъ озыватыся и лежавъ, заплющывшы очи. Кровъ зъ облычча ёму змыто, але сорочкы, всiеи закривавленои, не зважылыся скынуты: вона прыкыпила до тила: скынулы саму чумарку. Гаинка сыдила биля лижка въ ногахъ и дывылася на блиде Зинькове облычче. Сыдила якъ вытесана зъ каминю, дывылася застыглымъ нерухомымъ поглядомъ. Iй здавалося, що винъ уже вмирае.

Въ другiй хати маты, прыпавшы навколишкы передъ образамы, молылася. Благала не видниматы въ неи останню надiю въ жытти...

А на двори Струкъ росказувавъ дидови, якъ винъ изнайшовъ Зинька на луци, якъ поклыкавъ на помичъ наймыта й Васюту, що на той часъ ишовъ вулыцею...

Ажъ писля обидъ прыйихавъ ликарь. И то довго вмовлявъ ёго Васюта: все не хотивъ йихаты, казавъ, щобъ Зинька до ёго прывезено.

Увійшовшы до хворого, заразъ повысылавъ обохъ жинокъ геть, «щобъ не рюмсалы», лышывъ тилькы дида та Васюту и почавъ оглядаты побытого. Треба було скынуты сорочку. Дидъ изъ Васютою обережно пидвелы Зинька, а ликарь почавъ скыдаты. Сорочка попрыкыпала до тила вкупи зъ кровью. Ликарь ставъ ій виддыраты,—Зинько злегка застогнавъ.

— Не манижся! Не маленькый!—гарыкнувъ на ёго ликарь.

Але якъ скынувъ сорочку, то побачывъ, що було чого «манижытыся»: спына, груды, плечи—все було въ страшныхъ сынякахъ, все попухло, тило побыто такъ, що поробылыся велыки раны кривави.

— Добре впіймавъ!—крутнувъ головою ликарь.—Пъяный мабуть побывся зъ кымъ?

Хворый мовчавъ.

— Хто тебе побывъ? Чуешъ?

— Не знаю...—простогнавъ хворый.

Ликарь ще поглянувъ, прыпавъ ухомъ до грудей...

— Гум... У середыни багато пошкоджено... Треба тоби перейихаты до Чорновуса въ ликáрню... Не буду жъ я до тебе щодня йиздыты!

— Не хочу... я буду дома...—прошопотивъ Зинько.

— «Не хочу, я буду дома!»—перекрывывъ ёго ликарь.—Уси вы боитесь тіеи ликáрни, якъ чорта, а чого? Зйидять тебе тамъ, чы що? Та хыба вамъ що втовчешъ у дурну довбешку!.. Якъ знаешъ!.. То жинка твоя тутъ сыдила? Поклычте ій!

Васюта поклыкавъ. Увійшла Гаинка.

— Ну, слухай!.. Та не кысны, бо терпиты не можу рюмсання!—гримнувъ ликарь, хочъ у занимилои Гаинкы й слёзыны на очахъ не выдко було.—Ось тоби ликы...—и винъ почавъ роз-

сказуваты. Гаинка мало що розибрала зъ ёго московськои мовы, тилькы останни слова добре зрозумила: щобъ доглядала, а то вмре...

Якъ ликарь выходывъ, дидъ Дорошъ изъ Васютою прыпынылы ёго въ синяхъ.

— Скажить, пане,—спытавъ дидъ,—чы винъ буде жыты, чы ни? По правди!

— Якъ вычухается, то буде,—видмовывъ ликарь.

— Пане!—загомонивъ Васюта, що хочте визьмить, тилькы выгойте ёго!—и слёзы закапалы ёму зъ очей.

— Не рюмсай!.. Що ты ёму—братъ, чы родычъ якый?

— Товарышъ...

— Дакъ чого жъ и кыснешъ? Я не Богъ!.. Понапываются, побъются, а ты ихъ воскрешай!.. Давъ же ликы... Якъ не стане,—зновъ прыйидешъ.

Ликарь выйшовъ зъ синей и ско́чывъ на брычку.

— Рушай!

Дзвонykъ задзеленчавъ.

Дидъ махнувъ рукою.

— Чортъ зна що! Ничого зъ сёго ликаря не буде.

— Чому жъ не буде?—спытавъ Васюта.

— Ну що воны тямлють, си ликари? Ничогисинько! Отъ тилькы до одного й голинни: якъ попадется до ихъ чоловикъ, то заразъ ёму руку або ногу видризаты, а то й зовсимъ требушыты бидолаху... Хыба я не знаю, на що ёму Зинька въ лика́рню? хотилося подывытыся якъ тамъ у серёдыни побыто! Давъ бы чогось, що той бы й сконавъ, а тоди бъ и покарбувавъ. Ризныкы та й годи!..

— Та пострывайте жъ, диду,—може жъ цей ище й не такый?

— Уси воны однакови!..

Тымъ часомъ Гаинка сыдила биля хворого. Винъ лежавъ нерухомо, все заплющывшы очи, хрыпко дыхаючы, не озываючысь. Иноди тилькы прохавъ пошепкы пыты, и Гаинка подавала ёму тремтячою рукою воды. Пидводыла ёму голову, винъ на

хвылынку прыпадавъ смажнымы устамы до кухля и знову лежавъ, якъ мертвый.

Прыходылы Карпо й Дмытро,—винъ не озвався до ихъ, та воны й не займалы ёго...

Насунула ничъ. Гаинка все сыдила биля лижка й дывылася на Зинька. Пры темрявому свитли видъ маленькои лямпочкы ёго облычче здавалося ще блидишымъ, ще мертвишымъ. И такымъ помертвилымъ бувъ теперъ Гаинци ввесь свитъ. Винъ жывъ и озывався до неи тилькы тоди, якъ жывъ и озывався Зинько.

Якъ же винъ лежавъ такый нерухомый, тоди и въ Гаинку вступала тая нерухомисть. Мовъ усе тило обважніе, застыгне, не ворухнется. И вкупи зъ тиломъ застыгае, німіе душа и озывается тилькы на Зинькивъ рухъ, на Зинькивъ голосъ.

Въ голови тилькы одна думка: оти ликаревы слова: доглядай, а то вмре.

Страшна була тюрма, якъ у ій сыдивъ Зинько, але се страшнише. Колы бъ Зинько пишовъ навить у Сибиръ, то винъ бувъ бы жывый, и вона пишла бъ слидкомъ за имъ, вона жыла бъ изъ имъ. Тюрма вернула бъ ище ій Зинька, смерть не верне.

Доглядай, а то вмре! Вона доглядала. Пыльнувала кожного ёго руху, дослухалася до кожного подыху... Винъ ще дыхае, ворушыть устамы, жыве... Жыве й вона...

Такъ промынула ничъ, промынувъ другый день. У вечери маты й дидъ хотилы положыты ій спаты. Вона мовчкы похытала головою и зосталася биля лижка.

Сыдила знову всю ничъ, не помичаючы нычого навкругы, тилькы бачыла Зинька, тилькы прыслухалася, якъ ёго палке дыханне выхоплювалося зъ пиводкрытыхъ устъ.

А винъ спавъ и де-дали дыхавъ ривнище, спокійнище. Удосвита ёго дыханне зробылося таке ривне й тыхе, що Гаинци здалося мовъ уже винъ перестае дыхаты... Нахылывшысь надъ имъ, слухала довго...

Розвыднылось. Зинько поворухнувся, росплющывъ очи и вперше озвався голоснише:

— Гаинко!..

Винъ звивъ руку и за шыю прыхылывъ ій голову блыжче до себе, промовывшы:

— Мое серденько...

И вразъ Гаинка скрыкнула голоснымъ плачéмъ и выбигла зъ хаты. Маты й дидъ Дорошъ злякалыся й кынулыся до Зинька, думаючы, що винъ уже вмеръ.

А Гаинка выбигла въ протывну хату, впала передъ образамы и рыдала такъ, що ажъ груды ій розрывалыся. Але почувала, що зъ тымъ плачéмъ верталася до неи сыла, ожывала душа, якъ земля, морозомъ згничена, видъ соняшного погляду ожывае.

Винъ озвався!.. Винъ буде жывый!.. Се вона знала и ожывала сама...

Дидъ знайшовъ ій й прывивъ знову до Зинька...

Ввечери Гаинка такы намагалася сыдиты, ничъ, але й сама не помитыла, якъ заснула, схылывшысь на лаву,—се була вже ій четверта ничъ безъ сна.

Маты зъ дидомъ пыльнувалы хворого...

Другого дни ёму знову трохы полегшало, та тилькы жъ трохы. Мынувъ тыждень,—Зинько все лежавъ. Тяжки думы снувалысь у ёго въ хворій голови. За що? Що винъ лыхого зробывъ людямъ? Винъ тилькы оступався за правду, а воны ганьбылы ёго, въ тюрму закынулы и теперъ трохы не вбылы, здоровля збавылы. Чы то жъ правда йе на свити? Колы теперъ таке, то дали ще гирше буде: и зовсимъ ёго вбъють. Добуватымется, досягатыме чогось, а смерть у-разъ усе зруйнуе... Та й чы добудется чого? Колы въ ихъ така сыла и ничого воны не страхаются робыты. Ой, чы не краще воно буде не змагатыся вже, облышыты це все та, колы Богъ дасть ёму здоровля, тыхо жыты, никого не займаючы, щобъ и ёго не займано?

Отъ и хазяйство. Тоди бильше якъ тры мисяци згаявъ, у тюрми сыдючы,—воно жъ у госпóди не побильшало, а поменьшало. А теперъ? Хто ёго зна докы ще винъ лежатыме. А на двори жъ весна вже зеленіе, треба жъ и сіяты й ораты. Хто жъ те все зробыть? Будуть воны сёго року безъ хлиба сыдиты!..

Якъ гарно, якъ добре було торикъ по весни, якъ ище нычого сёго не почыналося! Зинькови згадався той день, якъ винъ ишовъ торикъ полемъ на пасику та озыравъ хлибъ высокый та буйный, що хвылямы, хвылямы котывся попередъ имъ. И такъ мовъ запахло Зинькови тымы пахощамы полёвымы, мовъ повіяло на ёго тымъ витромъ теплымъ и потягло ёго въ поле непереможною могучою сылою... Пидвився, хотивъ устаты и гострымъ бо́лемъ пройняло ёму груды,—упавъ назадъ, на подушку...

— Земленько моя ридна, ты жъ неорана-невпорана лежышъ! Та хто жъ тебе зъоре, хто жъ тебе засіе, хто жъ тебе жытамы-пшеныцямы покрые? Лежыть твій робитныкъ якъ колода, рукою не рухне, ногою не ступыть на тебе, моя земленько!.. Сыротою ты зостанешся недоглянутою, а мы безъ хлиба святого...

И буйни слёзы котылыся въ ёго по облыччу...

Треба щось же ёму думаты,—такъ же не можно. Прохавъ дида щобъ той найнявъ наймыта—удвохъ изъ наймытомъ хочъ трохы впоралы бъ земли. Дидъ казавъ: «Добре! добре!», а наймыта Зинько такъ такы й не бачывъ—отъ уже тры дни, а все нема.

Ввечери Зинькови такъ полегшало, що винъ уже сыдивъ на лижкови зъ закладеною за спыну подушкою. На столи блымала лямпочка, а биля неи, зъ шытвомъ у рукахъ, сыдила Гаинка. Зинькови выразно було выдко ii схылыне до роботы облычче, поблидле за турботамы та за бесоннымы почамы.

— Якъ ты змарнила, Гаинко!—промовывъ Зинько.

— Мовчы вже! самъ гарный!—видказувала вона жартомъ, удывляючысь у знеможене Зинькове облычче, що здавалось ище страшнишымъ у темнишому куточку.—Самъ гарный: жовтый, якъ вискъ, а худый, якъ скипка, ще й очи позатягало, а пидъ имы мовъ хто чорнымъ попидводывъ.

— Може ты?—шуткувавъ Зинько.—Ты жъ прымазувала оце колысь.

— Отъ, немала бъ чого робыты!.. Опъ треба тоби сорочку къ Велыкодню пошыты, щобъ ты не бувъ такый сердытый, якъ витеръ, що якъ ёму маты дасть товсту сорочку, то винъ заразъ

роспустыть губы та й почне зъ серця віяты, що ажъ дерева стогнуть... Стрывай, онъ хтось иде!

Въ синяхъ справди щось тупало. Двери видчынылыся, и въ хату вступылы Карпо та Васюта, а за имы дидъ Дорошъ.

— Здоровъ, брате! Ще не спышъ? О, та ты вже сыдышъ! Пишлы наши вгору, якъ той цыганъ!—выгадувавъ Васюта.

— Сыджу... Сидайте й вы!..

— Спасыби... Такы тоби полегшало, Зиньку?—пытався Карпо.

— Полегшало...

— Дай, Боже, щобъ и вставъ швыдко! Тоди заразъ можно буде позываты тыхъ, хто побывъ тебе.

Зинько махнувъ рукою:

— Про що думаты!.. Хочъ бы одужаты!.. Та й на кого я жалитымусь? Хыба я знаю хто се зробывъ? Я жъ никого не пизнавъ.

— Повыненъ урядныкъ изнайты!.. А колы не знайде, то въ городъ жалитыся. Не можно жъ такъ лыходіямъ безбожнымъ попускаты. Не послухалы тоди слова мого, а истыно воно булокары на ихъ велыкои треба, хочъ бы й смерты завдаты лютымъ, то й того воны заробылы грихамы своимы.

— Годи бо, Карпе, облышмо се!—прохавъ Зинько.—Ёму було тяжко теперъ про се говорыты.

— И справди хай ёму, Карпе!—сказавъ Васюта.—Говоримо краще чого прыйшлы. Адже мы до тебе за диломъ.

— Скажете.

— Та выдавай лышъ намъ зерно!

— Яке зерно? На що?

— Ото—на що! А ще хазяинъ! Щобъ сіяты,—хыба жъ на що?

— Та де жъ ёго сіяты?

— На твоій ныви. Мы вчора та сёгодни ще й оралы.

— Якъ то?

— Чы ты не знаешъ, якъ орють? За чепигы рукамы та й гей-собъ, мурый!.. Карпо та Дмытро, та зъ Савкою Мыхайло-помагайло, та оцей Васюта, що говорыть тута, та оцей дидусь Доронъ, що надъ имы командувавъ, та заходылыся ораты та й выоралы, а ты, пане господарю, добре теперъ дбай та имъ порядокъ давай—де та що сіяты!

Зинько похылывъ мовчкы голову, и слёзы забренилы въ ёго на очихъ.

— Ну, отъ и похнюпывся! Та ну бо глянь веселенько та розскажы намъ гарненько що робыты!

— Братикы мои ридни, спасыби вамъ за велыку ласку! Покы жывый буду,—не забуду іи!.. И вамъ, и дидови...

— Отъ гляньте вы на ёго!—засміявся Васюта.—Наговорывъ симъ мишкивъ гречанои вовны, а все пивтора людського, що й купы не держыться! Ты ёму про дило, про зерно, а винъ тоби про ласкы! Та намъ не треба ніякои ласкы,—намъ треба твого зе́рна!

— Вы, братчыкы, мовъ удруге мене на свитъ оце народжуете!..—казавъ Зинько.—Бо теперъ мени легше й на сонце дывытыся за такымъ щырымъ прыятельствомъ.

— А якъ же ты есы думавъ соби?—загомонивъ Карпо.—Одно въ насъ товарыство, однымъ дышемо духомъ, то чы покынемо жъ товарыша въ прытузи велыкій? Не треба було бъ и товарыства ніякого, колы бъ мы въ помочи не ставалы одынъ о́дному, про себе самыхъ тилькы дбаючы.

— Правду, Зиньку, хлопци кажуть!—озвався дидъ Дорошъ.—Отакъ и треба по людському, а не то що деры зъ кого по́падя безъ ніякого жало́! Отъ ій-бо, веселише й жыты на старисть стае, такыхъ добрыхъ людей бачывшы, якъ оци хлопци!

— Хлопци та й хлопци!—гукнувъ Васюта.—Що се за напасть така, що все на хлопцивъ? Наче я дурно робывъ Зинькови чы що? А ни же! Ось нехай лышъ устане, а мене тымъ часомъ побъють.—бо вже вдруге каминюкою хтось кыдае,—то буде винъ робыты на мене, ажъ крекатыме! Отъ побачыте!.. Я ёго запряжу!..

Вси засміялыся, а Васюта сыдивъ поважно й щыпавъ свого билявого вусыка.

— Мои жъ вы добри!—казавъ Зинько зъ блыскучымы ще видъ слизъ очыма.—Нехай вамъ такъ Богъ допоможе, якъ вы мени допомоглы! Якъ бы вы зналы!.. Вы мени й душу немовъ ожывылы!.. Отъ прысягаюся: покы вику мого, поты зъ вамы!.. Будемо свое робыты, якъ Богъ велыть,—нехай хочь и повбываютъ насъ! Мы своимъ не поступымося... Що Богъ дасть!..

— Не поступымося ни въ викъ!—промовывъ Карпо мицнымъ поважнымъ голосомъ.

Стыхлы вразъ, тилькы у всихъ блыщалы очи, променіючы однымъ почуваннемъ. А Гаинка чула, якъ ій по за спыною сыпнуло морозомъ, и ій стало такъ дывно и такъ страшно, якъ у церкви передъ сповиддю. Килькы хвылынъ було тыхо, ажъ покы озвався дидъ Дорошъ:

— Дасть Богъ, усе буде гараздъ! Може й ничого страшного не буде,—хыба жъ такы все крывды намъ терпиты! Дай, Боже, щобъ дали легше та веселише жылося!

— Отъ святе слово!—скрыкнувъ Васюта.—Дай, Боже, веселише жыты!

И справди вси повеселишалы за тымъ словомъ и довго ще гомонилы.

Довго й Зинько не мигъ тіеи ночи заснуты. Думка думку наздоганяла. Найбильше на себе ремствувавъ. Хыба жъ не зогришывъ винъ, думаючы облышыты все, покынуты всю справу! А товарыство ёго дакъ не покынуло! Себе жалчише ёму зробылося, а не правды. А забувъ праведныхъ людей,—воны жъ и мукы терпилы, ихъ несвитськымъ катуваннемъ мордовано, на вогни палено... Ёго тилькы побыто, а воны вмиралы, а своею правдою не поступалыся. Зналы, що хочь самы помруть, дакъ ихъ смерть иншыхъ до правды прыхылыть и таки направыть людей куды треба... Де жъ вона, та й правда, визьметься, колы коженъ зрекатымется за неи обставаты? И якъ се винъ чудно думавъ: жыты, никого не займаючы, щобъ и ёго не займано! Хыба жъ крывда чепляется черезъ те, що іи займають? Вона сама хоче зайняты

чоловика, пидъ себе ёго пидгорнуты, забраты соби ёго сылу. Хочъ якъ ховайся, якъ обмынай ии,—вона сама тебе знайде! Ни. не можно такъ прожыты. Треба зъ нею змагатыся, а тамъ... а тамъ—що Богъ дасть!..

VII.

Л и к ы.

Зинько наче й одужувавъ, але вельмы по-малу. Кашлявъ и казавъ, що болять груды. Чапавъ иноди по хати, бильше то за стины, то за коминъ держучыся; выбирався на прыспу, сидавъ на сонечку... посыдившы трохы, казавъ, що ёму вже важко, и вертався на лижко. Тяжко-помалу верталося здоровле. Васюта йиздывъ разъ у Чорновусъ, прывизъ ще ликивъ, та воны щось мало пособлялы. Самъ ликарь бильше не зайиздывъ.

Дидови Дорошеви ликарь дуже не вподобався. И не черезъ те, що бувъ непрывитный,—оть, якъ на дидову думку, то вси паны таки, що николы по людському, тыхенько-лагидненько слова не скажуть, а все зъ крыкомъ та зъ гукомъ,—то се не дывына́ була, що й ликарь такый. А оте дидови не вподобалося, що скилькы винъ уже личыть Зинька, а полегкости ніякои нема. Де жъ такы! Се такъ якъ одужуваты, дакъ безъ ликивъ швыдче остербаешъ. Та якъ на дидову думку, то вси ликари таки—ніякого зъ ихъ добра нема, хочъ бы ихъ и зовсимъ не було. Ничого воны не тямлють, тилькы людей псують. Дидъ памъятавъ, якъ ёго одного разу, ще за́молоду, побыто... Дакъ тоди гоивъ ёго Гарасымъ Савчукъ—ото бувъ превелыкый знахорь! Заразъ до ранъ рашыка попрыкладавъ, а пыты давъ такого зилля... ну, й за тыждень винъ здоровый бувъ,—оть що! А то гоить, гоить отъ уже третій тыждень. а ничого помочи нема. Се такъ Зинько й до осены не вычуняе.

Ге! Якъ бы Гарасымъ Савчукъ жывый бувъ! Дидъ Дорошъ заразъ пишовъ-бы до ёго. попрохавъ бы того зилля, давъ бы

Зинькови, дакъ уже давно бъ чоловикъ ходывъ та робывъ. Дакъ же вмеръ Гарасымъ—отъ лыхо! А теперъ такыхъ знахоривъ и не чуты щось. Хто жъ бы теперъ? Панасенко? Куды!.. Баба Мокрына? Де тамъ ій!.. Далеко куцому до зайця! Та й Радько... Ни, нема такого!..

Хыба... Отъ хыба глушкивськый Семенюкъ? Кажуть, добре знается на зилляхъ... Та такы дидъ и самъ бувъ одного разу въ ёго,—пособылося... Може въ ёго й те зилле йе, що видъ побытого? Хыба питы до ёго та попытатыся? Догнавъ—не догнавъ, а побигты можно.

И все думавъ дидъ про глушкивського Семенюка. Слухавъ, якъ Зинько кахыкае, дывывся, якъ винъ дыбае по хати, и бачывъ, що немынуче колы не до Семенюка, то ще до якого, знаючи́шого, знахоря вдарытыся.

Прыйшла недиля. Дидъ сказавъ, що пиде до родыча, а самъ махнувъ у Глушкивку и вернувся геть пизно ввечери. Другого дни выклыкавъ Гаинку зъ Зиньковои хаты въ протывну и показавъ ій пляшку.

— Бачышъ, унучко, се?

— А що жъ то?

— Здоровле твоему Зинькови.

— Якъ то?

— Дякуй дидови! Быто колысь и мене за́молоду, да я не кволывся стилькы, якъ Зинько. Бо мене личывъ не ликарь нетямущый, а на всю округу знахорь Гарасымъ Савчукъ.

И дидъ оповивъ Гаинци шыроко про Гарасыма Савчука.

— Якъ давъ мени зилля, якъ выпывъ я разъ та двичы, та трычы,—стрепенувся та й пишовъ.

— Дакъ може жъ васъ не дуже побыто було, дидусю?

— Знаешъ ты,—не дуже!.. Може ще й гирше, нижъ Зинька!.. А якъ бы мене такый паршывый ликарь личывъ, якъ ёго, то й мени бъ те було. Дакъ я оце дывысь-дывысь на ёго та тоди соби й думаю: добуду я й ёму такого зилля. Та й добувъ!

— Де жъ вы ёго добулы?

— Де добувъ, то добувъ. У Семенюка. Не такый знаючый якъ Гарасымъ, а такы тямущый чоловикъ. Тилькы сказавъ ёму чого мени треба,—такъ заразъ: знаю,—каже,—знаю! Сымъ я багато пособляю людямъ. Я ёму тоди про Гарасыма: якъ бы,—кажу,—такого зилля, якъ у Гарасыма!—Дакъ оце жъ воно йе!—каже.—Я,—каже,—видъ Гарасыма сёго й навчывся.—Дакъ оце й налывъ пляшечку.

— Зинько не буде сёго пыты, дидусю.

— Хыба я твого Зинька не знаю? Такый мудрый, що й знахарямъ не вирыть. Знаю, що не пытыме, а мы зробымо, що такы выпъе.

— Якъ же вы зробыте?

— А такъ: ото Васюта якъ нови ликы видъ ликаря прынесе, дакъ ты ёму ихъ не давай, а сихъ чарочку всыпъ та й скажы, що се видъ ликаря, то винъ и выпъе.

— Ой, боюсь, дидусю!.. Якъ бы шкоды не було!

— Яка тамъ шкода буде? Ніякогисинькои! Казавъ Семенюкъ: зразу одужуваты почне. Отъ сама побачышъ! Якъ выдужае Зинько та розскажемо ёму, то ще й дякуватыме намъ.

И дидъ усе впевнявъ Гаинку, а вона все не зважувалася. Якъ бы се вона хвора була, то заразъ бы хыльнула та й край,—и не думала бъ! А Зинько... Винъ же ій завсигды казавъ, що знахарськи ликы дурныця: якъ же ихъ ёму даваты?

Але тоди й инши думкы понялы ій голову. Добре жъ, якъ воно й безъ того пособыться, а якъ же ни? Ликаревы ликы не дуже пособляють... не самому Зинькови, а й такъ, якъ хто лычыться въ ликаря, то мало помочи... Зинько говорыть, нибы се черезъ те, що ликари непрыхыльни до людей, то й роблють такъ, абы швыдче, а якъ бы схотилы, то моглы бъ дуже добре помагаты. Ну, дакъ колы жъ не хочуть! Однакъ нычого й не буде. А вже якъ знахарь, то пособыть, а надто си ликы: про ихъ уже й дидусь знае, що помагають, на соби досвидчывся. И маты кажуть.. Звисно, Зинько ихъ не схотивъ бы... ну, а якъ ёму не полегшае та винъ умре, то тоди якъ-же? Чы не выпна жъ вона буде сама, не давшы ёму такого зилля, що здоровля бъ ёму вернуло?

И вона боязько, турботно прыдывлялася до Зинька,—якъ ёму: чы легшае? чы выдужуе? А винъ усе кволився, усе ныдивъ. Минавъ день, другый, третій—ёму не легшало.

Четвертый день бувъ дуже соняшный, веселый. И Зинько мовъ побадёришавъ: самъ, не держучысь навить, почапавъ по хати и выйшовъ на прыспу. Гаинка й соби сила биля ёго.

Сонце весело сміялося зъ неба золотымъ смихомъ. Биленьки хмаркы плывлы по блакытному морю, купаючыся въ теплому свитли. Де яки дерева, заспавшыся за довгу зиму, ще чорнилы проты неба голымъ гиллемъ, але верба вже розбуркалася и скризь простягала до сонця блидо-зелене лыстячко. По горбочкахъ та по шпылыкахъ густа трава й соби пиднимала маленьки головкы вгору. Горобци на хати й по тынахъ цвиринькалы такъ весело й моторно, мовъ хотилы сказаты, що й воны знають колы весна. Зъ высокого двору Сывашевого выдко було пивсела. По городахъ скризь метушылася, порпылася жинота, вулыцямы йихалы люде зъ боронамы й мишкамы зерна на возахъ. Зинько дывився на все те и ёму де-дали все ставало сумнише й сумнише.

— Боже! все ожывае, все робыть, тилькы я мовъ каминь лежу, ворухнутыся на здолію!—промовывъ винъ гирко.

— Не журысь, Зинечку!—розважала Гаинка,—отъ скоро, скоро й ты все робытымешъ—и дома й на поли... отъ побачышъ!..

Вона ёго розважала, а въ самои щемило серце, а сама думала: чы правду жъ вона каже?

— Дерева вже роспукуются, казавъ Зинько, дывлючысь на свій садокъ, а якъ сіеи весны ни одного деревця не посаджу!

— Въ осены посадышъ, чы на ту весну,—не журысь! Такый садъ, Зинечку, насадымо, що якъ гай буде!.. А ты въ ёму якъ сокилъ будешъ литаты.

— А то жъ, литатыму!—промовывъ гирко Зинько, дывлючыся, якъ, поблыскуючы крыламы проты сонця, лынулы кудысь у повитри пташкы—легеньки та вильни. И винъ додавъ думкою:—Оттакъ жыты бъ хотилося, такъ вильно, легко!.. Полынуты бъ, кынутыся до дила!..

Винъ поворухнувся,—груды заболилы дужче.

Безмирна журба, туга за втраченою сылою обняла ёго...

— Гаинко! поможы мени въ хату... не хочу я тутъ...

Вона пособыла ёму встаты, ввійты въ хату, дійты до лижка. Винъ лигъ и заплющывъ очи. Чорни кругы по пидъ имы вызначылыся ще выразнише. Облычче зробылося таке блиде, мовъ уся кровъ ёго покынула. Спершу дыхавъ важко, потимъ заспокоився, дыханне ставало все ривнише, тыхше... ледви чуты... И Гаинци здалось, що вона вже ёго зовсимъ не чуе, що вже смерть вызырае зъ того блидого облычча... що Зинько вже зовсимъ якъ мрець. Кынулась до ёго, вхопыла за руку:

— Зиньку!

Винъ издригнувся, розплющывъ очи.

— Що тоби, серце?

— Ничого, ничого... се я такъ... Я тебе збудыла... Спы, серденько!

— Ни, я не спатыму...

Але зновъ заплющывъ очи и зновъ лежавъ, якъ мрець.

— Ни, не пособыть ликареве гоинне!— думала Гаинка.— Треба послухатыся дида, бо вже... страшно, страшно й здуматы!..

И вона зважылася.

Того жъ вечора Васюта прывизъ изъ Чорнóвуса ликы. Вона не внесла ихъ до Зинька въ хату, а замисто ихъ поставыла туды дидову пляшку...

Одначе не зважувалася довго. Радила, що Зинько заснувъ звечора, и не треба було ёму даваты ликы. Але якъ прокынувся и сказавъ даты, то мусыла.

Въ неи такъ трусылыся рукы, якъ вона налывала зилле, що пляшка цокотила объ велыку чарку. Налыла и дуже довго затыкала пляшку, ажъ Зинько попытавъ:

— Що се ты тамъ робышъ, що не даешъ?

Тоди вона пиднесла ёму чарку, винъ пидвився, взявъ и выпывъ одразу. А ій вхопывъ холодный страхъ и не помичала, що винъ оддае ій порожню чарку.

Врешти взяла. Винъ лигъ изнову, заплющывъ очи й затыхъ. Лежавъ тыхо.

Ій потеплишало,—вона почынала заспокоюватыся. Одначе не лягала спаты й не гасыла, а сыдила на ослони биля ёго. Винъ, здается, спавъ.

Вразъ винъ росплющывъ очи, пидвився, вхопывся рукою за горло:

— Ой!.. дыхаты!.. давыть!..

Гаинка кынулась до ёго:

— Зинечку! де давыть? що?..

— Горло... въ грудяхъ пече... Дай воды!..

Вона подала ёму кухоль зъ водою. Винъ выпывъ трохы и впавъ на подушку. Вона стояла надъ имъ и дывылася на ёго широко росплющенымы очыма. Винъ лежавъ тыхо килькы часу, а тоди зновъ ухопывся за груды.

— Воды!..

И видразу ёго скорчыло всёго такъ, що винъ ледви не впавъ зъ лижка. Гаинка вхопыла ёго.

— Диду!.. мамо!.. ратуйте!..—скрыкнула несамовыто.

Крыкъ бувъ такый страшный, що й дидъ, и маты попрокыдалыся и вскочылы въ хату.

— Що се?

— Зинько...

Воны глянулы,—Зинько лежавъ у неи на рукахъ, и на блидыхъ губахъ червонила въ ёго кровъ.

— Зиньку! сыну! що тоби?...—пыталася перелякана маты.

— Воды!..

Ёму подалы воды,—винъ пывъ жадибно. Тоди впавъ знесыленый на подушкы.

Та не багато перепочывъ. Нови корчи вхопылы ёго, и винъ забывся въ матери на рукахъ и знову зачервонила на губахъ кровъ. Дидъ кынувся до ёго зъ водою. Почавъ затыхаты, прыпавъ устамы до кухля...

— Ой, Боже, що жъ я наробыла!—скрыкнула Гаинка несамовыто и впала навколишкы передъ лижкомъ.—Ой, що жъ я, проклята, наробыла,—я жъ тебе, Зинечку, струила!..

Ёго очи росплющылыся, глянулы на неи дывнымъ поглядомъ.

— Що ты сказала?—ледви вымовывъ.

— Се жъ я тоби не ликивъ дала, а знахаревого зилля!..

— Ты... знахаревого... А я жъ казавъ...—простогнавъ хворый.

— Я жъ думала, що воно пособыть... я жъ не знала, що таке лыхо... я жъ...

— Диду!—промовывъ Зинько,—або самы... або бижыть до Васюты,—хай до ликаря... заразъ...

Переляканый дидъ кынувся, ни слова не кажучы, зъ хаты. Зинько лежавъ, заплющывшы очи, и тяжко дыхавъ. Гаинка все стояла навколишкахъ биля лижка, прытыснувшы рукы до грудей, и дывылась нерухомымъ поглядомъ на Зинька. Винъ мовчавъ довго. Врешти промовывъ:

— Мамо... нехай... вона пиде... Вы сами зостаньтесь зомною...

Гаинка встала и выйшла зъ хаты.

Выйшла въ сины, повернула въ хыжку и забылася тамъ у найдальшый кутокъ. Сила доли и сыдила такъ у темряви, обхопывшы голову рукамы, прыхылывшы ии до стины.

Чула, що вмирае. Вмирае, бо винъ умиравъ и прогнавъ ии видъ себе.

Знала, що заробыла се.

Ворогы вбывалы,—не вбылы, а вона вбыла, вона своею зрадною рукою подала ёму смерть,

Знала що нема ий кары на таке лыходійство.

Душогубови-розбійныкови йе кара, а ий нема, бо нихто такого не зробывъ, якъ вона.

Знала, що ий уже нема ничого на свити, сама темрява.

И вмирала въ темряви.

Не могла ворохнутыся, не могла скрыкнуты, у неи не було вже сылы, ии тило вже не жыло, тилькы душа жыва болила такъ...

О, якъ безъ миры, безъ краю!..

Ся ничъ, ся темрява—вона гнитыла ій душу, роздавлювала, знищувала, а душа все почувала, все болила.

А тамъ Зинько вмирае. И вона не сміе туды питы.

Боже, Боже! На що ся душа невмируща,—хай бы вона вмерла!.. Тилькы бъ не си мукы, не се мордуванне!..

Хочъ бы крычаты здужала!.. Нема голосу...

. . . . . .

Дидъ вернувся видъ Васюты зъ погапою звисткою: саме якъ Васюта ще вдень бувъ у Чорновуси, ликарь побигъ поштою на станцію, на машыну: на тры дни йихавъ у губернію, въ городъ.

Помочи не було. Зинько выслухавъ се мовчкы.

А дидъ, стоючы надъ имъ, казавъ:

— Зиньку! сыну! просты мене!.. Се я тебе занапастывъ!.. Се я добувъ зилля въ знахаря и Гаинци звеливъ...

Говорывъ хлыпаючы и весь трусывся.

— И вы, диду!..—тилькы промовывъ Зинько та й не сказавъ бильше ничого.

Усю ничъ маты зъ дидомъ булы коло хворого. Разъ-у-разъ ёго корчыло, пекла згага, и винъ пывъ, сылкуючысь іи залыты.

Передъ свитомъ сказавъ:

— Ногы обважнилы...

Маты торкнулася до нигъ,—воны булы холодни. Винъ зрозумивъ се зъ іи погляду.

— Холодни, мамо? Се вже смерть иде.

— Сыночку мій! не кажы такъ!..—простогнала безщасна маты.

— А що жъ, мамо, колы воно правда. Я сёгодни вмру.

Въ хати настала тыша.

Темряве свитло осявало блиде облычче хворого и дви прыбыти горемъ постати коло ёго лижка: маты сыдила, дидъ Остапъ стоявъ, похылывшыся.

Вразъ винъ схылывся до земли и вдарывъ передъ лижкомъ поклона.

— Сыну! Зиньку!.. просты мене!..

— Богъ простыть, дидусю,—я на васъ не гниваюся... Тилькы не кажить про се никому, никому!.. И Гаинци звелить, щобъ не казала...

Дидъ, хлыпаючы, вставъ.

— Сыну!—промовыла маты:—Поклычу батюшку,—може черезъ те Богъ полегкисть пошле.

Хворый помовчавъ, тоди сказавъ тыхо:

— Добре... А вы, дидусю, пидить—поклычте моихъ товарышивъ... усихъ... А до мене хай Гаинка тымъ часомъ увійде...

Маты й дидъ выйшлы зъ хаты, а трохы згодомъ туды ввійшла Гаинка. Тыхо спынылася биля порогу.

— Гаинко!.. иды!.. сядь отутъ... биля мене...

Вона пидійшла покирно и сила на лижкови.

— Дружынонько моя, поцилуй мене!—попрохавъ хворый.

Вона зирвалася, впала навколишкы, обхопыла ёму ногы и почала цилуваты ихъ мовчкы.

— Встань, Гаинко!..

Вона не вставала, а уста шепотилы, прыпадаючы до нигъ:

— Ниженькы мои!.. слидочкы ваши цилувала бъ, якъ бы вы ходылы!.. Не ходыте!.. вбыла!.. отруила!..

— Сядь тутъ биля мене!.. поцилуй въ уста!..

Нахылыся до ёго, цилувала въ уста, въ очи, въ рукы.

— Не ты мене, дружынонько моя вирна, струила... Ты мени здоровля хотила, моя добра... Любывъ тебе на цёму свити и на тому любытыму... Якъ я тебе покыну?.. Така маленька... така полохлыва... Та тебе люде заклюють... Якъ я тебе покыну?

Винъ плакавъ.

Узявъ ін рукы въ свои, прытулывъ ихъ до грудей та й затыхъ, знеможеный. Вона сыдила, не сміючы ворохнутыся.

Видпочывшы, озвався знову:

— Жывы зъ матиррю, зъ дидомъ, не ходы до батька: тамъ тебе занапастять... Никому не кажы про знахареве зилле. Чуешъ? Я тоби велю. И дидови й матери звеливъ... И сама забудь про се... Не думай!.. Мени однакъ умираты було,—довго не прожывъ

бы... Байдуже, колы трохы швыдче... Тилькы тебе жалко покыдаты... Ище жалко: не зробывъ... Охъ!..

Затыхъ изнову.

У неи душа крычала видъ несвитського болю, але ни одне слово не проходыло кризь уста.

У синяхъ затупотило. Се прыйшовъ батюшка...

Видбулы ёго...

Уже розвыднылося зовсимъ, якъ кругъ Зинькового лижка посталы товарыши.

— Пидведить мене!—промовывъ хворый.

Пидвелы, заложылы за спыну подушкы. Винъ сивъ.

— Уже груды нимiють... Часъ прыйшовъ умираты... Якъ сыдивъ у тюрми,—запрысягся не покыдаты сёго дила—за правду стояты... Не судывъ мени Богъ справдыты мою прысягу... Короткый мiй викъ... Може Богъ васъ довшымъ благословыть... Нехай моя прысяга буде вашою!.

— Буде!.. буде, братику нашъ, товарышу нашъ вирный!..

— Спасыби!.. Добувайтеся правды!.. Тяжко безъ свиту!.. Де винъ?.. де винъ?..—пытавъ хворый, уже блудючы словамы.—Колы бъ хто показавъ!..

Затыхъ на мыть, опрытомнивъ.

— Маты стара зостается въ мене, дружына молода—зъ дидомъ нехай воны въ сiй хати жывуть... А вы ихъ догляньте, братикы!..

— Доглянемо!.. не турбуйсь тымъ!..

— Хай вамъ Богъ заплатыть!.. Мамо! Спасыби тымъ рученькамъ, що мене носылы-годувалы!.. тымъ ниженькамъ, що за мною ходылы!.. Прощавайте, мамо!..

Рыдаючы, прыпадала до ёго маты.

— Гаинко! дружыно моя вирная, серденько мое дорогесеньке, раю мiй любый!.. Прощавай!..

Вона мовчкы до ёго прыпадала, не можучы вымовыты слова.

Тоди прощався зъ дидомъ, зъ товарышамы и кожному казавъ останне прывитанне.

А воны пыталы:

— Кажы, брате,—може ще що звелышъ.

— Ничого не звелю,—тилькы не забудьте мого заповиту!..

— Не забудемо!..

Глянувъ по хати.

— Одчынить викно!..

Видчынылы.

— Хочъ бы сонце зійшло... Якъ темно!..

Сонце ще не сходыло.

— Гаинко!..

Кынулася до ёго,—винъ прыхылывъ ій голову соби на груды...

— Ще не зійшло сонце?

— Скоро зійде,—видказавъ Карпо.

Стыхъ на хвылыну, тоди ворухнувъ устамы:

— Прощав...

Зитхнувъ тыхо, не доказавшы слова, и голова ёму похылылася внызъ...

Рука впала зъ Гаинчынои шыи...

В. Гринченко.

У Чернигови, 1901.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.[1])

Жилье.

Выборъ мѣста подъ хату. Обряды закладинъ, накладки потолка и входинъ. Примѣты на новосельи. Надворныя постройки. Наружная сторона хаты, внутреннее ея расположеніе: пороги, печь, углы, хатнія примѣты.

Хозяинъ, замѣтивъ ранней весной мѣсто усадьбы, прежде всего оттаявшее и просохшее, на которомъ и впослѣдствіи не бываетъ по утрамъ обильной росы, предназначаетъ это мѣсто для хаты, если оно выдержитъ слѣдующія испытанія. По обозначеніи кольями размѣровъ будущей хаты, выкапываются четыре ямки на мѣстѣ предполагаемыхъ сохъ и въ каждую изъ нихъ кладется по горсти въ тридевять зеренъ жита вмѣстѣ съ кусками ржаного хлѣба, на три ночи подрядъ. Если утромъ горсти эти окажутся нетронутыми, то смѣло можно строить домъ на томъ мѣстѣ: онъ будетъ хорошій, полный. Разгребенная же рожь указываетъ на будущую убыль: семьи—если тронута кучка на предполагаемомъ

[1]) Подъ такимъ названіемъ предположено мною дать къ XII Харьковскому Археологическому Съѣзду рядъ отдѣльныхъ очерковъ по мѣстной хозяйственной этнографіи, обнимающихъ какъ потребности человѣка: пищу, одежду, жилище, такъ и источники удовлетворенія: земледѣліе, скотоводство и другіе.

«полу» (мѣстѣ ночлега семьи), скота—если тронута покутняя горсть, собаки—въ углу у дверей и кошки—на печкѣ (Силькись, бо не буде кота хочъ доставай, хочъ ни!). Совѣтуютъ поэтому, въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣсколько передвинуть сохи на другое мѣсто. Одновременно съ этимъ опытомъ, хозяинъ и самъ долженъ лечь на томъ же мѣстѣ и прислушиваться. Хорошо, когда вблизи раздастся пѣсня, когда же послышится плачь, то нечего разсчитывать на счастіе въ новомъ домѣ. Въ частности, ржаніе лошади, мычаніе коровы, птичій крикъ считаются указаніемъ, что такія животныя будутъ хорошо плодиться въ новомъ хозяйствѣ; поэтому невыгодно услышать собачій лай. Еще оставляютъ на ночь въ предполагаемомъ мѣстѣ стола жито, хлѣбъ, соль. Если забѣжавшая собака съѣстъ хлѣбъ, но оставитъ вещественные слѣды своего пребыванія, то въ новой хатѣ будетъ довольство и прибыль. Вообще слѣды собаки, кота или коровы, замѣченные на мѣстѣ, отведенномъ подъ домъ, очищенномъ и посыпанномъ пескомъ, считаются хорошимъ предзнаменованіемъ: отпечатки-же конскихъ копытъ и людскія ступни — дурнымъ. Кромѣ того, при выборѣ мѣста жилья ставятъ еще чарку съ девятью ложками воды. Прибывающая за ночь, льющаяся черезъ край вода, предсказываетъ благополучіе,—«вона ущербыться якъ не буде фортуны ни на скотыну, ни на птыцю, ни на диты». Переворачиваютъ также въ новомъ домѣ сковороду, чаунъ или горшокъ и подъ него кладутъ овечью шерсть (вовну). Если шерсть вспотѣетъ, а на сковородѣ обнаружится роса, то хата будетъ сырою [1]). Нельзя вновь строить хату на томъ мѣстѣ, гдѣ уже однажды была жилая постройка безъ нѣкотораго передвиженія и измѣненія размѣра ея: «неможна скапынъ занять у хату»; нельзя

[1]) Подобныя повѣрья приведены кратко у Чубинскаго (1., Тр. экспед. т. 1., в. 1., 101 и 2, Тр. т. VII., ч. III., 375) у Nowosielskiego (Lud Ukr. Wilno 1857. T. I., 163) считается благопріятнымъ предзнаменованіемъ появленіе муравьевъ подъ сковородой; у великороссовъ же по Костомарову («Очеркъ жизни великор. народа», въ Соврем. 1860 г., X, 523) муравьи или паукъ подъ корой бываютъ къ несчастію,—черви къ удачѣ.

и уменьшать бывшей постройки—уменьшится семья. На мѣстѣ же сожженнаго молніей строенія никогда уже не воздвигаютъ новаго.

Хозяинъ и хозяйка, которая при постройкѣ хаты «у первій голови», взвѣсивъ всѣ приведенныя обстоятельства, обращаются къ мастерамъ, — обыкновеннно къ двумъ. Послѣдніе являются осмотрѣть вывезенный зимой и сложенный лѣсъ и подрядиться. «Любить дерево», начинаетъ переговоры хозяинъ, «и кажить цину».—35 карбованцивъ[1]).—«То дорого, берить 15»[2]).—Э, не хочемо робыть: попотесаты отстилькы!—«Подумайте, а я прибавлю. Хотилося шобъ вы зробылы: онъ зробылы Грыцьку, та такъ гарно—не дорожиться! Могорычъ вамъ буде шо дня,—воно й то шось стоить».—Ни, якъ шо не такъ, то шукайте соби; хай вамъ люды роблять.—«А, кѣпови хлопци, дорого хотять! Ну, уважте трохы, а я прыбавлю: нехай четвертна. Иды, молодыце, прынесы пивкварты та выпьемъ могорычъ».—Та глядить мени, шобъ хата не чадна!—требуетъ баба.

Явясь на усадьбу исполнять заключенный такимъ образомъ договоръ, мастера прежде правять дерево, потомъ основываютъ хату на землѣ, кладутъ ощепины, стропила и прибиваютъ по двѣ жерди (латы). Появленіе паутины на замкахъ сложенной хаты считается благопріятнымъ признакомъ. Потомъ хату опять разбираютъ, мѣтятъ деревья топоромъ, чтобъ не смѣшать ихъ при дальнѣйшей постройкѣ, закапываютъ сохи въ ямы, куда предварительно бросаютъ нѣсколько зеренъ жита и 1—2 коп. для богатаго, счастливаго житья, и затѣмъ хозяинъ назначаетъ «лехкій динь» (по Вильшанскому произношенію)—не понедѣльникъ, субботу или дни св. мучениковъ—для закладчынъ, «закладать сволокъ». Въ назначенный день, хозяйка выноситъ собравшимся мастерамъ, родичамъ и сосѣдямъ водку, хлѣбъ-соль и тотчасъ же развѣшиваетъ на сволокѣ кожухъ шерстью вверхъ. Хозяинъ, отпивая по обычаю первымъ, произноситъ: «Дай же, Господы, шобъ

[1]) и [2]) Найбольшая и найменьшая цѣны за постройку хаты, средняя теперь 25 руб.

намъ благополушно прожыть у новóму доми: мени и хазяйци и моему чадови: шобъ мы диждалы поженыть и поддавать и шобъ Господь хранывъ и пожаромъ и худимъ случаемъ. И шобъ вы, майстри, мени за гроши подякувалы, а я шобъ вамъ за роботу». Мастеръ также пьетъ и отвѣчаетъ: «Господы поможы и благословы! И пресвятая Богородыце помолы свого Сына за сей домъ, шобъ Господь давъ имъ благополушну жизнь. И святый анголъ молы пресвятую Богородыцю за сей домъ». Послѣ этихъ пожеланій начинается поднятіе и укладка сволока мастерами при содѣйствіи присутствующихъ. По народному вѣрованію мастеръ закладываетъ сволокъ непремѣнно на чью нибудь голову. Онъ дѣлаетъ это умышленно; напримѣръ, недовольный хозяиномъ, стучитъ трижды обухомъ въ «голову» сволока (часть, обращаемую къ покутю и образамъ) и говоритъ: «Стукаю я сволокъ у голову, шобъ стукало у голову хазяину, покы жызнь ёго симьи и до свого вику шобъ винъ не дожывъ!» или мимовольно, заслышавъ голосъ человѣка или животнаго, онъ закладываетъ на голову этого существа и послѣднее недолговѣчно. Поэтому лучше молчать во время установки сволока. Даже простая небрежность мастера опасна: если онъ имъ ударитъ о дерево, то хата будетъ угарной. Подъ голову сволока кладется обыкновенно ладанъ въ предупрежденіе грозовыхъ ударовъ, а съ противоположнаго (глухого) конца—кусочекъ хлѣба съ солью и мелкая монета для изобилія, и овечья шерсть (вовна)—для сухости и теплоты. Когда сволокъ установленъ, хозяинъ куритъ ладаномъ и кропитъ со всѣхъ сторонъ избу освященной водой, а мастера нарубливаютъ на каждой угловой сохѣ по три креста, приговаривая: «во имя Отца и Сына и Св. Духа амынь!» Сверхъ третьяго креста зарубливается топоръ носкомъ въ стѣну. Недоброжелательный мастеръ роняетъ топоръ и самую молитву читаетъ наоборотъ (навпакы): не во имя Отца и т. д. Если въ постройкѣ участвуютъ четыре строителя, то каждый обязанъ нарубить кресты на особой сохѣ. Къ покутней сохѣ навсегда прибивается маленькій деревянный крестикъ. На зарубленный въ стѣну топоръ хозяинъ вѣшаетъ каждому мастеру по дешевенькому платку, а платки, назначенные крестнымъ отцу и матери—на

сволокъ. Затѣмъ на послѣдній усаживается мастеръ верхомъ, какъ на коня, и требуетъ себѣ хлѣбъ, соль, рушникъ и водку, говоря: «А, ну! теперъ я сивъ на сволокъ, давай мени, хазяине, чарокъ сорокъ!» Хозяинъ подымается такъ же на сволокъ съ квартой водки по правилу: сволокъ на хату, а кварта водки у хату. Начинается угощенье. «Пыйте, мастри, тай пыйте!» упрашиваетъ хозяинъ.—Спасыби Вамъ, дай Богъ здоровья! Колыбъ намъ Богъ помигъ кончыть безъ урону,—отвѣчаютъ мастера.—«Не зробыть мени нычого худого, а я за Васъ буду Бога молыть». —Ну, лый! Дай же, Господы, фортуну! Шобъ Господь хлибъ родывъ у поли на сю хату и шобъ вона була суха и весела и шобъ вы диждалы въ сій хати дитей благословыть и за своими дитьми подаркы получыть!—«Спасыби! Дай Богъ здоровья за добре слово. А, ну, хазяйко, лизь и ты до насъ. Хозяйка лѣзетъ и потчуетъ: «Будьмо здоровеньки, посылай Господь на благополучія, на здоровья, на многія лита!» Мастерамъ, сидящимъ на сволокѣ, даютъ водку, сколько бы они ни пожелали, также и закуску, но недоброжелатель не станетъ закусывать. Обѣденный столъ на закладинахъ заключается въ борщѣ, локшинѣ, пирогахъ, варенникахъ со сметаной или яичницѣ съ саломъ, вареныхъ грушахъ. Гости подчиняются извѣстнымъ правиламъ: приходятъ съ хлѣбомъ солью непремѣнно въ двери строющейся избы, садятся, перекинувъ обѣ ноги черезъ постланныя доски [1]). И опять хозяинъ, выпивая первый, провозглашаетъ: «Дай, Господы, мени зъ своею хазяйкою въ сій хати жыть и дитей дружыть! Спасыби вамъ! дай, Боже, здоровья, шо не забуваете мене!—Дай, Боже, отвѣчаютъ гости, шобъ весело й гарно и въ поли, и въ доми, и въ скотыни и въ дытыни! Шобъ у поли хлибъ родывъ, а на симъ двори шобъ Господь скотыну плодывъ. Шобъ диждалы, кумасю, благословыть сынивъ и невистокъ набралы и дочокъ поддавалы!—

---

[1]) О посадкѣ во время ѣды у различныхъ народовъ у C. Haberland, «Ueber Gebräuche und Aberglauben beim Essen». въ Zeitsch. für Völkerps. und Sprachwis. Leipzig. 1888., Ш., 255. Мекленбургцамъ напр., какъ и у насъ, нельзя ѣсть со скрещенными ногами.

Выпивъ хозяйскую водку, гости складываются, посылаютъ за водкой, пьютъ и веселятся до утра.

Послѣ закладинъ, отважный хозяинъ еще разъ можетъ узнать грядущую судьбу. Для этого онъ долженъ поставить борону въ новой хатѣ, повѣсить на боронѣ хомутъ и, разведя небольшой огонь, смотрѣть сквозь борону. Если предстоитъ благополучіе, то придетъ заливать огонь существо въ шерсти, а если бѣдность, то придетъ голое и, выгнувъ бокъ, погрѣется у огня.

За окончаніемъ деревянныхъ частей хаты, слѣдуетъ мазка ея, начинающая съ потолка, и соединенная съ особымъ обрядомъ—«накладкою стели». День для этой первой мазки назначается такой же легкій, какъ и на закладины, не пасмурный, не дождливый, иначе постройка останется навсегда сырою, обыкновенно на второй или четвертой лунныхъ фазахъ: «на пидповнимъ мисяци, або тоди, якъ повный мисяць зъ круга зверне». Предъ началомъ хозяинъ куритъ ладаномъ и прилѣпляетъ зажженную страстную свѣчу къ покутней сохѣ. Мазальницы (мази), сосѣдки и родички или поденщицы, душъ 10—15, замѣсивъ глину съ навозомъ, иногда съ мелкой соломой или житной и пшеничной половой, предлагаютъ хозяйкѣ: «ну, мамо, почынай!» Хозяйка лѣзетъ съ подругами на чердакъ, а хозяинъ подаетъ туда: первые вальки глины, мелкія деньги и рожь или смѣсь всѣхъ хлѣбовъ: ржи, пшеницы, ячменя, овса, проса и гречки. Хозяйка разсѣваетъ зерна на четыре угла и, приговаривая «Господы благословы!» кладетъ первые три вальки глины съ заложенными въ нихъ копѣйками въ покутній уголъ, а потомъ вмѣстѣ съ мазями и въ остальные углы. На чердакѣ появляется водка и закуска; бабы садятся въ кругъ и пьютъ съ пожеланіями: «Дай, Боже, шобъ дитей дружыть и въ свити жыть!» Смазавъ (накыдавъ) потолокъ, бабы слазятъ внизъ и просятъ хозяина: «Прылывай, хазяине, гарненько, шобъ стина була гладенька та римненька». Выпьютъ и принимаются мазать стѣны. Опять хозяйка кладетъ первый валекъ съ мелкой монетой возлѣ покутней сохи, а затѣмъ съ мазями—и въ другіе углы, по три валька глины въ каждый. Въ стѣны вмазываютъ еще клочки шерсти изъ кожушины для того, чтобы изба

была богатая, теплая и сухая. Окончивъ хозяйскую водку, мази складываются, какъ на закладинахъ, и гуляютъ всю ночь.

Незадолго до входа въ новую, оконченную избу, ее принято накуривать различными способами: ладаномъ и смирной съ оттушенными на Благовѣщенье угольями или кусочками кожи (шкураттямъ), соромъ (смиттямъ) и бѣлою нехворощью (Artemisia annua. L.) «шобъ халѣра не прыстала и шобъ печысти не було.» Въ м. Снѣтинѣ такимъ соромъ топятъ въ печи и закрываютъ трубу покуда не все еще перегорѣло, «шобъ хата вчадила, тоди людямъ буде хороше жыть, не будуть чадить.» Вѣроятно цѣль всѣхъ этихъ куреній одна и таже: выдворить невыносимымъ угаромъ враждебныхъ духовъ. [1].) Наканунѣ входа вновь гадаютъ о будущемъ, кладя хлѣбъ—соль и жито, и утромъ замѣчаютъ: цѣлы ли они. Будущность представляется сомнительной, если хлѣбъ оцарапанъ или пощипанъ или тронуто жито. Въ сс. Волчкѣ и Берестечи относятъ еще на ночь въ новую избу пѣтуха и курицу, или въ самый день входинъ пускаютъ ихъ впереди людей. Въ другихъ частяхъ уѣзда пропускаютъ такимъ же образомъ впередъ собаку или кота. Обыкновенія эти коренятся въ народномъ убѣжденіи о скорой смерти всякаго существа, вошедшаго первымъ въ новую избу. «Хто первый ввійде у хату: чы кить, чы собака, чы горобець, або сорока залетыть—тому викъ не довгый.» [2]) Изъ

---

[1]) Объ изгнаніи духовъ подобными средствами разъяснено у Спенсера: 1, въ «Основаніяхъ Соціолог. С. Петерб. 1876 г. т. 1., 258, и 2, въ «Обществен. профес.» въ. Новомъ Словѣ. 1895 г. № 1, стр. 217.

[2]) Къ объясненію обрядовъ: закладинъ, настланія потолка и входинъ могутъ служить данныя изъ общечеловѣческаго фольклора о цементированіи построекъ живыми существами и ихъ кровью. Такъ римляне и персы закапывали живыхъ людей подъ постройки (Nowosielsk. Lud Ukrain. 157, 165.) Пикты орошали свои постройки человѣческой кровью. По словамъ легендъ, стѣны Либенштейна, Копенгагена, Галле, Вортигерна, Скадара покоятся на живыхъ существахъ. Св. Оранъ былъ зарытъ живымъ подъ основаніе монастыря, а въ 1463 г. при устройствѣ плотины въ Ногатѣ—нищій. Въ Азіи и Африкѣ и теперь

вещей прежде всего вносятъ иконы и учиненную дижу, на которую кладутъ хлѣбъ—соль и наблюдаютъ за всходящимъ тѣстомъ, такъ какъ хорошій всходъ обѣщаетъ и жизнь хорошую. Потомъ вносятъ мебель и утварь; люди же перебираются позже. Совѣтуютъ во избѣжаніе сглаза (урокивъ) входить въ домъ ночью. Въ с. Бересточи прежде всё семейство лѣзло первый разъ въ хату черезъ окно. Отецъ семейства, входя въ сопровожденіи чле-

---

при закладѣ зданій подъ нихъ кладутъ преступниковъ, невольниковъ, дѣтей. На Борнео при постройкѣ дома въ яму бросили невольницу, которую и раздавили столбомъ. Въ стѣнахъ зданій въ Даніи и Германіи задѣланы ягнята и пѣтухи. По нѣмецкимъ повѣріямъ въ новый домъ до входа нужно пустить собаку или пѣтуха. (Тэйлоръ. Первоб. культ. С.-Петерб. 1872 г., 98—101). Въ Германіи убивали бродягъ или дѣтей для того, чтобы ихъ души были покровителями постройки. Сіамскій король назначилъ для той же цѣли человѣка. (Ю. Липпертъ. Истор. культ. С.-Петерб. 1895. г., 322). По преданію при постройкѣ Коромысловой башни въ Нижнемъ Новгородѣ заложена въ стѣну дѣвица, раньше всѣхъ вышедшая за водой. (А. Н. Сергѣевъ въ Сѣверѣ 1892 г. № 1, 295). Въ Румыніи и Болгаріи каменщики, смѣривъ камышомъ тѣнь прохожаго, кладутъ камышъ въ стѣну, послѣ чего прохожій долженъ умереть, а духъ его покровительствуетъ зданію. Греки орошаютъ первый камень кровью барана. Въ Славоніи закапываютъ подъ строеніе пѣтуха и летучую мышь. Въ Сербіи предъ входомъ въ новое зданіе туда впускаютъ кошку, собаку или курицу. (I. Tuchmann. La fascination. Mélusine 1898. T. IX, № 5, 104). Во Франціи, входя въ новое жилище, рѣжутъ цыпленка и по комнатамъ брызжутъ его кровью, вѣря, что духъ жертвы поддерживаетъ крѣпость и безопасность жилища. (Comte Goblet d'Alviella. L'idée de Dieu d'après l'anthrop. et l'hist. Par. 1892. 32). Въ Льежѣ, до переселенія въ новый домъ, туда запирали кошку, покуда сдохнетъ отъ голода. Жить въ такомъ домѣ считалось безопаснымъ. (Eugène Monseur. Le Folkl. wallon. 115). Въ Харьковской губерніи передъ входомъ впускаютъ въ новую избу на ночь кошку, пѣтуха или насѣдку съ цыплятами (Ивановъ. Народ. разск. о домов., рус. Харьковъ, 1893 г., 12). Въ Подольской губ. въ новый домъ на ночь пускаютъ черныхъ пѣтуха и курицу, на другую—черныхъ-же кота и кошку, (Н. Ѳ. Сумцовъ. Культ. пер. въ Кіев. Стар. 1889 г., № 5, 6, 492). Тамъ же, чтобы не умереть скоро, строютъ домъ на чью-нибудь голову: собачью,

новъ семьи, иногда родичей и сосѣдей, съ хлѣбомъ и солью въ рукахъ говоритъ: «Дай же намъ, Господы, святый, добрый часъ у йовый домъ увійты, хлибъ и силь унесты, шобъ Господь послявъ намъ у симъ доми хлиба й солы и всёго добра до конця вику, шобъ Господь послявъ намъ у пари жыть у симъ доми, шобъ насъ Богъ не розризнывъ. И колыбъ Господь сей домъ хранувъ громомъ и грозю и потопомъ и велыкымъ клопотомъ!» Часто водвореніе въ новой хатѣ этимъ и оканчивается, не сопровождаясь по экономическимъ причинамъ ни освященіемъ, ни пиромъ.

Переселившаяся семья первые три дня на новосельи, а отчасти и позже, наблюдаетъ еще событія, примѣты и сны, также гадаетъ о будущемъ однимъ изъ способовъ гаданія дѣвицъ на рождественскихъ праздникахъ. [1]) На порогѣ кладутся сапоги, одинъ съ житомъ, другой съ кускомъ кирпича (печиною). Выберетъ хозяинъ первый— хорошо, къ житью, выберетъ второй—плохо, «буде пектысь.» Еще впускаютъ паука въ новый горшокъ и, завязавъ, ставятъ посреди хаты. Если онъ совьетъ паутину вверху», на винцяхъ», то дѣла пойдутъ успѣшно, а если паукъ бѣгаетъ по дну горшка и паутины не вьетъ, то и удачи ни въ чемъ не будетъ. Ночью прислушиваются съ замираніемъ сердца, не будетъ ли стучать на покути птица или что нибудь другое, такъ какъ такой стукъ предвѣщаетъ недоброе, болѣзнь или смерть. [2]) Сны на новомъ мѣстѣ, въ особенности вѣщіе, истол-

---

кошачью, мышиную. (Шейковскій. Бытъ Подол. II, 51, 54). Тоже убѣжденіе и въ Лубенскомъ у. (см. мои замѣтки въ Кіев. Стар., 1894, IV, 174 и 1897, № 9, 321). Итакъ, въ описываемыхъ обрядахъ сохранилось воспоминаніе о принесеніи человѣческихъ жертвъ для укрѣпленія зданія, съ постепенной замѣной ихъ жертвами животныхъ (впускъ животныхъ, закладка шерсти), растительными (зерна ржи и другихъ хлѣбовъ и, наконецъ, денежными).

[1]) Въ моихъ «Рождеств. святкахъ сѣверн. части Луб. у. Полтава. 1893 г., 21.

[2]) Такіе стуки предвѣщали смерть и древнимъ римлянамъ. Тэйлоръ. Первобыт. культ. I. 135, 136.

ковываются мѣстной онейромантикой слѣдующимъ образомъ. Чистую воду увидѣть во снѣ означаетъ здоровье, мутную (каламитну)—болѣзнь. Изъ растеній ячмень или жито [1]), особенно большой стогъ, снятся къ добру, но сбитое бурей жито предвѣщаетъ «шо выляже симья», печеный хлѣбъ—къ печали [2]); гречка же—къ смерти [3]). Лукъ во снѣ означаетъ слёзы, яблоки—радость. Изъ міра животныхъ: кони, особенно худыя, скверныя клячи—снятся къ болѣзни, быки въ плугѣ—на счастіе, удачу: больная, палая скотина—на убыль; поросная свинья—къ удачѣ, а тощая—къ смерти; собаки рвущія, или кусающія змѣи приснятся къ враждѣ и ссорамъ [4]); рыба означаетъ, «шо сусиды рыють». Мальчикъ снится передъ удачей, дѣвочка—передъ хлопотами [5]). Сны изъ міра неодушевленнаго означаютъ: золотыя и серебряныя деньги—удачу, мѣдныя—несчастье: «будуть злыдни въ тимъ доми, або слезы. «Пустая скрыня во снѣ предвѣщаетъ смерть [6]). Кромѣ того всякая прибыль въ теченіе первого года въ семьѣ или хозяйствѣ служитъ указаніемъ и на дальнѣйшее благополучіе и наоборотъ. «Якъ найдется дытына, теля, лошя, або ягня, то люды радіють, шо буде весело жыть; якъ же умре дытына, або скотына сдохне, то обиждаются: Господы! твоя святая воля! якый не хорошый случай перейшовъ въ новому доми.» Появленіе сверчковъ (Acheta) служитъ благопріятнымъ предсказаніемъ. «Де цвиркунъ заведется, тамъ весела хата; воны якъ парубкы цвиринчять. Малисенькый, а такъ страшно трудится! Винъ цвиринчить на негоду»—замѣчаютъ крестьянки.

Такимъ образомъ новая хата появляется среди другихъ крестьянскихъ построекъ. При всемъ разнообразіи и прихотливости расположенія послѣднихъ, существуютъ однако-же нѣкоторыя

---

[1]–[5]) Такое же снотолкованіе, кромѣ гречки, означающей падучую, у Манжуры, Сказки въ Сбор. Харьк. Истор. Филол. Общ. II, 160. См. также Чубинскій. Тр. 1., в. 1, 90.

[6]) Варіанты и болѣе подробное изложеніе мѣстной народной онейромантики въ моихъ Народ. обряд. и пѣсн. Лубен. у. въ Сбор. Хар. Ист. Филол. Общ. т. X, 6—9.

общія черты крестьянскихъ усадьбъ. Всѣ онѣ ограждены частью рвомъ съ пышно разросшейся дерезой (lycium barbarum. L.) и нѣсколькими вязами, берестами, ясенями или бѣлой акаціей надъ нимъ; частью плетнемъ (тыномъ) у воротъ, обыкновенно одностворчатыхъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ продольныхъ жердей (воритныць), вдѣланныхъ въ столбики, и скрѣпленныхъ въ косомъ направленіи еще одною или двумя жердями (пидстрилынами). Около воротъ часто бываетъ «хвиртка» и всегда «перелазъ». Для утилизаціи плетня вдоль самой улицы располагается скотный сарайчикъ (повитка). Прежде она строилась такъ, какъ описано у Чубинскаго [1]), т. е. на двухъ сохахъ, сверхъ которыхъ помѣщалась легкая балка (трямъ). Съ нея спускались во всѣ стороны жерди (ключины), къ которымъ прикрѣплялись легкія продольныя жерди (павзины), а къ нимъ привязывалась солома кровли. Теперь повитки, лишенныя среднихъ сохъ и тряма, опираются только на тонкіе, боковые столбы (прысишки), а крыша состоитъ изъ стропилъ (кроквъ), какъ въ избѣ. Если по размѣру хозяйства необходима вторая повитка, то такая строится перпендикулярно къ первой, по межѣ, тоже для утилизаціи ограды. Эти постройки да еще сажъ на помостѣ съ корытомъ, закрытымъ крышкой (лядой), составляютъ небольшой скотный дворъ, отдѣленный отъ главнаго плетнемъ, и называющійся поэтому загородой. У мелкихъ хозяевъ такого особаго скотнаго двора нѣтъ и повитки выходятъ на «дворьице, двиръ», по срединѣ котораго роется колодязь. Старинные журавли, состоявшіе изъ сохи (звида) и жерди, съ одного конца которой привѣшено ведро (цеберъ) для воды, а съ другой тяжелая деревянная привѣска (собака), встрѣчаются теперь преимущественно при колодцахъ степныхъ хуторовъ и только изрѣдка въ селахъ, какъ остатокъ старины. На дворѣ, большею частью противъ хаты, строютъ рубленную квадратную коморю съ 3—4 засѣками или закромами для хлѣба, такимъ же способомъ какъ рубленную избу (на дубовыхъ, иногда діабазовыхъ торчахъ, на подвалинахъ, со стѣнами, срубленными въ замки). Прежде коморю дѣлали даже

---

[1]) Тр. Экспед. VII., ч. III., 393.

въ одной связи съ хатою и подъ одной кровлей; теперь же большая часть хозяйствъ обходится совсѣмъ безъ комори; но и самое бѣдное хозяйство не можетъ обойтись безъ клуни, возвышающейся обыкновенно поодаль отъ хаты за гумномъ (токомъ). Клуню дѣлаютъ больше круглой формы, чѣмъ четыреугольной. Въ основаніе ея ставятъ 4—8 дубовыхъ сохъ, толщиной 7—8 четвертей. На нихъ лежатъ по двѣ, срубленныя въ замки, балки, образующія стилець, снизу подкрѣпляемый жердями въ косомъ направленіи (пидстрилынами), а сверху двумя перекрещивающимися по срединѣ сволоками (трямами). Части крыши, значительно возвышенной, также устроены, какъ въ хатѣ и носятъ тѣже техническія названія [1]). Обращаясь къ послѣдней [2]) слѣдуетъ прежде всего

---

[1]) Вмѣсто стропилъ только «припусныци». Погреба устраиваются тѣми же способами, которые описаны у Чубинскаго. Ibid. 397, 398.

[2]) Малорусскія техническія названія строительнаго матерьяла, предметовъ, относящихся къ хатѣ и самой почвы подъ нею, во многомъ схожи съ нѣмецкими, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, какъ видно изъ приводимыхъ ниже филологическихъ указаній, могли зайти на Украйну помимо нѣмцевъ. Однозначущи на обоихъ языкахъ слѣдующія слова: балка—Balken, бантына—Band, глей (глинистый илъ)—Klei; горбдъ (огородъ)—латинское hortus, славянское градъ, древне-нѣмецкое Gart, Garten, датское Gaard—всѣ съ первоначальнымъ значеніемъ забора, изгороди (Ю. Липпертъ. Истор. культ. 212); двери, двиръ—Thür, англ. door; дерево—санскритское dru, darû, греческое drys, ирландское darach, уэльское derw, англійское tree, готское triu (М. Мюллеръ. Наука о языкѣ. 210); дилъ (полъ) Diele—половица, доска; дома, димъ—латинское domus, греческое dómos (demein—строить), древнеиндійское dhumas, англійское dome; коморя,—итальянское camera, нѣмецкое Kammer; коробка (у крыши)—Korb; крейда (мѣлъ для бѣленія избы)—Kreide, лата—Latte (англійское lath)—планка, latten—рѣшетить: ляда—Laden, ставень; лёхъ (погребъ) Loch—дыра, яма, нора; тынъ—нѣмецкое Zaûn, англійское town (городъ),—первоначальное значеніе ограда (Ю. Липпертъ. 212); слово это встрѣчается и въ былинахъ (Шамбинаго. Древнерус. жилище въ Юбил. Сбор. въ честь В. Миллера, 130—131); отсюда возможно, что названіе древнѣйшаго мѣстнаго поселенія Снѣтинъ происходитъ отъ древнеславянскихъ снятись—собираться и тынъ—ограда, и изначаетъ: огражденное мѣсто собраній.

замѣтить, что не всякое дерево признается народомъ годнымъ для постройки, исключается, напримѣръ всё дерево, кромѣ глухого дуба (не роняющаго листьевъ), срубленное на третьей лунной четверти, потому что такое дерево источитъ шашель и постройка завалится. Въ хату нельзя еще класть осокоря [1]): «на ёму Спаса роспыналы»—объясняютъ старухи. Теперь принято строить избы болѣе квадратной, чѣмъ удлиненной формы, и большихъ размѣровъ (13—18 аршинъ длины и 7—9 ширины), чѣмъ прежнія, и ставить ихъ всегда внутри двора, ближе къ улицѣ, бокомъ жилой комнаты (причилкомъ) на югъ (на пивдня) для того, чтобы солнце свѣтило весь день въ каждое изъ оконъ поперемѣнно, «шобъ сонце обиходыло кругомъ виконъ». Ни рубленыхъ избъ, ни земляпокъ уже въ Лубенскомъ уѣздѣ почти не строютъ, такъ что образчикомъ мѣстной избы слѣдуетъ признать мазанку. Она основывается на нѣсколькихъ дубовыхъ сохахъ, четвертей 6—7 по угламъ, закапываемыхъ въ землю на глубину аршина съ четвертью или на полтора. Въ сохи врубливаются жерди (латы); къ нимъ привязывается очеретъ соломой или лозой, вѣтками вишенъ или глода (crathaegus monogyna. Jaeg). По очерету избу мажутъ (шпарують) до году только «рудою» глиной, замазывая трещины и выравнивая стѣны, а по прошествіи года «билують» [2]) особаго рода бѣловатой глиной [3]). Хозяйка и ея дочки исправляютъ стѣны избы послѣ каждаго ливня и кромѣ того

Затѣмъ самое слово хата встрѣчается во многихъ языкахъ: бактрійскомъ—kata, санскритскомъ—kuta, cota, ирландскомъ—cotta, англійскомъ—cottage, французскомъ hutte. (Van den Gheyn, Essais de mutholog. et de philolog. comparée. 1885, 122).

[1]) Въ ботаническомъ словарѣ Роговича (зап. Юго-Зап. Отд. Геогр. общ. I, 132) онъ соединенъ въ одинъ видъ съ сребристымъ тополемъ (populus alba. L.), но въ народѣ отличается отъ послѣдняго (билои осыкы).

[2]) Тотъ же запретъ бѣлить до году хату у Гринченка. Изъ устъ народа. Черниговъ, 1900 г. 33.

[3]) Локальный тонъ стѣнъ можно, кажется, передать бѣлилами съ небольшой примѣсью охры и vert Paul Véronese.

бѣлять снаружи трижды въ теченіе года: къ свѣтлому празднику, троицѣ и покровѣ, когда избу обставляютъ на зиму отъ холода соломой. Наружныя (синешни) двери придѣлываются къ одвиркамъ, закапываемымъ въ землю, мельче сохъ, всего лишь на три четверти аршина. Синешни двери дѣлаются нѣкоторыми мастерами ниже хатнихъ: первыя 2 арш. 6 вершк., вторыя же на два вершка выше для того, чтобы въ первыя заходило меньше холоду, а во вторыя удобнѣе было бы входить съ соломой; ширина же дверей одинакова: 5 четвертей 2 вершка. Прибитая къ одвиркамъ сторона дверей называется «глухій кинець», противоположная, открывающаяся—«чуткый». Запираются онѣ деревянной заверткой или крючкомъ и кое гдѣ красятся охрой или какой нибудь темной краской. О дверяхъ есть, кажется, только такая примѣта: трескъ ихъ предвѣщаетъ выходъ хозяина на новоселье или смерть его. Окна, состоящія изъ рамы (рамця) и стеколъ (шибъ), вышиной въ 1 арш. 5 вершк. и шириной въ 14 вершк., прикрѣпляются къ луткамъ и подлокотнику, выступающему внутрь избы вершка на полтора. Иногда къ нимъ придѣланы ставни (виконныци), окрашенныя въ красный или зеленый цвѣта. Верхняя часть избы до крыши заключается въ «ощинѣ», т. е. въ 3—5 брусьяхъ, срубленныхъ въ замки. На 2—4 брусѣ укладывается сволокъ въ различныхъ направленіяхъ: до Лубенъ больше продольно, въ окрестностяхъ города и продольно и поперечно, а за Лубнами—только поперечно. Во всякомъ случаѣ вся тяжесть верхней части избы ложится на сволокъ, который поэтому долженъ быть цѣльнымъ и крѣпкимъ: дубовымъ, кленовымъ, липовымъ, и только при недостаткѣ лѣса вербовымъ или осиковымъ. Избѣгаютъ берестовыхъ и вязовыхъ сволоковъ, слишкомъ чуткихъ къ сырости. Для крѣпости сволокъ болѣе стесанной стороной кладется въ бокъ и, проходя подъ потолкомъ черезъ всю избу, часто опирается на столбъ. Его мажутъ дегтемъ «шобъ шашель не взявъ до вику», или красятъ въ красный, иногда темно-зеленый цвѣта и сбоку вырѣзываютъ крестъ и время постройки избы. Сверхъ сволока кладутъ маленькіе сволочки, скрѣпленные на краю балкой (закрылиной), препятствующей падать глинѣ

настланнаго потолка. Сверхъ сволока кладутъ шелевки (тертыци), а надъ ними очеретъ. Необходимо, чтобы сволочки съ шелевками перекрещивались, образуя квадраты (карты), какъ на шахматной доскѣ: «Тоди краса, якъ дамчаста стеля». Требованіе это тѣмъ умѣстнѣе, что, по мѣстному обычаю, входящій въ хату, особенно молодая во время domu deductio, долженъ смотрѣть вверхъ. «Якъ хто увійде у хату та гляне уверхъ на образы, на стелю, то то къ добру, а якъ унызъ—нехороше у хати буде». Крыша (покривля) [1]) состоитъ изъ стропилъ (кроквъ) по срединѣ, и нарижныкивъ» (по Чубинскому «нарижныць») [2]) на причилкахъ. Для того, чтобы кроквы не разошлись, ихъ связываютъ поперечными балками (бантинами). Къ кроквамъ прибиваются деревянными гвоздями (тиблями) жерди (латы), къ которымъ подвязываются кульки соломы (паркй), если крыша кроется колосками внизъ. Если кровля кроется корешками вверхъ, то кульки кладутся только по краямъ (на стриху) [3]). Кровля корешками вверхъ служитъ, говорятъ, до двадцати лѣтъ и новою горитъ на солнцѣ золотыми иглами. Кровля парками, требующая меньше соломы и труда, служитъ вдвое меньше. Со временемъ всякая крыша темнѣетъ и пріобрѣтаетъ необыкновенно теплый, коричневый тонъ, красноватый при извѣстномъ освѣщеніи, рядомъ съ зелеными пятнами наросшаго мха. Наружная дверь ведетъ въ темноватыя сѣни, гдѣ обыкновенно помѣщается часть одежды, упряжь, утварь, иногда «кишъ», плетеный ящикъ для хлѣба. Здѣсь же стоитъ легкая лѣстница (драбына), [4]) ведущая на чердакъ—горыще. Сюда же выходитъ просторный, четырехугольный выводъ (дымарь), прово-

---

[1]) Нѣмецкое (оттуда польское и правобережное Dach въ Лубенскомъ у. употребляютъ только въ сложной формѣ пидташье—навѣсъ на столбахъ подъ крышей.

[2]) Тр., VII, ч. III, 378.

[3]) На стриху гадаетъ такимъ образомъ молода: «на Меланкы у вечери, якъ щедрують, тричи смыка зъ стрихы солому. Якъ знайде зерно, то буде багата и щаслыва».

[4]) Продольныя жерди драбины называются штагами,—нѣмецкое Stag Stange—жердь, поперечныя—щаблями.

дящій дымъ изъ печки вверхъ черезъ трубу на крышѣ. Часть сѣней отдѣляется подъ холодный чуланъ (хижу, хижйну) для помѣщенія одежды и провизіи. Противъ сѣней устраивается другое, теплое отдѣленіе, «хатына»—убѣжище стариковъ отъ пыли, бабъ съ ихъ пряжей и отъ дѣтей. Большія избы заключаютъ въ себѣ еще особую парадную комнату (кимнату, свитлыцю). Въ жилой избѣ прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе своимъ разнообразнымъ значеніемъ порогъ. Между прочимъ на немъ обнаруживается разница классическаго и малорусскаго свадебныхъ обрядовъ, во многомъ столь сходныхъ: Какъ извѣстно римлянка или гречанка не смѣла коснутся порога во время deductio in domum [1]), паша же молодая наступаетъ на него, «шобъ було ій право». [2]) И впослѣдствіи, ставши матерью, женщина должна прясть, сидя на порогѣ, и бросать эту пряжу черезъ порогъ въ ночвы, чтобъ вылѣчить купаніемъ въ нихъ больное дитя [3]). Но въ обыкновенное время къ порогу пріурочено много различныхъ табу. Обыкновенно нельзя наступать на порогъ или стоять на немъ, особенно въ грозу [4]), нельзя также—какъ и у чеховъ [5])—встрѣчаться съ кѣмъ либо на порогѣ. Запрещается ѣсть на порогѣ, иначе «люды роты роззявлятымуть», и передавать или подавать что либо черезъ порогъ, [6]) особенно дѣтей,—даже ихъ пеленки. Исключеніе изъ этого правила опять допускается только въ пользу молодой: входя первый разъ въ домъ мужа, она прежде передаетъ иконы черезъ порогъ, потомъ идетъ сама. Нельзя переливать воду, помои послѣ бѣлья (змылкы) и всякія помои вообще черезъ порогъ и за порогомъ, «бо нападе куряча слипота». Стоящему у порога, не переходятъ дорогу съ золой или помоями: «бо въ ёго усе переведется на попилъ». Запрещается

---

[1]) Фюстель-Куланжъ. Древн. Общ. С.-Пет. 1867 г., 55, 57.

[2]) и [3]) Мои «Народ. обр. и пѣс. Луб. у.» 32 и 123.

[4]) Тоже запрещеніе встрѣчается у Гринченка. Изъ устъ нар. 26. См. также Чубинскій. Тр. I., в. I., 102.

[5]) C. Haberland. Ueber Gebrauche und Aberglaub. beim Essen. II., 159.

[6]) Чубинскій. Тр. I., 102.

месть избу отъ порога, «бо заметешъ у хату злыдни, а якъ одъ полу почынать и до порога,—то то вымитать злыдни изъ хаты» [1]). Притомъ если вымитать хату отъ порога, то не будутъ сваты ходить. Нельзя месть соръ (смиття) черезъ порогъ, особенно беременной, потому что у нея будутъ трудные роды, а у дитяти частыя рвоты и сухотка. Напротивъ смиття нужно собирать передъ порогомъ и выносить, не «пидрешиткомъ» только, потому что не будутъ телицы телиться. О порогъ нельзя ударять и рубить чтобы то ни было по слѣдующимъ причинамъ: 1) «одрубаешъ видьму», т. е, дашь ей возможность расхаживать по дому, 2) одибѣешъ поганку одъ порога на себе, кажуть бо, шо лыхорадкы у порози жывуть, якъ рубать, то воны воздвыгнутся и на людей переходять», 3) якъ рубать до порога, то жабы ходытымуть у хату, а воны дурно не ввійдуть ни за шо въ свити, а проты якого-небудь случаю: проты вмирущого». Въ послѣднемъ повѣрьи отражается обще-человѣческое предубѣжденіе по отношенію къ жабамъ, признававшимся, напримѣръ, въ средневѣковой Европѣ болѣе демонами, чѣмъ животными [2]).

Крайній уголъ отъ дверей (папичный) весь занятъ печью, иногда составляющей четвертую часть маленькой хатки. Печь складывается изъ сырца и состоитъ изъ слѣдующихъ частей: широкаго передняго навѣса—«ко́мина», соотвѣтствующаго переду или устью у великоруссовъ; припечка—выступа впереди топки съ боковымъ отверстіемъ въ стѣнѣ (верхомъ) для прохода дыма въ дымарь; изъ челюстей—навѣса надъ припечкомъ и свода за ними, верхняя часть котораго называется пиднебенье. Всё мѣсто печи за при-

---

[1]) Злыдни—маленькія, неотвязчивыя существа въ родѣ нѣмецкихъ кобольдовъ, живутъ подъ печью; служатъ источникомъ бѣдности. Отъ нихъ избавляются, затыкая ихъ въ рожокъ, бочку или колоду. О нихъ у Н. Ѳ. Сумцова. Культ. пережив. въ Кіев. Стар. 1889 г. XII, 299, еще въ Кіевск. Стар. 1885 г., X, 354; у Чубинскаго; Тр. I., 211 и II., 393—400 и у Манжуры, Сказки, 58, 59.

[2]) Arturo Graf. Il diavolo. Milano 1890. 61. По Чубинскому (I., 102) при рубкѣ къ порогу въ домъ будутъ бѣгать бѣшеныя собаки.

печкомъ, на которомъ горитъ огонь и стоятъ горшки, носитъ названіе черина. Выдающійся наружу край припечка называется привалкомъ, досточка подъ нимъ—сковородникомъ, а низъ печи—шидничьемъ. Особое отдѣленіе печи, согрѣвающее комнату, называютъ грубой, пространство за ней къ стѣнѣ-запичкомъ, а маленькія ниши—закапелками или пичурками. Наконецъ, широкое пространство поверхъ печи, на которомъ грѣется семья, лежатъ слабые и больные члены ея, сушится хлѣбъ, называется черипемъ. [1]) Печь украшаютъ клинчиками, кружками, крестиками и цвѣтами, нарисованными: синькой, жженой и обыкновенной охрами. Печь мажутъ одновременно съ хатой предъ свѣтлыми, праздниками, «къ верби, або въ чистый четверъ, якъ заведется погань у хати: тараканы [2]), блощыцы [3]), стоногы» [4]); затѣмъ передъ зелеными (клечальными) праздниками, «мижъ пречыстымы (15 августа—8 сентября), шобъ нечысти не було»; предъ поминальницами (въ октябрѣ), предъ пущаннямъ (14 ноября), предъ рождествомъ, кромѣ того передъ свадьбой и послѣ похоронъ. Смазывая печь наблюдаютъ слѣдующія правила: въ новой хатѣ оставляютъ до году часть печи небѣленною; по пятницамъ, также когда есть въ домѣ больные оспой или горячкой, не подмазываютъ печи (и не чистятъ трубу); не мажутъ комина и припечка, когда огонь горитъ въ печи изъ опасенія липиться зрѣнія; дѣвки никогда не должны мазать печь [5]): «доля буде цилый викъ печалыться»; не-

---

[1]) У Левченка (Нѣск. дан. о жилищѣ и пищѣ Южнорус. въ Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. II., 139) это мѣсто названо лежанкой.

[2]) Blatta germanica.

[3]) Acanthia lectularia.

[4]) Julus terrestris. Ихъ мало въ хатахъ. Отъ блохъ (pulex) смазываютъ чаще дилъ, разсыпая лепеху (acorus calamus. L), полынь (Artemisia Absinthium) и закапывая хрѣнъ въ полъ; отъ клоповъ освобождаются известью (вапною).

[5]) На огнѣ гадаютъ слѣдующимъ пріемомъ. Когда дѣвочка первый разъ спрядетъ немного пряжи, то послѣднюю, намотавъ на клубокъ, кидаютъ въ печь. «Якъ швыдко згорыть, то дивчына буде швыдко прясты».

заметаютъ припечка вѣникомъ, а крыломъ «а то соръ буде». Въ печи всегда должна быть горячая вода: Окрипъ треба держать у печи для того, шо идолъ зъ ангеломъ спорыть. «Я запалю! каже идолъ».—Я утушу окропомъ.

«Де воды возьмешъ?»—У моеи хазяйкы у печи йе.—Якъ окрипъ йе, то анголъ загляне у пичъ, промые очи, рукы помые и напьется зъ кухля». Печь нужно держать закрытою заслонкою «шобъ ворогы ротивъ не роззявлялы и шобъ домовыкы не лазылы»; а открывъ ее, и зажигая огонь, нужно перекрестить и сказать: «Господы благословы своимъ духомъ святимъ!»—что небходимо для предохраненія отъ домового, пребывающаго, большею частью, въ печи, хотя встрѣчающагося и въ другихъ мѣстахъ, какъ видно изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

Якъ жинка пидпалюе въ печи та не перехрестыть, такъ тоби смагне зъ печи, що й очи повыпикало бъ, якъ бы не берегтысь. Мовъ вымите печъ. Палажка колысь такъ злякалась: повна хата дыму,—въ печи хочъ бы искра! То домовыкъ, винъ у всякый осели есть. Якъ спать лягаты, такъ-же треба викна и двери хрестыть. (От. Е. Недилькиной с. Литвяковъ).

2.

Жинка росказувала: лежу я, укрылась. Дивка була на улыци. Увійшло шось у хату, жинка щыта, шо то дивка и каже: «и де ты такъ довго ходыла?» А воно неозывается. Маты зновъ пыта: «чы то ты, Степаныдо, чы ни? Воно мовчыть... колы сюрчыть у чавунъ. Вона догадалась, пытае: «чы ты на худо, чы на добро?» А воно съ хаты бижыть та: «ху!» Симья розійшлась, збидныла. (Отъ Еф. Купріевой, д. Шекъ).

3.

Жинка лягла спать, чоловикъ іи пишовъ зъ дому и дивчата пишлы и сынъ. Ій услухается, шо въ хатыни ягня ревнуло. Вона встала, подумала: «де те ягня взялось у насъ?» Колы се

иде шось съ хатыны у хату, лягло на неи тай душыть. Вона узяла, рукы зняла и взялась за ёго. Колы воно у шерсты. Вона пыта ёго: «объ чимъ ты мене душышъ? Чы на добро, чы на худо?» Воно каже: «ху!». И хто ёго зна де й дилось. Сынъ тій жинкы пишовъ у ссылку. (Отъ Ф. Матвіенковой, д. Шекъ). [1]).

4.

Жинка лягла спать у хати. Стоить передъ нею дидура така здорова и давыть за пальци. Жинка злякалась, крычыть: «ты проты добра мене давышъ?»—Худо. Пишовъ зъ хаты, такъ двери стукнулы, чуть досокъ не побывъ. Вона встала, помолылась Богу, накадыла ладаномъ. Черезъ недилю диты померлы: одного дня двохъ, а на другый день одно. Звистку домовыкъ прынисъ. (Отъ О. Вѣричъ, с. Ольшанки).

5.

Жинка у досвита стала до печи, колы лежыть котюра на вси кочергы. Такъ вона злякалась, кынула кочергы и втекла назадъ. Де винъ дився—незвисно. (Отъ А. Боярской, с. Литвяковъ).

6.

У сели нашому чимсь домовыкъ невблаготворенъ; неможна ночувать: цилисиньку ничь на хати мовъ возомъ йиздыть. Бувалы досвитки, такъ однаково. Хазяйка якъ сама останется, то бере дытё и иде до сусида. (Отъ нея же).

7.

Домовыкъ йе у кажній осели, у которій пидъ припечкомъ, у которій на хати. Одынъ чоловикъ чуе: стукотыть тай стукотыть на хати; пиду, думае, узнаю. Тилькы на драбыну ступывъ, воно

---

[1]) Вар. у П. Иванова, Народн. разск. о домов., лѣшихъ и т. д. Харьковъ 1893. 23.

ёму сыпнуло у вичи разъ и вдруге. А винъ протеръ очи и впять лизе, такъ воно ёго турнуло. Показалось чорне. Полылы водою—ожывъ. Винъ опять полизъ, ставъ пытать, а воно пхнуло у груды и сказало: «ты-жъ мене не узнавай, я домовыкъ. (Отъ П. Величкиной, с. Береcточи).

8.

У однимъ сели бувъ багатый чоловикъ. Винъ знався зъ домовыкомъ. А сынъ якъ оженывся, то сего ни чого не знавъ. Батько вмеръ и маты вмерла, а сынъ построивъ соби нову хату и перебрався проты празныка. Жинка слуха: тужыть у хати старій. Вона чоловикови и каже: «шо то въ насъ въ старій хати тужыть?» То воны засвитылы свичку и подывылыся въ хати—нема ничого, а выйшлы на двиръ—упять тужыть. Воны пишлы соби до церквы, прыйшлы зъ церквы, посидалы, пообидалы, потимъ пойихалы, у гости до тестя. Не дуже успилы одйихать, колы хата горыть нова. То воны биглы, шобъ хоть старои не дать загориться. Сталы добигать до двора—и стара занялась. И воны сталы плакать и жалиться людямъ: «чулы, шо тужыло въ хати». Потимъ люды сталы казать: «то твій батько знався изъ домовыкомъ, а якъ ты сёго не знавъ, то не вмивъ попросыть ёго. Тоби бъ було взять хлибъ и дрибокъ солы и попросыть у сю хату». (Отъ Е. Сизоненковой, м. Снѣтина).

Между печью и такъ называемымъ холоднымъ (напильнымъ) угломъ, вдоль стѣны кладутъ нѣсколько досокъ (пилъ), на высотѣ аршина съ четвертью отъ «дола» для ночлега семьи. Сверху прибиваютъ полку для женскихъ вещей: шитокъ, мычокъ, веретенъ, и вѣшаютъ жердь для одежды и пряжи (пивмиткивъ). Сюда же привѣшивается и колыбель. Въ холодномъ углу сбрасываютъ: верхнюю одежду, подушки и постель. Такимъ образомъ этотъ уголъ слѣдуетъ считать отдѣленіемъ по преимуществу семейнымъ. Слѣдующій уголъ (кутъ), расположенный межъ двумя окнами покутнимъ (застильнимъ) и боковымъ (надвирнимъ), называется покуттямъ. Онъ соотвѣтствуетъ красному или святому углу великоруссовъ. Покуття разубрано цвѣтными бумажками. На немъ

«божныкъ» (великорусская божница). Въ срединѣ его ставятся на особыхъ досточкахъ благословенныя иконы отца и матери, потомъ старшаго сына, далѣе къ сволоку—младшаго. Кромѣ того на божникѣ необходимо имѣть: «Матерь Божу праворушну, шо дитё держыть на правій руци, або троерушну, Козельску Божу Матирь, Св. Тройцу, неопалыму купыну (одъ пожару); ище иконы: Св. Мыколы (винъ велыку сылу мае), Грыгорія, велыкого побидоносця (винъ звиромъ завидуе), Пантелеймона (дитячого сцилыеля), Антонія и Ѳодосія (видъ йихъ пишлы манастыри—ще не було понятія, якъ ихъ строить), Парасковеи—одъ лыхорадкы и т. д. На покути же втыкаютъ вишневую вѣтку, срѣзанную на праздникъ св. Екатерины для гаданія о дѣвичьей судьбѣ[1]). По словамъ Г. Левченка[2]) въ Лубенскомъ у. покутя убираютъ бумажными цвѣтами; обыкновеніе это сохраняется и до сихъ поръ въ подгородныхъ селахъ по хатамъ, въ которыхъ есть дивчата. Эти бумажные цвѣты дѣлаютъ изъ зеленыхъ, голубыхъ, желтыхъ бумажекъ въ видѣ гвоздикъ, піоній или свадебнаго гильца. Кромѣ искусственныхъ, на покути есть и естественные засушенные цвѣты и растенія: барвинокъ (галицкое бервинокъ, pervinca), василькы (ocimum basilicum), гвоздики (tagetes erecta, L.), глодъ (crathaegus monogyna, «винъ пахне якъ воскъ, або медъ»), ласкавица (buplerum), мята (mentha piperita, L.), нагидки (calendula officinale), любыстокъ (итальянское libitico, levisticum officinalis, Koch.), троянды (rosa centifolia L.), черемха (prunus padus, L.), чорнобривци (tagetes patula, L.), шепшына (rosa canina, L.)[3]). За образа затыкаютъ еще вѣтки троицкихъ деревецъ (клечання) и замѣчаютъ: если онѣ почернѣютъ, то кто нибудь въ хатѣ скоро умреть. Возлѣ образовъ иногда ставятъ еще бутылки съ освященной водой, а за ними прячутъ деньги и документы. У по-

---

[1]) Мои «Рожд. Св. въ сѣв. части Луб. у. 19.

[2]) Записки Ю. Зап. Отд. Геогр. Общ. II. 140. также у М. Т. Симонова. Разсказы въ Кіев. Ст. 1899 г., VIII, прилож. 132.

[3]) Нѣкоторыя изъ этихъ растеній указаны и у Левченка (Записки. 140).

кутя стоитъ столъ, имѣющій, какъ у римлянъ и нѣмцевъ, [1]) священное значеніе: «стилъ на покути тежъ, шой престолъ». [2]) Онъ долженъ быть накрытымъ, и сверху долженъ лежать хлѣбъ. [3]) Часто столъ замѣненъ скрыней. [4]) Покутній уголъ вообще имѣетъ парадное, праздничное и священное значеніе. Здѣсь же сосредоточены, какъ у древняго очага, остатки культа предковъ. Въ народныхъ вѣрованіяхъ душа мертваго семьянина, оставивъ тѣло, пребываетъ отъ 3—40 дней на покути. На тризну по умершемъ

---

[1]) C. Haberland. Ueber Gebr. und Abergl. beim Essen. III. 264.

[2]) Чубинскій. Труды. I, 102.

[3]) Также у чеховъ. C. Haberland. Ueb. Gebr. 265.

[4]) Покойный Гатцукъ полагалъ (Основа 1862 г. V. Библіог. 65) что слово скрыня происходитъ отъ корня кры и незаимствованно малоруссами съ чужого языка, но оно звучитъ одинаково съ итальянскимъ scrigno, означающимъ сундучекъ, ящикъ для цѣнностей и, по всѣмъ вѣроятіямъ, латинскаго корня (scriniolum, польское scrynka, французское écrin). Скрыня сундукъ особой, традиціонной формы, въ $1^1/_2$ арш. длины, 1 арш. ширины и $1^1/_4$ высоты. Она дѣлается изъ вязоваго, грушового, липоваго или осиноваго дерева, иногда окрашивается въ красный, зеленый, коричневый и голубой цвѣта, всегда оковывается и всегда на колесцахъ, стоитъ 5—12 руб. Внутри ея придѣлываютъ маленькое, узкое отдѣленіе—прискрынокъ для помѣщенія мелочи и цѣнностей: наперстка, заполочи (красныхъ и чорныхъ нитокъ), голубца (голубыхъ), намиста, шолковаго платка, легкихъ платочковъ (хустокъ), восковыхъ свѣчей, денегъ и всякихъ документовъ: «купчихъ, минчихъ, духивныць, векселивъ», тщательно сохраняемыхъ обыкновенно крестьянами. Къ сожалѣнію, впрочемъ, акты XVII и XVIII вѣковъ, вслѣдствіе распространенія въ народѣ понятія о давности, теперь уничтожаются. Такимъ образомъ прискрынокъ дѣйствительно имѣетъ значеніе сокровищницы. Въ скрынѣ сохраняется еще бѣлье, полотно, запаски, легкая одежда. Ключь отъ скрыни хранится всегда у хозяйки, если же скрыня принадлежитъ дочери, то у послѣдней.—У стола и вдоль стѣнъ стоятъ еще скамьи (лавы) и скамейки (ослоны); «Скрыня, або лавы лущять на вмирущого.»

собираются предки и для нихъ на лавѣ простилается кожухъ.[1]) Раньше умершій семьянинъ ведетъ за собою всю семью. Уменьшенныя тѣни видны на покутней стѣнѣ такъ отчетливо, что можно признать каждаго: «По стану всякого можно пизнать. Воны мелькають пивыдко». Такимъ же образомъ появляются предки на святвечеръ къ кутѣ.[2]) Но для того, чтобы мертвецы и благодѣтельные духи пребывали невидимо въ домѣ, необходимо соблюденіе слѣдующихъ правилъ приличія: въ хатѣ не должно курить, свистать,[3]) особенно же «лыхословыть, черкать, казать чорныхъ сливъ» (т. е. не призывать чертей), какъ видно между прочимъ изъ слѣдующихъ разсказовъ.

1.

Жывъ соби дидъ та баба удвохъ, не було въ ихъ дитей. Порадылысь соби на клечальныхъ святкахъ: «знаешъ шо, старый? мы жывемо на билому свити, дитей у насъ не мае, нихто насъ непомынатыме, исправымо мы обидъ». Винъ говорыть: «можно. Учыны ты, бабо, дижу пшенычного та встанешъ завтра та напечешъ булокъ та перогивъ». Вона встала, зготовыла, а винъ прынисъ водкы и каже: «ну, стара, ты хлиба понакладай, а я пиду поклычу сусидъ. «Вона говорыть: «иды, иды, старый!» Накурыла вона хату, свичу засвитыла та полыхословыла на кота: «лыха годына тебе у хату унесла, зла лычыно!» А родытели, покійныки вже сыдилы,— а то зза стола! А хазяинъ зостривъ прохожого и просыть: «прошу покорно до мене въ хату».—Благодарю покорно.—Зайшовъ прохожый, сивъ и говорыть: «хорошо здѣлалы, такъ не хорошо зговорылы: хотилы своихъ родытеливъ помянуть, такъ на́що жъ вы полыхословылы?»—Я не лыхословыла.—«А на́що на кота полыхословыла? Теперъ хочъ вы склыкайте, хочъ не склыкайте, бо ваши родытели сыдилы за столомъ, а теперъ увійшлы. И я не хочу трапезувать: ся трапеза не благословенна». Выйшовъ, не знать дей дивсь. (Отъ Наталки Кедевой, С. Литвяковъ).

---

[1]) См. въ моихъ «Обряд. и Шѣсн. Луб. у. 166, 170.

[2]) Въ моихъ «Рожд. свят. 3.

[3]) Тоже запрещеніе у Гринченка «Изъ Устъ Нар.» 34.

2.

Ишовъ прохожающый, упросывся наничъ до людей; а ти люды справлялы обидъ по сыпови. И воны далы повечерять прохожающому, а наничъ людцивъ изобралы. Поночувалы воны надъ кануномъ. Пивни заспивалы, людци пишлы до-дому. А воны:— одна невистка дижу мисыть, друга борошно сіе, а третя кынулась ножа шукать, чыстыть картоплю. Не найде ножа. Началы спорыть одна на одну (а нижъ упавъ за лаву). И потимъ воны палыхословылы. Той старець уставъ, перехрестывсь и пишовъ изъ хаты. А роботныкъ надвóри спавъ и старець ему говорыть: «пиды скажы, шо нижъ за лавою, а ты якъ зберуть воны людей, стань на покути и дывыся: якъ будуть люды увиходыть у хату, и якъ будуть янголы на порози плакать, а той буде на покути реготить, и выходытымуть уси души и плакатымуть. Той роботныкъ усе бачывъ и росказавъ хазяину и хазяйци. (отъ П. Величкиной, с. Береcточи.)

—

Хотя ангелы, какъ видно изъ настоящаго разсказа, и пребываютъ временно въ разныхъ частяхъ хаты, всё же любимое ихъ мѣсто—покуття. «Ангелъ де гарно въ хати, благословенно,— на покути сыдыть, а де не гарно, де раздоръ, тамъ винъ на двори. Якъ покурыть ладономъ, то анголы радуються, объ углы бьются, зазырають.» Наконецъ на покути садятъ: новобрачныхъ, восходящихъ родственниковъ, кумовьевъ и почетныхъ гостей. Въ противоположность покутю, уголъ, находящійся у глухого конца дверей и самъ, поэтому, носящій названіе глухого (глухе покутя), имѣетъ только хозяйственное значеніе. Здѣсь помѣщается посуда на полкѣ (полыци), ложки и ножи на полочкѣ (мысныку). И по отношенію къ посудѣ хозяйки хранятъ примѣты и повѣрья и соблюдаютъ извѣстныя правила. Напримѣръ хозяйка не должна оставлять на ночь ложекъ въ горшкѣ или мыскѣ, какъ и у нѣмцевъ и чеховъ,[1]) но должна перемыть и вдѣть въ особыя отвер-

[1]) C. Haberland. Ueber Gebr. und Abergl. beim Essen., III, 267.

стія въ мысникъ, иначе «буде нечыстый перебирать и торохтить, и диты не спатымуть.» Перемывать ложки нужно осторожно: «не цокотить, а то люды будуть балакать, а ворогы веселытся», не ронять изъ рукъ: «якъ ложка пада зъ рукъ—на вмирущого».[1]) Впрочемъ, выпавшая утромъ изъ рукъ ложка предвѣщаетъ гостью, а ножъ—гостя. Ножи также необходимо прятать на ночъ и «не вкупи, а порознь, по одному; сатана пидносыть ихъ чоловику. Не можна ножа класты на викни—анголъ не сяде».[2]) Горшки нужно также перемыть на ночь и спрятать въ печь, а кружку (кухоль) перевернуть. Воду въ кадушкѣ слѣдуетъ накрыть, «шобъ сатана туды не наныкувавъ» или вбросить въ нее соломинки, соединенныя навкрестъ. Узенькое пространство между дверями и печью называется «у кочергахъ» или «кочерыжникомъ», потому что занято кочергами и лопатами. Послѣднія имѣютъ особое предохранительное значеніе: ихъ выбрасываютъ въ грозу и градъ на дворъ, какъ у нѣмцевъ настольникъ, а у сербовъ—ложку и миску.[3]) Кромѣ того зажигаютъ еще страстную свѣчу, крестятъ верхъ и порогъ. Затѣмъ, въ предупрежденіе всякихъ вообще несчастій, необходимо крестить окна и двери хаты трижды: утромъ, зажигая огонь и на ночь.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) У нѣмцевъ паденіе ложки предвѣщаетъ несчастье. H. 281, 360.

[2]) Тоже у нѣмцевъ. H. 274, 275.

[3]) Ibid. 264, 269.

ИСТОРІЯ КІЕВСКОЙ ВТОРОЙ ГИМНАЗІИ.

(Продолженіе [1]*).*

Отдѣлъ II.

Открытая въ составѣ четырехъ классовъ, Кіевская 2-я гимназія вскорѣ и даже раньше опредѣленнаго срока обратилась въ полную. Такъ, съ началомъ новаго учебнаго года ($183^{6}/_{7}$) въ ней былъ открытъ 5-й классъ. «Пріемъ учащихся былъ такъ значителенъ (116), что общее число учениковъ возросло до 364 и, вѣроятно, тогда же потребовалось-бы образованіе параллельныхъ отдѣленій, еслибъ не превидѣлось скорое открытіе Печерскаго дворянскаго училища. Училище это открыто было 20 ноября 1836 г. и 105 учениковъ изъ трехъ низшихъ классовъ 2-й гимназіи были переведены въ его классы». [2]) Открытіе однако Печерскаго училища не остановило прилива учащихся во 2-ю гимназію. Съ наступленіемъ слѣдующаго академическаго ($183^{7}/_{8}$) года въ нее вошло новыхъ 76 учениковъ. «Въ виду возрастающаго числа ихъ, необходимо было подумать прежде всего о другомъ помѣщеніи, такъ какъ домъ Гербеля, особенно съ открытіемъ всѣхъ классовъ, былъ-бы тѣсенъ. Еще въ началѣ этого года По-

---

[1]) См. Кіев. Стар. № 3.

[2]) Дѣло 1836 г. № 241 и Слѣпушк. стр. 7.

печителемъ Округа въ дополненіе къ ассигнованной штатной суммѣ было исходатайствовано 4 т. р. ас. на наемъ дома. Это дало возможность съ началомъ новаго учебнаго года перевесть гимназію въ болѣе просторное помѣщеніе на Крещатикъ въ домъ Кисилевскаго» (нынѣ Попова, на углу Анненковской и Крещатика). Потомъ необходимо было ходатайствовать о раздѣленіи нѣкоторыхъ классовъ на параллельныя отдѣленія, такъ какъ переполненность ихъ рѣшительно мѣшала правильному ходу ученія. «Вслѣдствіе сего 17 августа 1837 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о раздѣленіи первыхъ четырехъ классовъ 2-й гимназіи на два отдѣленія и объ опредѣленіи для того пяти добавочныхъ учителей на правахъ младшихъ съ жалованьемъ по 1200 р. асс. на счетъ доходовъ съ имѣній упраздненныхъ римско-католическихъ монастырей, и притомъ съ тѣмъ, чтобы постепенное открытіе параллельныхъ классовъ было предоставлено усмотрѣнію Попечителя Округа по мѣрѣ того, какъ классы будутъ заключать въ себѣ отъ 60 до 80 учениковъ. На наемъ дома для параллельныхъ отдѣленій ассигновано было 1000 р. [1]) Въ силу этого повелѣнія во 2-й гимназіи съ сентября 1837 г. были раздѣлены на два отдѣленія классы 3 й и 4-й; въ слѣдующемъ ($183^{8}/_{9}$) году параллельное отдѣленіе 3-го класса было закрыто, а вмѣсто него открытъ параллельный 2-й классъ. Вѣроятно, тогда же былъ-бы открытъ и 1-й параллельный классъ, еслибъ не наступило преобразованіе 1-й гимназіи въ шестиклассную. Тогда родители воспитанниковъ 2-й гимназіи (особенно 1-го кл.), видя возможность сократить пребываніе своихъ дѣтей въ гимназіи, стали одинъ за другимъ переводить ихъ изъ 2-й въ 1-ю и тѣмъ устранили необходимость создавать новый параллельный классъ. Въ томъ-же ($183^{7}/_{8}$) году прекратилось въ 1-й гимназіи преподаваніе греческаго языка, вслѣдствіе чего тѣ ея ученики 7-го класса, кои изучали греческій языкъ, были переведены во 2-ю гимназію и уже въ ней кончали курсъ ученія. [2]) Примѣръ 1-й гимназіи, вы-

[1]) Сбор. Пост. Т. II стр. 1018; Ж. М. Н. Пр. 1837 г.; Слѣпушк. стр. 24.

[2]) Такимъ образомъ 7-й классъ 2-й гимназіи былъ открытъ годомъ раньше.

пускавшей въ Университетъ безъ знанія греческаго языка, заразительно дѣйствовалъ на воспитанниковъ 2-й гимназій и ихъ родителей. Не медля, они стали являться съ просьбою объ освобожденіи ихъ дѣтей отъ изученія греческаго языка, мотивируя свое заявленіе во 1-хъ, трудностью предмета и во 2-хъ тѣмъ, что ихъ дѣти по окончаніи гимназическаго курса поступятъ на юридическій факультетъ, или въ военную службу и т. п. Попечитель и Министръ должны были уступить, и съ тѣхъ поръ принято было за правило освобождать учениковъ отъ изученія греческаго языка, если ихъ родители «письменно будутъ просить о томъ училищное начальство и заявятъ, что они отказываются отъ всѣхъ правъ и преимуществъ, какія предоставляются лицамъ, окончившимъ гимназію». Просьбы тѣхъ же родителей вызвали распоряженіе—выдавать аттестаты тѣмъ изъ учениковъ, кои на окончательномъ испытаніи, хотя и оказали въ греческомъ языкѣ слабые успѣхи, но за то по другимъ главнымъ предметамъ получили отмѣтку удовлетворительную. Такіе ученики теряли только право на чинъ XIV кл., хотя бы и удовлетворяли всѣмъ прочимъ условіямъ, поставленнымъ для его полученія. [1])

Постепенное въ теченіи трехъ лѣтъ увеличеніе числа учащихся во 2-й гимназіи и, при разбросанности города, трудность надзора за ними, привели къ опредѣленію 4-го надзирателя. Высочайшее, на этотъ счетъ, повелѣніе состоялось 15 февр. 1838 г. [2])

Значительные расходы по устройству новыхъ училищъ, падавшіе на государственное казначейство, заставили высшую администрацію озаботиться изобрѣтеніемъ такихъ источниковъ дохода, располагая которыми, гимназіи не обращались-бы къ рессурсамъ казны. Такой источникъ былъ открытъ въ установленіи платы за ученіе въ размѣрѣ 15 р. ас. въ годъ, которую съ 1 іюля 1838 г. обязанъ былъ вносить каждый воспитанникъ гимназіи, за исклю-

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1837 г. ч. 13; Дѣло 1837 г. № 5 и Слѣпушк. стр. 12.

[2]) Сбор. Пост. Т. II отд. 1 стр. 1036.

ченіемъ дѣтей служащихъ въ учебномъ вѣдомствѣ, воспитанниковъ Приказа общественнаго призрѣнія, сиротъ и дѣтей недостаточныхъ родителей, представившихъ свидѣтельство о бѣдности [1]) Благодаря введенію платы, средства 2-й гимназіи значительно усилились, но за то явилось неудобство особаго рода: приходилось иногда за невзносъ платы исключать учениковъ. Чтобы, по возможности избавиться отъ этой печальной необходимости, нужно было изобрѣсти какое-нибудь средство. И бывали случаи, когда 2-я гимназія въ лицѣ своихъ представителей являлась на помощь наиболѣе нуждающимся ученикамъ, жертвуя свои скудныя средства на уплату за отличнѣйшихъ изъ нихъ. Мало того: преподавателямъ 2-й гимназіи пришла въ голову благородная мысль изъ добровольныхъ взносовъ образовать фондъ для пособія нуждающимся ученикамъ. Хотя въ этомъ добромъ дѣлѣ принялъ участіе самъ Попечитель Округа, но ему не суждено было укрѣпиться на прочномъ основаніи: случились обстоятельства, прекратившія жизнь кассы съ самомъ ея зародышѣ. [2]) Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы 2-я гимназія не имѣла источника, изъ котораго могла-бы черпать на нужды бѣднѣйшихъ изъ своихъ учениковъ: ежегодно она получала изъ 1-й гимназіи часть процентовъ (146 р.) съ фундуша, завѣщаннаго въ пользу бѣдныхъ сиротъ, воспитывавшихся въ ней, Гириловичемъ.

Одновременно съ открытіемъ новыхъ классовъ приближался къ полному комплекту и положенный штатъ преподавателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ организована была и медицинская часть 2-й гимназіи. На основаніи составленной въ Округѣ инструкціи, положенъ былъ для разъѣздовъ врача особый сборъ съ учениковъ 2-й гимназіи (въ 5 р. ас.) «и первымъ врачомъ въ ней былъ Пассоверъ (съ 1837 по 1838 г.). Послѣ него были: Бржезинскій (1838—1843) и фонъ-деръ-Фуръ (1843—1845), котораго смѣнилъ докторъ И. Т. Щербина. Кромѣ того, при содѣйствіи врачебной

---

[1]) Сборн. Расп. Т. II стр. 273; дѣло 1838 г. № 10 и Слѣпушк. стр. 25.

[2]) Протоколъ засѣд. 1837 г.

управы, аптекари согласились отпускать ученикамъ 2-й гимназіи лѣкарства на 25% ниже обыкновенныхъ цѣнъ». [1]).

Такимъ образомъ мало по малу 2-я гимназія устроилась окончательно. Въ $183^{8}/_{9}$ учебномъ году «всѣ ея классы были открыты, всѣ мѣста преподавателей (и надзирателей) были замѣщены, учебный курсъ и внутренній порядокъ установленъ. Въ физическомъ кабинетѣ гимназіи, образовавшемся въ значительной степени изъ дубликатовъ, переданныхъ изъ 1-й гимназіи, было приборовъ 103. Библіотека еще не была вполнѣ устроена. Въ ней было только 48 томовъ періодическихъ изданій (Сынъ Отечества, Современникъ, С.-Петербургскія вѣдомости, Библіотека для чтенія, Московскій Наблюдатель». [2]) Болѣе основательному ея образованію было положено начало» въ 1840 году, когда послѣдовало разрѣшеніе выписать въ нее книгъ на относительно-значительную сумму (на библіотеку и физическій кабинетъ ассигновано было 511 р. 40 к.). [3]) Тогда библіотека 2-й гимназіи состояла уже изъ 450 названій въ 1095 томахъ.

«Празднуя на торжественномъ актѣ въ 1838 году первый выпускъ воспитанниковъ, директоръ читалъ записку о состояніи гимназіи и заключилъ ее слѣд. словами: 2-я Кіевская гимназія, будучи младшею по времени своего возрожденія, употребляетъ всѣ возможныя мѣры къ пріобрѣтенію того всеобщаго довѣрія и тѣхъ совершенствъ, какими пользуются равностепенныя съ нею учебныя заведенія и нѣтъ сомнѣнія, что... она современемъ возрастетъ, укрѣпится въ своихъ силахъ и станетъ въ ряду увѣнчанныхъ старшихъ сестеръ своихъ по праву собственнаго достоинства». [4])

Посмотримъ теперь, каковъ былъ тотъ педагогическій персоналъ, который, по словамъ директора, употреблялъ всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобъ 2-ю гимназію поставить на высокую сте-

---

[1]) Слѣпушк. стр. 23.

[2]) Проток. засѣд. 1836, 1837 гг.

[3]) Тамъ же за 1840 г.

[4]) Слѣпушк. стр. 27.

пень совершенства и поселить къ ней довѣріе правительства и общества.

Чувство правды заставляетъ сказать, что подборъ лицъ, въ зависимость отъ которыхъ ставилась судьба юной гимназіи, производился съ надлежащимъ вниманіемъ и осторожностью. Первому Попечителю Округа хотѣлось пріискать для нея такихъ дѣятелей, которые способны были-бы сразу поставить ее на подобающую высоту, и хотя не вполнѣ, но онъ достигъ своей цѣли. Такъ въ лицѣ перваго директора И. И. Милашевича 2-я гимназія пріобрѣла во всѣхъ отношеніяхъ вполнѣ достойнаго человѣка. Какъ воспитанникъ, славнаго нѣкогда Педагогическаго Института, Милашевичъ обладалъ обширными свѣдѣніями, широкимъ и разностороннимъ образованіемъ, что, какъ извѣстно, составляетъ весьма важную принадлежность хорошаго директора. Долголѣтній (въ теченіи 18 л.) и успѣшный опытъ преподавателя [1]) поднялъ его на пьедесталъ педагогическаго пониманія интересовъ учебнаго заведенія, а мягкость и доброта сердца ручались за благородное направленіе нравственности и благородный образъ мыслей ввѣреннаго его попеченію юношества. Къ сожалѣнію, у него не доставало твердой воли и того администраторскаго такта, который способенъ умѣрять порывы страстныхъ увлеченій и приводить къ одному знаменателю индивидуальныя особенности и стремленія. Недостатокъ этотъ былъ особенно ощутителенъ въ тѣ тяжелыя для 2-й гимназіи минуты, когда представилась, какъ увидимъ ниже, надобность бороться съ назрѣвшими неблагопріятными обстоятельствами. Да и ему самому довелось изъ-за этого перенести длинный рядъ служебныхъ непріятностей, завершившихся выходомъ его въ отставку. [2])

Инспекторъ А. К. Зейдлицъ былъ добрый старикъ, по воспоминаніямъ старожиловъ любившій дѣтей, какъ родной отецъ, но тяготившійся 2-ю гимназіею потому, что кажется, былъ перемѣщенъ изъ Чернигова противъ своего желанія: по крайней мѣрѣ,

---

[1]) Дѣло 1836 г. № 3.

[2]) Дѣло 1836 г. № 714; 1837 г. № 715; 1839 г. № 34 и 64.

вскорѣ онъ попросился обратно въ Черниговъ и когда получилъ отказъ, то вышелъ въ отставку, пробывъ во 2-й гимназіи всего полгода.

Законоучитель православнаго вѣроисповѣданія А. Я. Синицынъ былъ даровитый и знающій классическіе языки [1]) воспитанникъ Кіевской Духовной Академіи, способный отлично вести преподаваніе закона Божія, но, къ сожалѣнію, страдавшій тяжкимъ недугомъ, который мѣшалъ ему какъ слѣдуетъ относиться къ ученикамъ и преподаванію, за что однажды подвергся замѣчанію отъ Попечителя [2]). Вскорѣ онъ сошелъ въ могилу въ самомъ цвѣтущемъ возрастѣ: въ день кончины ему не было и 30 лѣтъ.

Законоучитель римско-католическаго вѣроисповѣданія ксендзъ І. В. Стейгвилло, кандидатъ богословія Виленской главной семинаріи, былъ, по слухамъ, учитель строгій, не только требовавшій отъ своихъ учениковъ знанія предмета, но и зорко слѣдившій за исполненіемъ ими религіозныхъ обязанностей [3]).

Преподаваніе русскаго языка и словесности было поручено двумъ преподавателямъ—В. А. Унтилову и З. Ф. Коробкину. О первомъ можно составить себѣ понятіе изъ того, что Харьковскій университетъ предложитъ ему, какъ даровитѣйшему изъ своихъ воспитанниковъ, поступить въ Профессорскій Институтъ, существовавшій при Дерптскомъ университетѣ, съ цѣлью подготовленія молодыхъ людей къ профессорскому званію. Правда, Унтиловъ не принялъ предложенія; но не потому, что не чувствовалъ себя способнымъ, а потому, что ему не дозволяли согласиться на предложеніе дѣла по имѣнію. Что касается Коробкина, то кто не знаетъ этого злополучнаго старика съ умнымъ выраженіемъ въ лицѣ, который, не взирая на умственное потрясеніе, нерѣдко блещетъ прекрасною французскою или нѣмецкою рѣчью и который въ самой брани, коею по временамъ разражается, проявляетъ недюжинный даръ слова? Изъ дѣлъ и изъ разсказовъ о немъ быв-

---

[1]) Дѣло 1863 г. № 134; 1838 г. № 47.

[2]) Дѣло 1842 г. №

[3]) Семидневныя донесенія.

шихъ его учениковъ видно, что въ свое время это была краса 2-й гимназіи. Къ сожалѣнію, неблагопріятно сложившіяся обстоятельства частной жизни вызвали въ немъ тотъ болѣзненный процессъ, на который мы смотримъ въ настоящее время.[1])

Первый учитель математики Н. М. Гренковъ принадлежитъ также къ числу выдающихся свидѣтелей первыхъ дней жизни Кіевской 2-й гимназіи. Подобно Милашевичу и Коробкину, образованіе свое онъ получилъ въ Педагогическомъ Институтѣ, изъ котораго вышелъ въ числѣ первыхъ. Несомнѣнно, въ тѣ времена не много было такихъ, свой предметъ знающихъ, учителей, какъ Гренковъ: не даромъ же университетъ св. Вдадиміра въ лицѣ проф. Дьяченка приглашалъ его на каѳедру математики.

Учитель греческаго языка П. Н. Іеропесъ, природный грекъ, получившій образованіе въ гимназіи высшихъ наукъ въ Смирнѣ, отличался примѣрнымъ усердіемъ при исполненіи своихъ обязанностей и строгостью по отношенію къ ученикамъ, но въ то-же время не умѣлъ поселить въ нихъ надлежащаго уваженія къ своей личности, какъ кажется, потому, что плохо изъяснялся порусски и тѣмъ невольно возбуждалъ въ нихъ несерьезное настроеніе духа.

Младшій учитель географіи, кромѣ этого предмета преподававшій и другіе, В. М. Лисовскій получилъ образованіе въ Кіевской Духовной Академіи. Это былъ одинъ изъ почтеннѣйшихъ тружениковъ стараго времени. Служебная карьера его началась съ копіиста. Переписывая бумаги, онъ находилъ, однако, время отрываться на часъ-другой отъ работы ради насущнаго хлѣба и посѣщать лекціи профессоровъ духовной Академіи. Такъ онъ провелъ нѣсколько лѣтъ. Окончивъ курсъ высшаго образованія, онъ долго еще скитался по разнымъ канцеляріямъ, пока, наконецъ, не получилъ мѣсто учителя гимназіи. И въ учительскомъ званіи онъ продолжалъ вести ту же трудовую жизнь, часто не получая за свои труды никакого вознагражденія. Такъ онъ безвозмездно преподавалъ чистописаніе въ 1-й гимназіи, потомъ во 2-й, да-

---

[1]) Писано въ 1885 г.

ромъ давалъ уроки у граф. Левашовой. Доброта его доходила до слабости, что, разумѣется, отражалось очень дурно на успѣхахъ его учениковъ въ тѣхъ предметахъ, которые онъ преподавалъ, за исключеніемъ, впрочемъ, чистописанія.

Учитель французскаго языка А. О. Козелли, служившій во 2-й гимназіи болѣе 12 лѣтъ, былъ плохой преподаватель французскаго языка, не умѣвшій изъясняться по-русски и наводившій на учениковъ страхъ суровымъ и черствымъ обхожденіемъ съ ними.

Учитель нѣмецкаго языка А. А. Шеневе, воспитанникъ Вѣнскаго Университета, оставилъ послѣ себѣ въ дѣлахъ 2-й гимназіи самую дурную аттестацію учителя и человѣка. Вотъ что въ секретномъ донесеніи Попечителю писалъ о немъ преемникъ Милашевича Богородскій: «весьма полезно было-бы поручить преподаваніе нѣмецкаго языка во всѣхъ классахъ Сигизмунду вмѣсто Шеневе, котораго и Ваше Сіятельство, согласно моимъ замѣчаніямъ и словеснымъ донесеніямъ, нашли совершенно неспособнымъ къ преподаванію нѣмецкаго языка въ гимназіи» [1]). Съ воспитанниками онъ обращался столь грубо, что Попечитель вынужденъ былъ объявить, что если онъ не перемѣнитъ манеры обращенія съ учащимися, то будетъ удаленъ отъ должности и подвергнутъ строгому взысканію. Просто-на-просто онъ во 1-хъ, ставилъ пристрастныя отмѣтки какъ за успѣхи, такъ и за поведеніе и билъ учениковъ по щекамъ [2]). Не высоки были и нравственныя качества этого человѣка. Никогда и ни на кого во 2-ю гимназію не поступало столько жалобъ и совершенно основательныхъ претензій, какъ на Шеневе: то онъ не возвращаетъ родителямъ вещей своего пансіонера, то онъ не платитъ долговъ, то строится безъ разрѣшенія полиціи, чинитъ побои, то наконецъ грабитъ [3]).

---

[1]) Секретн. дѣла за 1839 г. № 1.

[2]) Дѣло 1842 г.

[3]) Дѣло 1838 г. № 50; 1839 г. № 82; 1840 г. № 236; 1842 г. № 41.

Относительно учителя чистописанія и рисованія И. Я. Краснокутскаго нужно замѣтить, что дѣла архива 2-й гимназіи рисуютъ его личность въ весьма неблагопріятномъ для него свѣтѣ. Не лучше сталъ онъ и послѣ того, когда занялъ должность учителя. Грубость и безсердечіе были постоянными его спутниками на педагогическомъ поприщѣ, за что ученики неоднократно платили ему также грубостью и дерзостью [1]). Чтобы видѣть, что это былъ за человѣкъ, послушаемъ, что писалъ ему въ 1842 г. выведенный изъ терпѣнія инспекторъ: «я постоянно замѣчаю неточное исполненіе вами своей должности, неприличное ваше съ учениками обращеніе употребленіемъ разныхъ бранныхъ словъ, чрезъ что воспитанники теряютъ къ вамъ должное уваженіе, и напослѣдокъ замѣчено, что вы наказываете въ классѣ учениковъ линейкою по рукамъ, отчего воспитанники являются ко мнѣ съ опухшими отъ побоевъ вашихъ руками. Напоминанія, дѣлаемыя вамъ неоднократно директоромъ и мною, какъ замѣчено, не производятъ никакого впечатлѣнія, и ученики по вашему предмету не оказываютъ никакихъ успѣховъ» [2]). Единственный возможный изъ подобной аттестаціи выводъ—тотъ, что Краснокутскій былъ и дурной учитель, и дурной человѣкъ. Изъ списка пансіонеровъ, которыхъ онъ содержалъ, изъ той высокой платы, которую онъ бралъ за ихъ содержаніе [3]), видно, что служба была для него дѣломъ второстепеннымъ, на первомъ же планѣ стояла нажива.

О надзирателяхъ: О. Д. Урсо и А. М. Бондзкевичѣ знаемъ только то, что первый изъ нихъ окончилъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента Виленскій университетъ, а второй былъ отставной капитанъ и только на томъ основаніи, что ни въ отдѣльныхъ объ нихъ дѣлахъ, ни въ семидневныхъ донесеніяхъ инспектора,

---

[1]) Проток. засѣд.

[2]) Дѣло 1842 г. № 91.

[3]) Дѣло 1837—1839 г. № 717.

словомъ—нигдѣ нѣтъ ни жалобъ на нихъ, ни проявленія по отношенію къ нимъ ученической непочтительности, ни замѣчаній или выговоровъ начальства, на этомъ основаніи, повторяемъ, мы вправѣ заключать, что они были весьма хорошими надзирателями; жаль только, что не долго (напр. Бондзкевичъ — нѣсколько мѣсяцевъ) [1]).

Вотъ каковъ былъ первоначальный составъ педагогическаго персонала Кіевской 2-й гимназіи. Если характеристика, сдѣланная нами, не грѣшитъ, то такой составъ вполнѣ заслуживаетъ названіе весьма удовлетворительнаго. Впрочемъ въ такомъ видѣ онъ просуществовалъ не долго: не прошло и пяти лѣтъ, какъ изъ него не осталось почти никого. Такъ въ 1836 году вышли Гренковъ, Пиляцкевичъ, Зейдлицъ и Бондзкевичъ; въ 1837 г.—Унтиловъ, Коробкинъ (впрочемъ послѣ, на короткое время, онъ опять вошелъ), Іеропесъ; въ 1838 г.—Урсо и Пассоверъ; въ 1839 г.—Милашевичъ. Мѣста ихъ были заняты новыми людьми; кромѣ того новыми-же людьми нужно было замѣстить учительскія мѣста, открывавшіяся съ постепеннымъ преобразованіемъ 2-й гимназіи изъ четырехклассной въ семиклассную. Такія мѣста были: 1) старшаго учителя исторіи со статистикою, 2) математики съ физикою и 3) литинскаго языка; съ прибавкою же двухъ параллельныхъ отдѣленій понадобились и учителя этихъ отдѣленій. 6 января 1837 г. мѣсто старшаго учителя исторіи предоставлено было учителю 1-й гимназіи В. Г. Ордѣ, о которомъ трудно сказать что-нибудь опредѣленное, такъ какъ пребываніе его во 2-й гимназіи продолжалось только до 1 іюля 1838 г. Его смѣнилъ собою А. А. Потаповичъ, кандидатъ Университета св. Владиміра, выпущенный съ золотою медалью. Въ дѣлахъ мы нашли только одинъ, такъ сказать, штрихъ, который на нашъ

---

[1]) Объ учителѣ латинскаго языка И. Н. Пилянкевичѣ мы умалчиваемъ, потому что намъ не удалось собрать о немъ никакихъ извѣстій, да онъ всего только полгода и былъ во 2-й гимназіи.

взглядъ, рисуетъ его учительскій образъ съ весьма выгодной стороны: Потаповичъ не придерживался печатнаго руководства, а излагалъ свою науку по запискамъ, трудясь въ то же время надъ составленіемъ руководства [1]). Чтобы по достоинству оцѣнить этотъ фактъ, нужно знать, что учебникъ Кайданова, употреблявшійся въ тѣ времена, представлялъ изъ себя по содержанію нѣчто невозможное, а по цѣнѣ (6 р. 25 к.) просто недоступную книгу. Кромѣ исторіи, Потаповичъ обязанъ былъ преподавать еще статистику, а учебника между тѣмъ не существовало; приходилось самому составлять и учебникъ по статистикѣ. Потаповичъ сталъ трудиться и трудился такъ много, что заболѣлъ. Бывшіе его ученики, нынѣ сѣдиною убѣленные старцы, передавали намъ, что Потаповичъ былъ одинъ изъ талантливѣйшихъ преподавателей своего времени, съ основательнымъ знаніемъ своего предмета соединявшій рѣдкій даръ слова. Изъ архива-же мы узнали, что онъ былъ строгій и требовательный учитель, за что даже получалъ отъ директора замѣчанія; но ученики, кажется, любили его, чему доказательствомъ служатъ успѣхи ихъ въ исторіи. Ниже мы приведемъ цифры, а теперь скажемъ только, что ни одинъ предметъ не былъ поставленъ такъ блестяще, какъ исторія. Немаловажнымъ подтвержденіемъ служитъ также благодарность, объявленная ему Министромъ, присутствовавшимъ на его урокахъ. Преподавателемъ математики и физики назначенъ былъ 19-ти лѣтній юноша Я. А. Линовскій, даровитый ученый, показавшій на дѣлѣ свои ученыя силы: при выпускѣ изъ университета онъ былъ награжденъ за два сочиненія двумя медалями—серебряною и золотою и на 20-мъ году жизни удостоенъ былъ степени магистра зоологіи и ботаники [2]). Учителемъ 2-й гимназіи онъ былъ около полутора года (съ 1 марта 1837 по 14 авг. 1838 г.). Преемникомъ его со 2 декабря 1838 г. былъ извѣстный впослѣдствіи ученый и профессоръ ботаники въ университетѣ св. Влади-

---

[1]) См. годов. отч. за 1840 и 1841 гг.

[2]) Дѣло 1837 г. № 182.

міра, отличавшійся необыкновеннымъ добродушіемъ, А. С. Роговичъ. Третье вакантное мѣсто—мѣсто старшаго учителя латинскаго языка 28 янв. 1837 г. занялъ И. Д. Юскевичъ-Красковскій. Это—одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ преподавателей, которые остаются до конца жизни вѣрными своему учительскому призванію: во 2-й гимназіи онъ пробылъ до 9 февр. 1860 г., то есть—до полной выслуги лѣтъ. Въ воспитанникахъ своихъ онъ оставилъ по себѣ добрую память, какъ прекрасный учитель и гуманный педагогъ, умѣвшій возбуждать въ своихъ питомцахъ любовь къ одному изъ труднѣйшихъ предметовъ гимназическаго курса. И такъ мы видимъ, что вакантныя мѣста старшихъ учителей были заполнены вполнѣ достойными личностями, соперничавшими другъ съ другомъ, кто изъ нихъ лучше.

Что касается перемѣнъ въ первоначальномъ личномъ составѣ 2-й гимназіи, то онѣ выразились въ слѣд.: 1) по выходѣ Гренкова, учителемъ математики въ сентябрѣ 1836 г. назначенъ И. Е. Гаевскій. Есть сильный поводъ сомнѣваться въ томъ, чтобы Гаевскій былъ хорошій знатокъ своего предмета, прежде всего потому, что онъ не получилъ высшаго математическаго образованія, слѣд., подобно всякому ученику послѣдняго класса, могъ знать не болѣе того, что заключалъ въ себѣ учебникъ; во 2-хъ, на эти соображенія наводитъ отчетъ о ревизіи Инспектора казенныхъ училищъ [1]). 2) 9 сентября 1836 г. на мѣсто вышедшаго Пилянкевича поступилъ П. А. Крыловскій, магистръ Кіевской Духовной Академіи [2]), глубокій знатокъ классическихъ языковъ, отличный педагогъ и человѣкъ; но его пребываніе во 2-й гимназіи было непродолжительнымъ, равно какъ и его преемника, магистра Виленскаго университета К. С. Климовскаго [3]). Вакантное мѣсто занялъ тогда Г. П. Крыловскій, сынъ П. А., по образованію далеко уступавшій своему отцу: онъ—воспитанникъ Черниговской Духовной семинаріи, откуда легко догадаться, какимъ знаніемъ

---

[1]) Дѣло 1838 г. № 51.

[2]) Дѣло 1836 г. № 177.

[3]) См. прилож.

латыни онъ могъ обладать, да и по собраннымъ у его бывшихъ учениковъ болѣе поздняго времени (1845—1849 г.) справкамъ оказывается, что онъ былъ далеко незамѣчательный учитель. 3) За учителемъ греческаго языка Іеропесомъ, въ 1837 г. переведеннымъ на должность инспектора Житомирской гимназіи, одинъ за другимъ слѣдовали: Ф. Г. Іентзенъ, докторъ философіи Іенскаго университета, В. И. Гиршъ, кандидатъ университета св. Владимира, чрезъ $2^1/_2$ мѣсяца по вступленіи въ должность умершій отъ чахотки, Н. П. Шаверневскій, бывшій въ сферѣ преподаванія греческаго языка тѣмъ же, чѣмъ на каѳедрѣ латинскаго языка былъ Юскевичъ-Красковскій, и, наконецъ, въ теченіи полугодія, К. Ѳ. Страшкевичъ,—извѣстный въ Кіевѣ лингвистъ, въ особенности хорошо знавшій греческій языкъ и обладавшій удивительнымъ даромъ научать своихъ учениковъ, въ чемъ согласится съ нами всякій, кому приходилось начинать изученіе греческаго языка въ университетѣ св. Владиміра, въ которомъ онъ впослѣдствіи состоялъ адъюнктомъ (съ 16 декабря 1840 г.). 4) Учителемъ русскаго языка и словесности, послѣ выбывшаго Унтилова, назначенъ былъ Е. А. Арсеньевъ—воспитанникъ Педагогическаго института, а по выходѣ его въ 1838 г. Ѳ. В. Березницкій,—одинъ изъ немногихъ ветерановъ 2-й гимназіи (отъ 1839 по 1857 г.). Какъ воспитанникъ Педагогическвго института, Березницкій обладалъ, конечно, и основательными познаніями, а какъ учитель 2-й гимназіи онъ пріобрѣлъ вполнѣ заслуженную репутацію, которую онъ, однако, подъ конецъ своей педагогической дѣятельности омрачилъ болѣе усерднымъ, чѣмъ слѣдовало, поклоненіемъ богу винодѣлія. Доказательствомъ его недюжинныхъ способностей можетъ служить, между прочимъ, написанный имъ учебникъ ариѳметики и составленная, по порученію Попечителя, инструкція для преподаванія въ приходскихъ училищахъ русскаго языка и ариѳметики [1]).

---

[1]) Прекращеніе чтенія лекцій въ университетѣ св. Владиміра, по случаю временнаго закрытія его въ январѣ 1839 года, имѣло для 2-й гимназіи то послѣдствіе, что въ нее на нѣкоторое время вошли

Въ директорство Милашевича младшими учителями 2-й гимназіи, кромѣ извѣстныхъ уже намъ, были: 1) И. С. Семяновскій (1837—1860 г.), 2) П. Г. Карнаковскій (1838—1844 г.), 3) В. С. Мирецъ-Имшенецкій (1838—1840 г.), 4) М. И. Падренъ-де-Карне (1838—1845 г.), 5) Карлъ И. Фридманъ (1837—1839 г.), 6) А. С. Сигизмундъ (съ перерывами отъ 1837 по 1861 г.) и 7) Самойленковъ (имя отчество и время не извѣстно).

Вскорѣ перемѣнились и надзиратели. На мѣста прежнихъ трехъ поступили: К. И. Ленгерихъ, П. П. Рогге, знакомый намъ Краснокутскій и, на основаніи Высочайшаго повелѣнія о четвертомъ надзирателѣ, Р. Ф. Смигельскій. Не далѣе, какъ въ 1839 году выбыли всѣ до одного и эти надзиратели. Новые, смѣнившіе ихъ, за исключеніемъ одного, держались также не долго (Гавриловъ и Данилевскій поступили и вышли въ 1839 г., Наумовъ 1839—1840, Гиргасовъ 1839—1843 и Матковскій 1839—1842).

Останавливая свое вниманіе на частной характеристикѣ и обрисовывая, на сколько позволяли намъ средства, отдѣльные образы лицъ, входившихъ въ качествѣ руководителей юношества въ составъ 2-й гимназіи, мы имѣли въ виду показать, какому направленію суждено было сложиться во 2-й гимназіи въ утреннюю зарю ея жизни. Направленіе это не нуждается въ обильныхъ выраженіяхъ—полное единодушіе въ дѣйствіяхъ и сердечное отношеніе къ учащимся,—вотъ и все. Доказательствомъ перваго служатъ протоколы Совѣта, показывающіе, что засѣданія шли мирно, безъ малѣйшихъ пререканій съ чьей-бы то ни было стороны, а под-

---

въ качествѣ преподавателей слѣд. лица изъ университетской корпораціи: 1) профессоръ математики Тихомандрицкій, 2) профессоръ греческой словесности Нейкирхъ, 3) адъюнктъ римской словесности Деллень, которому поручено было преподавать во 2-й гимназіи нѣмецкій языкъ, и 4) лекторъ французскаго языка Плансонъ. Кромѣ того учителю рисованія Клембовскому вмѣнено было въ обязанность «имѣть постоянное наблюденіе за обученіемъ рисованія въ гимназіи». (Дѣло 1839 г. № 65 и семидн. донес.). Занятіе ихъ во 2-й гимназіи продолжалось до возобновленія лекцій въ Университетѣ.

твержденіе второго находимъ въ учрежденіи на собственныя средства кассы для вспомоществованія бѣднѣйшимъ ученикамъ и въ неоднократной уплатѣ за ихъ ученіе изъ собственнаго кармана. [1]) Но, къ сожалѣнію, согласіе и доброе настроеніе было потрясено назначеніемъ на открывшуюся послѣ Зейдлица вакансію инспектора Е. Я. Зимовскаго. Въ смыслѣ канцелярскаго чиновника это было безспорно человѣкъ дѣловой и усердный, но эта дѣятельность, это усердіе были чисто эгоистическаго свойства: все было разсчитано на карьеру. Ради карьеры онъ не останавливался ни передъ какими препятствіями и готовъ былъ ломать все, что стояло поперекъ его дороги. Самое назначеніе его на должность инспектора мотивировано ничѣмъ инымъ, какъ карьерою. Рекомендуя его министру на должность инспектора, фонъ-Брадке пишетъ: «Зимовской въ поданномъ ко мнѣ прошеніи изъяснилъ, что онъ желаетъ воспользоваться предоставленными званію инспектора преимуществами (т. е. правомъ по выслугѣ въ этомъ званіи четырехъ лѣтъ на чинъ VIII кл., съ которымъ соединено было тогда возведеніе въ потомственное дворянство, съ зачетомъ сихъ четырехъ лѣтъ въ старшинство на чинъ), а потому я входилъ къ Министру съ представленіемъ объ опредѣленіи его инспекторомъ 2-й гимназіи» [2]) и проч. И вышло, что вопреки Высочайше утвержденному Уставу, старшій письмоводитель канцеляріи Попечителя, не имѣвшій ни по образованію, ни по занятію ничего общаго съ педагогикою, чиновникъ и интриганъ, становится помощникомъ директора въ дѣлѣ образованія и воспитанія юношества только потому, что ему хочется воспользоваться правами по должности. Нѣтъ ничего удивительнаго, если этотъ человѣкъ въ мирную гимназическую семью тотчасъ-же внесъ разладъ. Опираясь на полное довѣріе къ себѣ Попечителя, онъ началъ съ того, что сталъ вредить во мнѣніи Попечителя директору, въ которомъ не трудно

---

[1]) Проток. засѣд. 1838 и 1840 г. Даже бланки для вѣдомостей учителя согласились печатать на свой счетъ, щадя скудныя въ началѣ средства гимназіи. Проток. засѣд. 1837 г.

[2]) Дѣло 1836 г. № 175.

было сразу подмѣтить недостатокъ чиновничьяго такта, и сталъ такимъ образомъ въ натянутыя отношенія прежде всего къ главѣ заведенія. Первое столкновеніе между нимъ и директоромъ произошло, если не ошибаемся, по поводу аптекаря Венцеля, которому Милашевичъ запретилъ содержать учениковъ, потому что на его квартирѣ происходили разные безпорядки. [1]) Зная, что фонъ-Брадке имѣлъ слабость оказывать поддержку своимъ соплеменникамъ, Зимовской принялъ сторону аптекаря и представилъ дѣло въ такомъ видѣ, что Милашевичъ оказался виноватымъ, получилъ выговоръ и долженъ былъ, по волѣ Попечителя, отмѣнить свое прежнее распоряженіе. Съ тѣхъ поръ между ними происходили постоянныя пререканія: директоръ сталъ внимательно слѣдить за служебною дѣятельностью инспектора и, въ случаѣ неисправности, дѣлалъ ему формальныя замѣчанія; [2]) съ своей стороны инспекторъ о каждомъ промахѣ директора доводилъ до свѣдѣнія Попечителя. Попечитель обыкновенно принималъ сторону Зимовского и выставлялъ директору на видъ неправильный образъ его дѣйствій. Зимовскому удалось наконецъ настроить Попечителя такъ, что за все, что ни случилось-бы, вина падала на Милашевича; распоряженія его обыкновенно отмѣнялись и такимъ образомъ дѣятельность его постоянно попадала въ тиски. Такъ случилось, между прочимъ, по поводу надзирателя Ленгериха. Надзиратель этотъ часто являлся въ гимназію въ петрезвомъ видѣ и одинъ разъ до того напился, что не могъ держаться на ногахъ и чуть не побилъ стеколъ. Милашевичъ вошелъ къ Попечителю съ представленіемъ объ увольненіи Ленгериха. Попечитель счелъ нужнымъ освѣдомиться о Ленгерихѣ у инспектора; инспекторъ, разумѣется, далъ о поведеніи Ленгериха одобрительный отзывъ. Попечитель вѣрилъ инспектору и потому сдѣлалъ директору замѣчаніе, что онъ «оставляя безъ увѣщанія и взысканія проступки подвѣдомаго ему лица, подвергаетъ его дурной аттестаціи»; по отношеніи жъ къ Ленгериху ограничился строгимъ выговоромъ [3]).

---

[1]) Дѣло 1837 г. № 715.

[2]) Дѣло 1837—1839 г. № 717; 1836 г. № 1.

[3]) Дѣло 1836 г. № 714.

Въ такія же натянутыя отношенія сталъ Зимовской и къ цѣлому Педагогическому Совѣту.

Высокомѣрный тонъ и заносчивая, неделикатная манера обращенія съ учителями поселяли въ нихъ враждебное къ нему настроеніе тѣмъ болѣе, что въ немъ «не безъ основанія видѣли человѣка, подавшаго Попечителю идею тѣхъ стѣснительныхъ для учителей правилъ», которыя приведены нами выше и тяжесть коихъ онъ давалъ имъ чувствовать. Первое крупное столкновеніе между нимъ и Совѣтомъ произошло въ ноябрѣ 1837 года по поводу добровольныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ учителями въ пользу недостаточныхъ учениковъ. Такъ какъ инспекторъ, принимавшій пожертвованія, не хотѣлъ давать отчета въ томъ, куда они расходовались, то учителя, подъ скромнымъ предлогомъ «разныхъ домашнихъ обстоятельствъ», отказались отъ дальнѣйшихъ взносовъ. Когда объ этомъ доведено было до свѣдѣнія Попечителя, то онъ, желая поддержать доброе дѣло, выступилъ съ предложеніемъ, въ которомъ выразилъ увѣренность, что учителя, «по нѣкоторымъ обстоятельствамъ прекратившіе таковое пожертвованіе, конечно, при перемѣнѣ таковыхъ обстоятельствъ, вновь приступятъ къ начатому ими полезному и благому обязательству», и что онъ самъ готовъ содѣйствовать въ этомъ добромъ предпріятіи и взносить ежегодно 50 р. асс. Когда въ засѣданіи Совѣта было прочитано это предложеніе, то учителя прежде всего потребовали отъ инспектора «подробнаго отчета, сколько всѣхъ денегъ взнесено и кѣмъ именно; сколько изъ нихъ и на что употреблено и затѣмъ, сколько остается въ наличности». Послѣ этого храненіе денегъ поручено было учителю Лисовскому и составлены были правила для храненія и раздачи жертвуемыхъ денегъ, при чемъ инспектору представлено было единственное право доставлять Совѣту списокъ бѣдныхъ учениковъ. Такимъ опредѣленіемъ Совѣта Зимовской обидѣлся вдвойнѣ: 1) какъ власть, у которой осмѣливаются требовать отчета, и 2) лишаютъ его права, по своему усмотрѣнію, выдавать ученикамъ пособіе и тѣмъ пріобрѣтать ихъ расположенность къ непосредственному даятелю благъ. Въ силу этихъ соображеній, онъ не согласился съ опре-

дѣленіемъ Совѣта и вошелъ съ особымъ мнѣніемъ. [1]) Было-ли принято во вниманіе его мнѣніе, или нѣтъ,—не знаемъ: только съ того времени рѣдкое засѣданіе Совѣта обходилось безъ «особаго мнѣнія». Особое мнѣніе обратилось у Зимовского въ правильную систему, посредствомъ которой онъ рѣшился постоянно тормозить дѣятельность Педагогическаго Совѣта. Такое напряженное состояніе обѣихъ сторонъ должно было, наконецъ, чѣмъ-нибудь разрѣшиться, и оно разрѣшилось двумя бурными сценами, послѣднимъ актомъ которыхъ былъ выходъ изъ 2-й гимназіи сперва Зимовского, а потомъ и Милашевича. Начало этой драмы таково: «въ ноябрѣ 1838 г., по предложенію Попечителя, въ Совѣтѣ обсуждался вопросъ о примѣнимости составленныхъ программъ испытанія и говорилось, между прочимъ, о принятіи мѣръ противъ малоуспѣшности учениковъ». Во время преній Зимовской, по обыкновенію, молчалъ; но когда пришлось подписывать протоколъ, онъ подлѣ своей фамиліи поставилъ неизмѣнное «особое мнѣніе». Въ мнѣніи этомъ «онъ коснулся нѣкоторыхъ вещей, о которыхъ въ протоколѣ не значилось. Такъ, по вопросу о малоуспѣшности, по коему вовсе не требовалось представлять Попечителю заключеніе, потому что онъ былъ возбужденъ иниціативой самóй гимназіи, онъ высказалъ, что мнѣніе одного учителя наказывать линейкою по рукамъ для отклоненія малоуспѣшности находитъ неприличнымъ и съ настоящимъ духомъ учебныхъ заведеній несообразнымъ, но въ то же время признаетъ необходимымъ усилить тѣлесныя наказанія въ классахъ, гдѣ это дозволено Уставомъ. Далѣе *по долгу службы* заявилъ, что малоуспѣшность по нѣмецкому языку происходитъ отъ метода преподавателя, который, кромѣ другихъ недостатковъ, будучи вялымъ и безъ всякой энергіи, лишаетъ даже лучшихъ учениковъ охоты заниматься симъ предметомъ и своею личностью вовсе не внушаетъ къ себѣ должнаго уваженія. Представленная фонъ-Брадке записка эта возъимѣла свое дѣйствіе. Хотя директоръ, представляя ее, и объяснилъ, что учитель, говорившій о линейкѣ, говорилъ только въ видѣ историческомъ (sic), а не

[1]) Проток. засѣд. отъ 22 ноября 1837 г.

съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы употреблять оную на самомъ опытѣ, хотя онъ и оправдывался, что тѣлесныя наказанія всегда употреблялись и употребляются въ надлежащей мѣрѣ, почему инспектору и не было повода доводить объ этомъ до свѣдѣнія Попечителя, и что отзывъ о преподавателѣ нѣмецкаго языка пристрастенъ, такъ какъ тотъ отличается усердіемъ и ревностью къ своимъ обязанностямъ, но это не поправило дѣла. Директору было сказано, что онъ долженъ былъ истребовать мнѣніе отъ Зимовского въ самомъ Совѣтѣ и притомъ объяснить ему, что онъ не долженъ былъ включать въ свое мнѣніе предметовъ посторонних, о которыхъ могъ войти съ особыми докладными записками. Эту неправильность дѣйствій велѣно было поставить ему на видъ, мнѣніе его вновь подвергнуть обсужденію Совѣта, а о преподавателѣ нѣмецкаго языка донести особо, предварительно разслѣдовавъ дѣло. Передавая Зимовскому замѣчаніе Попечителя, Милашевичъ усилилъ его выговоромъ съ своей стороны, подвергнувъ рѣзкому осужденію вообще образъ дѣйствій Зимовского. Тогда Зимовской черезъ директора вошелъ на имя Попечителя съ прошеніемъ, въ которомъ, оправдывая свои дѣйствія, жаловался на то, что за одну вину подвергнутъ двумъ взысканіямъ. Фонъ-Брадке нашелъ жалобу Зимовского справедливою и, поставивъ это на видъ Милашевичу, предписалъ ему измѣнить предложеніе, данное имъ инспектору, ограничившись только передачею замѣчанія Попечителя». [1]) Не успѣло потухнуть одно дѣло, какъ началось другое, не менѣе серьезное. 25 января 1839 г. въ Совѣтѣ подвергалось обсужденію предложеніе Попечителя относительно правилъ для учителей, надзирателей и учениковъ, которыя въ видѣ опыта введены были годъ тому назадъ и съ которыми мы имѣли случай ознакомиться въ предъидущей главѣ. «Правилами этими, какъ видно [1]), очень тяготились да притомъ и отношенія къ инспектору были слишкомъ ужъ натянуты. Это высказалось и въ заключеніяхъ Совѣта, направленныхъ большею частью къ ограниченію власти инспектора.

---

[1]) Проток. засѣд. отъ 10 сентября. 1839 г.

[2]) Прот. засѣд. отъ 10 Сентября 1839 г.

Такъ Совѣтъ особенно возсталъ противъ выбора старшихъ исключительно инспекторомъ, противъ изъятія ихъ отъ взысканія Совѣта, противъ исключительной аттестаціи учениковъ инспекторомъ и т. п. Во всѣхъ этихъ тогдашнихъ правахъ инспекторской власти онъ видѣлъ возможность злоупотребленій, развитія наушничества (которое, по свидѣтельству весьма почтенныхъ стариковъ, бывшихъ тогда учениками, практиковалось *in extenso* при посредствѣ учениковъ, коимъ товарищи ихъ давали прозвище «инспекторскихъ любимчиковъ»), неповиновенія и находилъ необходимымъ участіе Совѣта въ рѣшеніи дѣлъ этого рода. Высказался Совѣтъ также и противъ прихода въ гимназію за 10 минутъ до начала уроковъ и противъ возложенія на преподавателей, помимо преподаванія, и нѣкоторыхъ другихъ обязанностей. Зимовской вошелъ съ особымъ мнѣніемъ, въ которомъ, между прочимъ, употребилъ о преподавателяхъ выраженіе *нерадивые*» [1]). Когда въ засѣданіи Совѣта (отъ 4 февраля) было прочитано это мнѣніе, учителя пришли въ сильное негодованіе и, имѣя на своей сторонѣ директора, въ видѣ протеста постановили: «какъ же инспекторъ Зимовской упоминаетъ въ своемъ мнѣніи о нерадивыхъ учителяхъ, якобы находящихся во 2-й гимназіи, и не означаетъ, какихъ именно преподавателей и почему считаетъ нерадивыми; между тѣмъ извѣстно, что никто изъ преподавателей не получалъ отъ начальства не только выговора, но и замѣчаній по службѣ за нерадѣніе, то Совѣтъ 2-й Кіевской гимназіи, находя означенныя слова инспектора Зимовского недоказанными и обидными для всѣхъ преподавателей 2-й гимназіи, мнѣніемъ полагаетъ: жаловаться отъ лица всѣхъ преподавателей 2-й гимназіи Управляющему Округомъ» [2]). Получивъ протестъ, Попечитель Округа предписалъ инспектору казенныхъ училищъ Люце и знакомому намъ директору 1-й гимназіи Петрову произвести дознаніе по всѣмъ вопросамъ, составлявшимъ предметъ засѣданія Совѣта отъ 25 января, а пока шло дознаніе, онъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ Зимовского на

---

[1]) Слѣпушк. стр. 30—31.

[2]) Проток. засѣд. 1839 г.

мѣсто Іеропеса, состоявшаго тогда инспекторомъ въ Житомирѣ, а Іеропеса—на мѣсто Зимовского. Созвавъ Педагогическій Совѣтъ, слѣдователи «требовали у него объясненія по всѣмъ замѣчаніямъ, сдѣланнымъ имъ на правила въ томъ смыслѣ: были-ли эти замѣчанія дѣлаемы какъ возможность, или на основаніи бывшихъ случаевъ? Учителя давали письменныя показанія по всѣмъ пунктамъ и большею частью высказались, что они разумѣли возможность, но при дальнѣйшемъ разборѣ дѣла указали и на нѣкоторые случаи. Результатомъ этого всего была грозная бумага отъ Попечителя. Разобравъ подробно всѣ замѣчанія Совѣта, фонъ-Брадке заключилъ: находя способъ дѣйствованія преподавателей противнымъ всѣмъ правиламъ службы и обнаруживающимъ неправильный духъ заведенія, предлагаю: членамъ Совѣта—старшимъ учителямъ (поименно) сдѣлать выговоръ, инспектору замѣтить его неумѣстное выраженіе *нерадивыхъ* и предложить, чтобы ни въ какомъ случаѣ не занималъ учениковъ своими порученіями, а и того менѣе не поручалъ имъ записывать время прихода учителей на уроки, директору-же за слабое управленіе, которое, очевидно, составляетъ главную причину всѣхъ безпорядковъ, строгій выговоръ съ предупрежденіемъ, что если не приметъ дѣятельныхъ и благоразумныхъ мѣръ къ водворенію надлежащаго устройства, то будетъ подвергнутъ отвѣтственности по законамъ» [1]). Утомившись борьбою, Милашевичъ, по полученіи сего, тотчасъ вышелъ въ отставку. Такъ какъ раздоръ въ средѣ педагогической корпораціи не могъ ускользнуть отъ взора учениковъ, потому что изъ засѣданій Совѣта онъ переносился на ежедневныя взаимныя отношенія его членовъ, скрыть которыя отъ учениковъ невозможно, то понятно, какъ дурно должно было вліять это на ихъ нравственное настроеніе, да это и видно между прочимъ изъ слѣдующихъ словъ донесенія преемника Зимовскаго инспектора Іеропеса преемнику Милашевича С. О. Богородскому: «я почелъ нужнымъ укротить и унять въ ученикахъ смѣлый и даже дерзкій духъ, ибо тотчасъ замѣтилъ, что они отъ бывшаго несогласія между директо-

---

[1]) Прот. засѣд. 1839 г. и Слѣпушк. стр. 31—32.

ромъ и инспекторомъ были до того доведены, что нимало не почитали учителей и даже явно обнаруживали духъ неповиновапія. Сколько поэтому было неудовольствія, вы сами въ началѣ своего управленія были свидѣтелемъ» [1]). Въ своемъ мѣстѣ будутъ приведены факты, показывающіе, что въ донесеніи инспектора Іеропеса много правды, а теперь органичимся замѣчаніемъ, что своимъ поведеніемъ Зимовской дѣйствительно нарушалъ правильное теченіе жизни 2-й гимпазіи. Приходилось вести борьбу съ нимъ не на жизнь, а на смерть; но для такой борьбы требовался обильный запасъ энергіи, которою обладаютъ далеко не всѣ и поневолѣ должны уступать. Не этимъ-ли слѣдуетъ объяснить, что въ первые годы Кіевской 2-й гимназіи такъ часто мѣнялись въ ней и преподаватели, и надзиратели? Другой причины, лежащей внѣ Зимовского, мы не видимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Проток. засѣд. за 1836 г. и Слѣпушк. стр. 7.

Разграбленіе большого кургана „Огюзъ" близъ с. Нижнихъ-Сѣрогозъ, Мелитопольскаго уѣзда.

Въ первыхъ числахъ февраля 1902 г. я случайно зашелъ по дѣлу въ Мелитопольское уѣздное полицейское управленіе и увидѣлъ сваленную на полу присутственной комнаты кучу, изъ которой выдавались куски разбитыхъ большихъ амфоръ, ржавое желѣзо, солома и мелкіе предметы. Кучѣ этой сопутствовалъ слѣдующій рапортъ пристава 2 стана Мелитопольскаго уѣзда отъ 29 января с. г. на имя уѣзднаго исправника: «Крестьяне с. Нижнихъ-Сѣрогозъ, въ числѣ 33 человѣкъ, по своему почину, занялись раскопками кургана, что возлѣ с. Нижнихъ-Сѣрогозъ, подъ названіемъ «Агузки». Этотъ курганъ разрытъ былъ членомъ Археологической Комиссіи Веселовскимъ въ 1893 г., который и закончилъ свои раскопки. Въ настоящее же время вышесказанными крестьянами открытъ совершенно новый тупель и найдено во время раскопокъ *нѣсколько* предметовъ, которые отъ нихъ мною отобраны и представляются вашему высокоблагородію. При этомъ имѣю честь доложить, что мною дальнѣйшее разрытіе этой могилы было воспрещено еще 12 сего января, сейчасъ же, какъ было обнаружено, что производятся раскопки; за сохраненіемъ этого кургана учрежденъ надзоръ, сдѣланныя отверстія въ курганѣ зарыты и виновные въ числѣ 33 душъ привлечены къ законной отвѣтственности. Своевременно же не было донесено въ виду того,

что не былъ увѣренъ, всѣ ли отобраны найденныя вещи». Въ описи присланныхъ предметовъ, составленной тѣмъ же приставомъ, значится: 1) «Три металлическія полоски съ украшеніями; 2) двѣ металлическія чашечки; 3) восемь металлическихъ колецъ; 4) одинъ мѣдный кранъ съ изображеніемъ дракона; 5) одна металлическая пластинка и пуговичка; 6) металлическое кольцо въ формѣ урѣзаннаго конуса съ обѣихъ сторонъ; 7) металлическое кольцо съ тремя такими же накладками; 8) восемь кусковъ отъ глиняной посуды; 9) 15 желѣзныхъ кусковъ отъ разныхъ предметовъ и 10) восемь кусковъ мѣди». Какъ видитъ читатель, эти *нѣсколько* предметовъ составляли: 8 кусковъ глиняныхъ, 15 предметовъ желѣзныхъ, 8 мѣдныхъ и 18 (въ дѣйствительности 19) *металлическихъ*, и того ровно 50 предметовъ. Скромность сообщенія пристава окажется еще болѣе милой, если добавимъ, что всѣ 19 предметовъ, названныхъ въ его сообщеніи *металлическими*, оказались *золотыми* разной пробы.

Разобравшись въ предметахъ этой интересной находки, я нашелъ въ ней слѣдующее.

Изъ 19 золотыхъ предметовъ только пять имѣли блестящій, свѣтлый видъ безъ патины, а остальные покрыты были болѣе или менѣе темнымъ налетомъ, свидѣтельствовшимъ о томъ, что предметы эти при невысокой пробѣ лигатуры, подвергнуты были дѣйствію огня.—При содѣйствіи опытнаго мѣстнаго ювелира, опредѣлена была приблизительная проба лигатуры съ помощью азотной кислоты. Покупая постоянно ломъ золота, ювелиры привыкли опредѣлять довольно точно пробу наглядно, по реакціи на азотную кислоту. Такое *приблизительное* опредѣленіе пробы золота я и привожу ниже, не ручаясь за ея непреложность.

№№ 1 и 2.—Два круглыхъ золотыхъ украшенія для плоскаго ремня (вѣроятно для пояса) въ видѣ большихъ круглыхъ пуговицъ; наружная поверхность слегка выпукла и гладко полирована; края кругомъ загнуты внутрь; съ внутренней стороны припаяно бронзовое ушко для продѣванія плоскаго ремня; ушко сохранилось у одного кружка, а въ другомъ истлѣло и отбито; оба покрыты, преимущественно съ внутренней стороны, темной

потиной; свѣтлыя части имѣютъ видъ латуни. Кружокъ съ ушкомъ имѣетъ 5½ сант. въ діаметрѣ, 45,0 граммовъ вѣсъ, золото отъ 32 до 40 пробы. Кружокъ безъ ушка въ діаметрѣ 5¾ сантим. вѣсомъ 35,25 грам. той же пробы.

№№ 3, 4 и 5.—Три пластинки изъ листового золота, съ вырѣзными по одному краю украшеніями, крутомъ пробиты дырочки для гвоздей, которыми пластинки довольно густо были прибиты къ деревянному, очевидно, предмету, такъ какъ на одной изъ нихъ, съ внутренней стороны, прилипли остатки истлѣвшаго дерева. Предметъ, на которомъ были прибиты онѣ, не былъ плоскій,—такъ какъ на двухъ пластинкахъ одинъ конецъ расширенъ и выдѣланъ выпукло, какъ на головку. Можетъ быть, это обивка отъ сѣдла. Всѣ пластинки покрыты темной потиной. Въ нѣкоторыхъ дырочкахъ сохранились части гвоздей изъ неизвѣстнаго мнѣ сплава, дававшаго темносиную окись, а не красную, какую даетъ всегда желѣзо.—Одна пластинка цѣльная, 34 сантим. длины, вѣситъ 35,2 грам.; другая 28½ сант. длины и при ней отломанъ широкій конецъ (выпуклый) въ 6½ сант. длины, вѣситъ 43,0 грам., и третья цѣльная, безъ расширенія, съ загнутыми вверхъ концами, 22 сант. длины, вѣситъ 21,0 грам. Проба ихъ около 36.

№ 6.—Массивный золотой предметъ, съ рѣзнымъ орнаментомъ и выступающей звѣриной головкой съ раскрытой пастью. Въ описи пристава онъ названъ краномъ, потому что сквозь пасть, горло и туловище проходитъ каналъ. Нѣтъ никакихъ слѣдовъ прикрѣпленія его къ сосуду и вообще нѣтъ слѣдовъ ни тренія, ни изношенности. Поверхность чиста и свободна отъ налета. Вѣсъ 49,0 грам., проба около 40.

7. Массивное золотое круглое кольцо отъ застежки съ пуговкой, въ видѣ выступающаго гвоздя съ плоской шляпкой, и орнаментомъ въ видѣ трехъ, вмѣстѣ сложенныхъ, шариковъ по обѣимъ сторонамъ пуговки. Вѣсъ 11,0 грамм., проба 82, поверхность совершенно чистая, безъ слѣдовъ изношенности.

8. Втулка золотая, въ видѣ боченочка безъ донушекъ, гладкая, чистая; вышина 2 сант., діаметръ отверстій 1,3 сант., вѣсъ 14,0 грам., проба 92.

9. Восемь колечекъ, спаянныхъ изъ золотой пластинки шириною 0,6 сант., съ продольными по краямъ и по серединѣ выпуклыми, выдавленными линіями, покрытые темной потиной; вѣсъ всѣхъ 5,9 грам., проба около 40.

10. Гладкая, круглая, выпуклая золотая пуговка съ маленькимъ ушкомъ; вѣсъ 0,2 грамма, проба 92.

11. Трехугольная, тонкая, золотая бляшка, съ точечнымъ выпуклымъ тисненымъ орнаментомъ, съ тремя по угламъ дырочками для нашивки на платье; длина каждой стороны треугольника 1,3 сантим., вѣсъ 0,3 грам., проба 60. Бляшка эта весьма характерна. Типъ этотъ, очевидно, былъ распространенъ у скифовъ; такія бляшки первоначально найдены были въ Керченскомъ (Кульобскомъ) курганѣ, затѣмъ въ большомъ Александропольскомъ курганѣ и въ Чертомлынскомъ [1]). Точно такія же бляшки, въ числѣ 42 шт., я видѣлъ въ музеѣ Краковской Академіи, добытыя при раскопкѣ большого Рыжановскаго кургана въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Кіевс. губ., только больше размѣромъ.

Итого всѣ 19 золотыхъ предметовъ, разной пробы, вѣсятъ 261,85 грамма, или 61 золотникъ и 36,67 доли.

Кромѣ того, оказались еще слѣдующіе предметы:

12. Конусикъ съ дырочкой изъ композиціи сѣраго цвѣта, 1,3 сант. въ діаметрѣ основанія.

13. Круглая верхушка горлышка маленького стеклянаго сосуда.

14. Горшечекъ, лѣпленый безъ гончарнаго круга; $9^1/_2$ сант. вышины и 12 сант. діаметр. отверстія; внѣшняя выпалка красная, въ разломѣ черная; кругомъ верхней части орнаментъ, сдѣланный нажимомъ крученой бичевки; разбитъ, но держится связанный.

15. Нѣсколько кусковъ отъ двухъ разбитыхъ большихъ амфоръ, общеизвѣстнаго типа, съ остроконечнымъ дномъ; ни на ручкахъ, ни на другихъ частяхъ клеймъ не найдено.

---

[1]) См. «*Воспорскео царство*» ч. Ш, табл. 39, фиг. 126; «*Древности Геродотовой Скифіи*» I, табл. 9, № 16; П, стр. 96 и 97.

16. Небольшой кусокъ слившихся желѣзныхъ колецъ кольчуги.

17. Четыре отломка желѣзнаго ножа съ обложенной костяными пластинками рукояткой.

18. Пятнадцать кусковъ отъ нѣсколькихъ желѣзныхъ большихъ удилъ.

19. Бронзовое колечко.

20. 5 кусковъ разбитаго толстаго бронзоваго сосуда, въ родѣ котелка.

21. 3 куска разбитаго толстаго желѣзнаго сосуда.

По этимъ бронзовымъ и желѣзнымъ отломкамъ нельзя заключить о видѣ этихъ сосудовъ, такъ какъ отломковъ мало; всѣ они имѣютъ выпуклую, сферическую форму. Толщина стѣнокъ значительная.

Вслѣдъ за доставленіемъ этой находки, въ симферопольской газетѣ «Салгиръ», въ № 27, отъ 1 февраля сего года, появилась слѣдующая замѣтка:

По поводу раскопокъ древней могилы. (Корреспондента «Салгира»). Сегодня мнѣ пришлось видѣть у крестьянъ Василія Чумака и Тимофея Мелешки съ товарищами добытыя ими изъ скиѳской могилы «Агузки» разныя древнія вещи: пластинку голубокъ, собачку изъ литого золота, пуговку съ двумя ушками съ изображеніемъ лица миѳологической богини, такую же съ двумя дырочками безъ ушекъ пластинку, кружокъ, величиной въ копѣйку, съ выпуклой пчелкой, пластинку величиною въ двѣ коп. съ изображеніемъ цвѣтка, двѣ пластинки угольниковъ величиною съ дюймъ, восемь трехугольныхъ пластинокъ въ родѣ наперстковъ для иголокъ, такую же квадратную, 36 витыхъ кусковъ трубочекъ отъ ожерелья, 141 золотыхъ пуговокъ съ ушками, 123 такихъ же, но золота на нихъ болѣе; четыре пластинки съ тремя дырочками, 67 колечекъ, костяную пуговку конусомъ, обложенную золотомъ, 18 кружковъ вродѣ бусъ, 15 обломковъ золота, кольцо съ уздечки на манеръ наперстка, но больше и толще.

Всѣ эти вещи *золотыя*; а затѣмъ изъ бронзы, мѣди и другихъ металловъ: 30 пластинокъ отъ сѣделъ, которыми были обиты

черепки, 43 кружка, схожихъ съ канфоркой съ самовара, но съ небольшими краями, съ ушками и безъ оныхъ; 2 литыя круглыя бляхи на цѣпочкахъ, толщиною въ пятакъ; 39 разныхъ мѣдныхъ украшеній вродѣ полумѣсяца и разныхъ другихъ формъ съ разными вырѣзками и рѣзьбой; 5 колокольчиковъ съ цѣпочками; 4 мѣдныхъ пластинки съ головою, похожею на летучую мышь; одна сковорода изъ красной мѣди въ діаметрѣ 5 дюймовъ; разбитый кружокъ съ головою орла, обложенный тонкимъ золотомъ; собачка изъ бѣлаго мягкаго металла, литая; головка сфинкса, кольцо изъ бѣлаго металла, 100 головокъ отъ гвоздей, не тронутыя ржавчиной. Всѣ эти находки крестьяне предполагаютъ сдать на почту для отсылки въ Археологическую коммисію въ Петербургъ. Нашли они всѣ эти вещи въ подземной галлереѣ, сдѣланной, вѣроятно, въ скорости послѣ того, какъ была насыпана могила скиѳами. Подземный ходъ этотъ профессоромъ Веселовскимъ, по разрытіи могилы, былъ изслѣдованъ на разстояніи 16 сажень, но теперь земля осѣла и крестьяне раскопали еще на девять сажень въ другую сторону и тутъ-то нашли эти вещи.

Н. Г—нъ.

Января 27 дня, 1902 г.

Въ виду этой корреспонденціи, приставу, по телеграфу предписано было разыскать указанные въ ней предметы, но въ отвѣтъ получился слѣдующій его рапортъ отъ 5 февраля: «... имѣю честь донести, что какъ только было обнаружено о производствѣ крестьянами Нижнихъ Сѣрогозъ раскопокъ кургана «Лгузки», немедленно же дальнѣйшая работа была мною прекращена, и что удалось отобрать изъ числа найденныхъ предметовъ, я представилъ вашему высокоблагородію. Что же касается остальныхъ предметовъ, поименованныхъ въ представляемомъ спискѣ и напечатанныхъ въ № 27 газеты «Сапиръ», то компанія крестьянъ, производившихъ раскопку во главѣ Василія Чумака, отъ меня утаила, несмотря на мои убѣжденія все найденное доставить мнѣ, и обратившись въ мое отсутствіе по стану къ мѣстному жителю Николаю Гордону для составленія всѣмъ предметамъ перечня, тайнымъ образомъ всѣ эти вещи отправили посылкой чрезъ П. Сѣрогозское

почтово-телеграфное отдѣленіе въ С.-Петербургѣ, въ Археологическую комиссію: такимъ образомъ, Гордонъ, какъ корреспондентъ газеты Салгиръ, воспользовался этимъ перечнемъ и сообщилъ въ названную газету.—При этомъ имѣю честь доложить, что при разспросахъ мною Чумака съ его компаніей, что именно ими руководило скрывать отъ меня найденные предметы, послѣдніе *объяснили: лѣтъ пять тому назадъ они нѣсколько разъ разрывали курганъ и всѣ найденные предметы отсылали въ Археологическую комиссію, откуда имъ высылалось горшее вознагражденіе*, и вотъ предполагая, что съ переходомъ вещей въ руки полиціи, таковыя не туда попадутъ, куда они лично посылали, рѣшили тайнымъ образомъ отъ всѣхъ сокрыть и по примѣру прежнихъ опытовъ, послать непосредственно въ Петербургъ, при чемъ изъ найденныхъ предметовъ у себя положительно ничего не оставили».

Къ этому рапорту приложена копія приведеннаго выше въ корреспонденціи списка вещей, отосланныхъ крестьянами въ Археологическую комиссію еще 27 января с. г.

Изъ этого списка видно, что всѣхъ металлическихъ предметовъ найдено 651, а вмѣстѣ съ отобранными приставомъ свыше 700.—Изъ сравненія этого списка съ отобранными приставомъ предметами я убѣжденъ, что показанные въ немъ тридцать пластинокъ и сорокъ три кружка тоже золотые и весьма тяжелые: они вполнѣ соотвѣтствуютъ указаннымъ подъ №№ 1—5 моего списка. Если же принять во вниманіе, что опредѣленіе золота въ предметахъ, покрытыхъ потиной или сдѣланныхъ изъ низкопробнаго древняго золота, смѣшаннаго почти исключительно съ серебромъ, представляется затруднительнымъ, то и многіе изъ остальныхъ предметовъ могутъ оказаться золотыми.—Серіозная цѣнность этой находки, по стоимости одного металла, не подлежитъ никакому сомнѣнію. О значеніи же ея для археологіи, при такомъ разнообразіи предметовъ и указаній на орнаментъ, не можетъ быть спора. Крестьяне сохранили и отослали только то, за что надѣются получить вознагражденіе, что сами считали цѣннымъ—золото и немного другихъ металлическихъ предметовъ. Желѣзо,

издѣлія изъ глины, остатки дерева, черепа и кости въ ихъ спискѣ отсутствуютъ совершенно, а все это тамъ непремѣнно должно было находиться.—О ходѣ раскопки, о расположеніи вещей, о похоронномъ обрядѣ и т. д. узнать уже нѣтъ возможности. Словомъ, этотъ одинъ изъ богатѣйшихъ памятниковъ для науки представляется разграбленнымъ.

Мнѣ лично ничего неизвѣстно о раскопкѣ г. Веселовскимъ этого кургана и о добытыхъ имъ результатахъ. Изъ собранныхъ мною въ Мелитополѣ вполнѣ достовѣрныхъ свѣдѣній оказывается слѣдующее.

Старая, большая солевозная чумацкая дорога, ведущая отъ Никопольской на Днѣпрѣ переправы (у Каменнаго Затона), на югъ къ Перекопу и Геническу, проходитъ въ одномъ мѣстѣ мимо длинной балки, называемой Сѣрогозской, получившей свое названіе отъ двухъ большихъ кургановъ, стоящихъ по двумъ ея сторонамъ. Одинъ изъ нихъ, сѣвернѣе, на поляхъ с. Ново-Александровки, по дорогѣ въ с. Верхніе Сѣрогозы, называется *Сыгыръ* (по татарски—корова), а другой южнѣе, между с.с. Верхними и Нижними Сѣрогозами, называется *Огюзъ* (по татарски—быкъ, волъ). Отъ этихъ двухъ названій *Сыгыръ* и *Огюзъ* и произошло названіе балки и селъ по ней *Сѣрогозы*. Курганъ *Сыгыръ* раскапывался по порученію Археологической комиссіи еще въ 1865 году Ив. Егор. *Забѣлинымъ* [1]), съ какими результатами, не знаю. Курганъ *Огюзъ* (или какъ его теперь зовутъ крестьяне, Огузъ, Агузъ и Агузка) подвергнутъ былъ изслѣдованію членомъ Археологической комиссіи Веселовскимъ въ 1892 и 1893 годахъ. Огромный этотъ памятникъ прорѣзанъ былъ траншеями, и на уровнѣ окружавшей степи, въ серединѣ его, обнаружена просторная камера, выстроенная изъ большихъ каменныхъ глыбъ, скрѣпленныхъ между собою большими металлическими скобами изъ какого-то сплава, который не могъ быть на мѣстѣ опредѣленъ.—Въ камерѣ былъ скелетъ, но другихъ предметовъ было

---

[1]) *Епископъ Гермогенъ*: Таврическая Епархія. Псковъ 1887 г. стр. 247.

мало, и г. Веселовскій или кто-то изъ его сотрудниковъ высказывали мнѣніе, что курганъ разграбленъ. Обнаружены были боковые ходы, но они, будучи признаны за воровскіе, не были изслѣдованы. На этомъ раскопка эта, стоившая, якобы, нѣсколько тысячъ, была и закончена. Затѣмъ въ 1895 году нѣкоторые изъ крестьянъ, участвовавшихъ въ работѣ при раскопкѣ, стали по собственной иниціативѣ искать клада, нашли какія то цѣнныя вещи, отправили ихъ въ Археологическую комиссію, которая и выслала имъ въ 1899 году черезъ мѣстную полицію 700 рублей вознагражденія.

Далѣе, лившіе въ декабрѣ 1901 года дожди размыли часть кургана у обнаженнаго якобы, воровского хода. Тѣ же крестьяне, пользуясь необыкновенно теплой погодой, принялись за работу, увѣнчавшуюся для нихъ, какъ видѣлъ читатель, полнымъ успѣхомъ.

Все, мною разсказанное, къ прискорбію, одна истина. Случай этотъ въ сотый разъ указываетъ на настоятельную необходимость принятія болѣе раціональныхъ мѣръ къ сохраненію для науки памятниковъ старины, чѣмъ тѣ, которыя предпринимались донынѣ. Раскопка кургана *Огюзъ*, предпринятся Археологической комиссіей, была, такъ сказать, офиціально закончена, памятникъ для науки использованъ. Оставшіяся развалины кургана перестали быть запретнымъ участкомъ, и владѣльцы ихъ—крестьяне не были стѣснены въ пользованіи занимаемою ими площадью. Такъ несомнѣнно смотрѣли на этотъ вопросъ и крестьяне и мѣстная власть, допустившая крестьянъ къ раскопкамъ въ 1895 году. Такъ, очевидно, смотрѣла на это дѣло и Археологическая комиссія, считавшая своимъ долгомъ уплатить за добытыя крестьянами вещи значительную сумму.—Какъ видно изъ приведеннаго выше рапорта пристава, уплата вознагражденія и побудила крестьянъ къ дальнѣйшимъ розыскамъ. Въ настоящее время полиція привлекла 33 человѣка крестьянъ за самовольную раскопку, но правильность такого обвиненія представляется весьма проблематической, такъ какъ научная раскопка кургана была уже закончена и новыя находки оказываются совершенно случайными, неожиданными.

Обязанность же предоставить случайную находку въ комиссію крестьянами исполнена.

Исторія нашихъ раскопокъ даетъ весьма солидный матеріалъ, указывающій на неполноту изслѣдованія большихъ кургановъ. Вспомнимъ знаменитую и дорого стоившую раскопку кургана Перепятыхи, произведенную особою комиссіею, при ближайшемъ участіи профессора Иванишева. Если мы, просматривая описаніе этой раскопки[1]) и тѣ скудные результаты ея, которые хранятся въ кабинетѣ древностей при Кіевскомъ университетѣ, возмущаемся порчей этого грандіознаго памятника, то, по крайней мѣрѣ, утѣшаемъ себя соображеніемъ, что вѣдь было сіе еще въ 1845 году, когда археологія пыталась ставить первые шаги и шла ощупью. Не съ такой уже легкой душой вы пройдете мимо раскопокъ другого большого кургана въ той же мѣстности—*Перепята*. Проф. Иванишевъ, описывая раскопку Перепятыхи, удостовѣрилъ, что нашелъ Перепята «*срытымъ уже до основанія*»[2]). Вскорѣ, однако, послѣ этого, въ томъ же кабинетѣ древностей появляется особая витрина, съ древностями, добытыми при раскопкѣ Перепята, насколько мнѣ извѣстно, произведенной при его же участіи. Витрину эту я осматривалъ еще лѣто 12 тому назадъ. Вѣроятно, она и до сихъ поръ на мѣстѣ. Чего только въ ней нѣтъ? Сопоставленіе хранящихся въ ней предметовъ производитъ впечатлѣніе кучи выросшихъ на вербѣ. Удивленіе мое впослѣдствіи разсѣялось, когда я узналъ, что Перепятъ вовсе не раскопанъ лопатой археолога, не тронутъ, и ждетъ еще изслѣдованія. Такимъ онъ былъ лѣтъ 10 тому назадъ и о раскопкѣ его въ новѣйшее время я не слышалъ. Знаменитую и извѣстную въ Украинѣ могилу «Сороку» портили, кто только хотѣлъ, и кладоискатели и археологи любители, таскали изъ нея многое, выдавая за козацкіе либо польскіе доспѣхи. А все же она ждетъ еще изслѣдователя и можетъ дать много цѣннаго для науки.

[1]) «Древности, изданныя Временною комиссіей для разбора древнихъ Актовъ» (на русскомъ и французскомъ языкахъ) Кіевъ, 1846 г.

[2]) Ibid стр.

Съ большимъ Рыжановскимъ (Звенигородскій уѣздъ) курганомъ случился казусъ, аналогичный раскопкамъ нашего кургана «Огюзъ».—Въ 1884 г., владѣлецъ Рыжановскаго имѣнія поручилъ раскопку этой могилы извѣстному нынѣ антропологу д-ру Ю. Гринцевичу, который, руководствуясь общепринятыми пріемами, прорѣзалъ ее крестообразно траншеями, въ которыхъ нашелъ нѣсколько отломковъ глиняной амфоры, желѣзное остріе копья, слѣды угля и немного костей животныхъ. Въ центрѣ кургана, на днѣ его, обнаружена куча желто-сѣрой глины, насыпанной на материковомъ нетронутомъ грунтѣ. Не найдя никакихъ признаковъ похоронной камеры и дорывшись до материка, отъ дальнѣйшей работы отказались и оставили могилу въ покоѣ въ теченіе трехъ лѣтъ. Отъ дождей въ одномъ мѣстѣ траншеи произошелъ провалъ и мѣстный крестьянинъ началъ тайкомъ извлекать изъ этого провала разныя вещи, между прочимъ амфору и золотыя украшенія. Владѣлецъ, узнавъ объ этомъ открытіи, выкупилъ добытыя вещи и пригласилъ для дальнѣйшихъ раскопокъ извѣстнаго геолога и археолога, покойнаго Готфрида Оссовскаго, который осенью 1887 г. изслѣдовалъ провалъ и открылъ подъ материкомъ катакомбу съ женскимъ костякомъ и массой предметовъ. Однихъ золотыхъ вещей найдено имъ было 446, вѣсомъ свыше 406 каратовъ. Изъ разсмотрѣнія плановъ и хода этой раскопки оказывается, что открытая катакомба находилась въ боковой части кургана и ходъ въ нее шелъ изгибомъ подъ землей. Катакомба съ ходомъ занимаетъ въ этомъ большомъ курганѣ небольшой уголокъ и провалъ, обнаружившій ее, произошелъ только потому, что траншея случайно прошла надъ катакомбой. Такъ какъ она занимаетъ незначительное мѣсто въ боковой части кургана, то вѣроятнѣе всего, подъ нимъ найдется не одна еще катакомба, какъ это можно предположить по расположенію катакомбъ въ Александропольскомъ и Чертомлыкскомъ курганахъ. Г. Оссовскій ограничился изслѣдованіемъ только этой одной, случайно открытой катакомбы, но не призналъ кургана раскопаннымъ, а напротивъ, заявилъ, что Рыжановскій курганъ подлежитъ еще тщательному изслѣдованію [1]).

[1]) Смотри описаніе раскопокъ Рыжановскаго кургана въ XII т. Zbioru Wiadomości do Antr. Kra. и въ особомъ изданіи «Wielki kurhan Ryżanowski». Краковъ 1888 г. (на польск. и франц. яз.).

Описанные казусы съ раскопками не единичны, случались они и съ другими, ихъ не искать стать. Практикуемые до сихъ поръ пріемы траншейныхъ раскопокъ большихъ кургановъ несостоятельны и въ этомъ слѣдуетъ давно сознаться и бросить ихъ. Раскопки колодцемъ давно уже признаны неправильными. Довольно взглянуть на всѣ изданные планы раскопокъ, чтобы убѣдиться, какъ много осталось послѣ нихъ неизслѣдованной курганной массы и почвы. Исковеркать траншеями курганъ, наткнуться случайно на одну какую-либо похоронную камеру или одинъ—два костяка развѣ можно серіозно признать это за научное изслѣдованіе курганнаго памятника, а не за порчу его?

Въ дневникахъ какъ любительскихъ, такъ и заправскихъ археологовъ, весьма часто читаешь пресловутую отмѣтку: *могила разграблена*. Есть скептики, которые находятъ, что всѣ почти курганы ограблены и съ этой предвзятой мыслью приступаютъ къ раскопкѣ. Добравшись въ какомъ либо пунктѣ до материка и найдя одинъ костякъ съ убогимъ скарбомъ, они, замѣтивъ какой нибудь засыпанный боковой ходъ, *убѣждаются*, что ихъ предвзятое предположеніе объ ограбленіи вѣрно, и успокаиваются на этомъ. Словъ нѣтъ, что грабители навѣщали курганы въ разное время и портятъ ихъ и теперь, но все-таки понятіе объ ограбленіи весьма относительно. Если археологи, производя правильныя раскопки, бросаютъ курганъ, полные разочарованія, а потомъ оказывается, что въ курганѣ осталось все, чего они искали, то почему думать, что воры, грабившіе тайкомъ и неумѣло успѣли больше археолога? Всѣ знаютъ, что для раскопки небольшого кургана, кромѣ знанія, требуется продолжительный трудъ и значительныя средства, чего затратить искатели кладовъ не въ состояніи. Это обстоятельство служитъ лучшей охраной большихъ кургановъ отъ разграбленія. Воры изроютъ съ разныхъ сторонъ курганную насыпь, могутъ случайно напасть на какой нибудь одинъ похоронный пунктъ, но ограбить курганъ совсѣмъ, лишить его научнаго значеніи, они не въ состояніи. Весьма часто, послѣ прочтенія въ дневникѣ отмѣтки о разграбленіи кургана, видишь на планѣ этой раскопки, что онъ плохо, далеко не полно изслѣ-

дованъ. И не знаешь тогда, вѣрить или не вѣритъ раскопкѣ: такъ и оставляешь и курганъ и археолога въ *сильномъ подозрѣніи*.

Мнѣ извѣстенъ и такой случай. Одинъ археологъ изслѣдовавъ крупный курганъ колодцемъ, дорылся до материка и, не найдя похоронной камеры, рѣшилъ, что это курганъ не могильный а сторожевой. Такъ какъ подобные случаи наблюдались и другими, то онъ и высказалъ положеніе, что курганы сторожевые ничего общаго съ могильными не имѣютъ, что происхожденіе ихъ слѣдуетъ отнести ко времени татарскихъ набѣговъ и т. п. Когда же, два года спустя, въ разрытомъ имъ курганѣ нашли въ трехъ мѣстахъ скифское погребеніе, онъ не хотѣлъ вѣрить, настойчиво утверждая что противъ него ведутъ недостойную интригу.

Многіе памятники древности отличаются тѣмъ, что они могутъ быть въ большей или меньшей степени сохранены на долгое время въ томъ видѣ, въ какомъ обнаружены изслѣдователемъ, и изученіе такихъ памятниковъ можетъ быть предпринимаемо въ разное время и разными лицами. Небольшой грѣхъ, если какой нибудь письменный памятникъ или памятникъ искусства будетъ плохо изученъ неумѣлымъ или небрежнымъ изслѣдователемъ. Его работу поправятъ другіе, болѣе опытные или знающіе. Не то съ могильными памятниками. Самый процессъ анатомированія кургана уничтожаетъ его въ конецъ. Провѣритъ археолога, дополнить его изслѣдованіе, опровергнуть ошибочныя его впечатлѣнія и заключенія, не представляется уже никакой возможности. Плохо произведенная раскопка, при которой изслѣдователь далъ волю фантазіи либо поспѣшнымъ заключеніямъ, вдвойнѣ опасна. Она не только безвозвратно уничтожаетъ памятникъ, но и вноситъ подчасъ цѣлый сумбуръ въ научный матеріалъ.

Большихъ кургановъ, этихъ драгоцѣннѣйшихъ для нашей археологіи памятниковъ, нетронутыхъ раскопками, уже осталось сравнительно немного. Дальнѣйшая ихъ порча поспѣшнымъ, неосновательнымъ изслѣдованіемъ просто преступна. Представляется поэтому настоятельная необходимость обезпечить для науки такое ихъ изслѣдованіе, которое бы стояло на высотѣ современныхъ знаній. Частичное ковыряніе курганныхъ насыпей должно быть воспрещено

безусловно. Послойная съемка всей курганной массы и тщательное изслѣдованіе всей подъ нимъ материковой площади должны быть поставлены непремѣннымъ и *обязательнымъ* условіемъ раскопки какъ малыхъ, такъ и большихъ кургановъ. Правда, такая раскопка большихъ кургановъ дорого обходится и требуетъ продолжительнаго времени. Что же дѣлать, если она представляется единственно раціональной, какъ указываетъ на это горькій опытъ. Кромѣ этого главнаго положенія, должны быть, по возможности нормированы и другія *обязательныя* условія, касающіяся дневника, плановъ, сохраненія предметовъ и т. п. Не менѣе важно принять мѣры къ сохраненію того, что еще осталось въ плохо разрытыхъ курганахъ. Какъ мы видѣли изъ раскопокъ Рыжановскаго и Сѣрогозскаго кургановъ, въ нихъ оказывались драгоцѣнные для науки уголки, обреченные на вандализмъ искателей кладовъ. Необходимо, поэтому, признать всѣ частично разрытые до сихъ поръ *большіе* курганы неприкосновенными до тщательно ихъ lege artis изслѣдованія[1]).

Ц. Г. Нейманъ.

---

[1]) Послѣ написанія этой замѣтки, получено мною свѣдѣніе о томъ, что Императорская Археологическая Комиссія приняла мѣры къ предупрежденію дальнѣйшаго разграбленія кургана Огюзъ. Для охраны его поставлена стража, а произведенное дознаніе направлено въ Комиссію. Прибывшему на мѣсто по порученію Комиссіи удалось пріобрѣсти отъ разныхъ лицъ еще много цѣнныхъ для науки вещей. По всей вѣроятности, курганъ будетъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Малороссійская легенда въ обработкѣ Н. И. Костомарова и гр. Л. Н. Толстого. Въ оглавленіи февральскаго номера журнала «Образованіе» на первомъ мѣстѣ значится «Сорокъ Лѣтъ. Разсказъ Л. Н. Толстого, стр. 1—43»; въ печатномъ текстѣ это произведеніе, за подписью того же автора, озаглавлено: «Сорокъ лѣтъ (малороссійская легенда)». На 1-й страницѣ редакція въ выноскѣ сообщаетъ, что «въ 1876 г. нашимъ извѣстнымъ историкомъ Н. И. Костомаровымъ была напечатана малороссійская легенда—«Сорокъ лѣтъ». Эта легенда обратила на себя вниманіе гр. Льва Николаевича Толстого, который, значительно сокративъ ее, написалъ къ ней другой конецъ (XIV главу)».

Полагаемъ, что редакція «Образованія» поступила бы правильнѣе, назвавши авторами произведенія и Костомарова и гр. Толстого, какъ въ оглавленіи, такъ и подъ текстомъ легенды. Такая двойная подпись болѣе соотвѣтствовала бы фактамъ: вѣдь перу Костомарова, даже послѣ значительныхъ сокращеній, сдѣланныхъ гр. Толстымъ, принадлежитъ 39 стр. (въ первоначальномъ изданіи 93 стр. in 8°), а послѣднему лишь 4 страницы (XIV глава). Легенда была написана Н. И. Костомаровымъ, какъ сообщаетъ онъ, въ ея первоначальномъ печатномъ текстѣ въ 1840 г. по-малорусски, переведена по-русски въ 1876 г., а напечатана въ 1881 г. (а не въ 1876 г., какъ ошибочно сообщаетъ «Образованіе») въ видѣ приложенія къ «Газетѣ Гатцука». Еслибъ редакція, печатая легенду, въ самомъ заглавіи указала бы, что въ сочиненіи послѣдней въ томъ видѣ, какъ она теперь напечатана, принимали участіе и Костомаровъ и Толстой, то это не только

соотвѣтствовало бы истинѣ, но было бы полезнѣе и для самой редакціи: не пришлось бы при такихъ условіяхъ гр. С. Л. Толстому, по порученію своего отца, напечатать въ «Русск. Вѣд.» слѣдующее заявленіе: «Въ объявленіяхъ о выходѣ февральской книжки «Образованія» сообщается, что въ этой книжкѣ будетъ помѣщенъ разсказъ Л. Н. Толстого «Сорокъ лѣтъ». Между тѣмъ, этотъ разсказъ написанъ Н. И. Костомаровымъ, и Левъ Николаевичъ только написалъ къ нему заключеніе. Прошу другія газеты перепечатать это сообщеніе». Если-бы редакція «Образованія» правильно указала въ заглавіи обоихъ авторовъ, то этимъ она также лишила бы возможности г. І. Ясинскаго упрекнуть ее въ контрафакціи и въ сокрытіи давняго появленія въ печати легенды; дѣлая этотъ упрекъ, г. Ясинскій игнорируетъ выноску, которую мы цитировали; игнорировать же указаніе обоихъ авторовъ въ заглавіи онъ и при желаніи не могъ бы.

Собственно говоря, и Костомарову и Толстому принадлежатъ лишь передѣлки и литературная обработка легенды. Первоначальнымъ авторомъ ея является украинскій народъ; она примыкаетъ къ многочисленному циклу украинскихъ легендъ, въ которыхъ человѣкъ запродаетъ свою душу чорту по записи или вслѣдствіе содѣланнаго по внушенію лукаваго грѣха. Такія легенды встрѣчаются и у другихъ арійскихъ народовъ, къ нимъ примыкаетъ также нѣмецкая легенда о Фаустѣ, пользующаяся всемірной извѣстностію, благодаря Гете и Гуно, которыя ее использовали. Первоначальная запись Н. И. Костомаровымъ легенды изъ устъ народа не дошла до насъ, но по сравненію съ другими подобными произведеніями народа и литературному изложенію ея, можно предполагать, что герой ея совершаетъ преступленіе по непосредственному внушенію чорта и что черезъ 40 лѣтъ послѣ совершенія имъ преступленія онъ погибаетъ отъ громового удара.

Въ легендѣ, въ томъ видѣ, какъ она напечатана въ «Образованіи», разсказывается о безродномъ наймитѣ Трофимѣ (у Н. И. Костомарова сначала Трохимъ Яшникъ, потомъ Трофимъ Семеновичъ Яшниковъ), который, чтобы добиться женитьбы на любимой дѣвушкѣ, убиваетъ проѣзжаго купца и его кучера и присваиваетъ себѣ найденныя у перваго деньги. Поступаетъ онъ такъ по совѣту и подстрекательству (и поддержкѣ) пришлеца невѣдомаго происхожденія и загадочной національности Придыбалки (У Костомарова окрестные крестьяне предполагаютъ, что это самъ чортъ), отрицающаго весь кодексъ сложившихся у народа религіозныхъ и нравственныхъ пред-

ставленій, всѣ признанныя понятія о добрѣ и злѣ. Трофиму, при помощи Придыбалки, удается скрыть всѣ слѣды преступленія, но ему представляется, что предсказано ему понести наказаніе черезъ 40 лѣтъ. Деньги, доставшіяся посредствомъ убійства, идутъ ему въ прокъ; во всемъ ему удача: онъ быстро добивается богатства, которое съ годами становится многомилліоннымъ; онъ счастливъ въ семейной жизни, занимаетъ видное общественное положеніе, которое все повышается, получаетъ ордена, дѣлается дворяниномъ, пользуется общимъ уваженіемъ и почетомъ. Но совѣсть часто напоминаетъ ему о совершенномъ преступленіи и объ ожидающей его карѣ. Онъ старается заглушить совѣсть посредствомъ неутомимой дѣятельности, посредствомъ внѣшней набожности и щедрой милостыни; по совѣту архіерея, для искупленія вины сооружаетъ богатый храмъ; схимникъ совѣтуетъ ему раздать нищимъ все состояніе, нажитое вслѣдствіе убійства; съ другой стороны, какъ нѣкогда Придыбалка, такъ и сынъ Трофима, интеллигентный человѣкъ, служащій по дипломатической части, безусловно отрицаетъ основательность его опасеній, не признаетъ существованія Бога, загробной жизни и нравственныхъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ.

Къ наступленію сорокалѣтней годовщины убійства все сильнѣе мучатъ Трофима опасенія грядущей кары. Страшно волнуясь и съ непрерывнымъ трепетомъ переживаетъ онъ день сорокалѣтія, но день этотъ благополучно проходитъ. У Костомарова послѣ этого для него начинается спокойная безмятежная жизнь, въ передѣлкѣ же гр. Толстого—напротивъ, подъ вліяніемъ пережитаго и разсужденій, выслушанныхъ когда-то отъ Придыбалки и впослѣдствіи отъ сына, характеръ Трофима начинаетъ извращаться: у него развивается подозрительность, все возрастаетъ глубочайшее недовѣріе къ людямъ, даже наиболѣе близкимъ и нѣкогда любимымъ; онъ постоянно и глубоко мучитъ себя, и въ этомъ, по истеченіи 40 лѣтъ, какъ бы несетъ ту кару, которая когда-то, какъ ему казалось, была ему предсказана.

Такимъ образомъ Н. И. Костомаровъ и гр. Л. Н. Толстой различно представляютъ себѣ душевное состояніе Трофима послѣ несбывшагося предсказанія, и читателю обоихъ варьянтовъ одной и той же легенды самому приходится судить, кто изъ двухъ авторовъ вѣрнѣе рѣшилъ психологическую проблемму, представляемую человѣкомъ, преступленіе котораго остается нераскрытымъ, который избѣгнулъ

кары и послѣ срока, котораго онъ опасался въ теченіе многихъ лѣтъ [1]).

В Б-мъ.

Погибшая библіотека. Во время послѣдняго кіевскаго археологическаго съѣзда, въ 1899 г., въ Кіевъ привезена была для продажи библіотека, занявшая стѣны комнаты примѣрно въ 7 × 7 арш. дл. и шир. Книги были преимущественно русскія, XVIII и первой четверти XIX в., включая сюда и журналы. Было нѣсколько книгъ старопечатныхъ и нѣсколько иностранныхъ, преимущественно иллюстрированныхъ. Библіотека принадлежала г. С., библіофилу, собравшему книги преимущественно въ предѣлахъ Полтавской губерніи. по разнымъ панскимъ домамъ, какъ свидѣтельствовали о томъ надписи на многихъ книгахъ, указывавшія на прежнихъ ихъ владѣльцевъ: лубенскаго Кирьякова, переяславскаго Ив. Бутовича, Александра Полетику, «Марью Паскевичеву» и проч. [2]) Болѣе всего тутъ было книгъ, принадлежавшихъ извѣстному прилуцкому педагогу Павлу Бѣлецкому-Носенку, человѣку для своего времени оч. образованному. [3]) Принадлежность книгъ Б.-Н—ку удостовѣрялась какъ его собственноручною подписью, такъ еще и печатными ярлычками на заглавіяхъ: «Павелъ Павловичъ Бѣлецкій-Носенко». [3]) Тутъ же мы встрѣтили пачку старыхъ

---

[1]) Желая облегчить нашимъ читателямъ возможность этого сужденія относительно 2-хъ различныхъ представленій о психологіи одного и того же человѣка при наличности одинаковыхъ предшествующихъ условій жизни, мы, пользуясь любезнымъ разрѣшеніемъ уважаемой Алины Леонтьевны Костомаровой, въ одной изъ ближайшихъ книжекъ „К. Ст.“ напечатаемъ давно вышедшую изъ обращенія легенду „Сорокъ лѣтъ“ въ редакціи Н. И. Костомарова. Пользуясь также общимъ разрѣшеніемъ, даннымъ гр. Л. Н, Толстымъ на перепечатки его произведеній, мы напечатаемъ тоже послѣднюю XIV главу легенды въ его изложеніи.

Ред.

[2]) Встрѣтилась тутъ одна книга съ такою собственноручною надписью: „Из книгъ Григорія Galagana“. Книга эта „Истинный христіянинъ и честный человѣкъ“ и проч. Спб. 1762. 8°. (Было еще два изданія). Книга указываетъ родъ чтенія образованныхъ малороссіянъ пол. XVIII в.

[3]) См. о немъ въ „Очеркахъ истор. украинск. литер.“, Н. И. Петрова, стр. 60.

календарей, преимущественно бердичевскихъ, съ любопытными замѣтками бывшихъ ихъ владѣльцевъ. [1]) Библіотека г. С. продавалась туго, п. ч. за всю гуртомъ назначалась цѣна большая, а на отдѣльныя книги назначать цѣны продавцы затруднялись, не имѣя понятія о рыночныхъ цѣнахъ у антикварныхъ книгопродавцевъ. Разумѣется, эту библіотеку слѣдовало купить какому-нибудь меценату и отдать затѣмъ хотя бы въ кіевскую публичную библіотеку. Но меценатовъ не оказалось, и погибла эта библіотека самымъ жалкимъ образомъ. Совершенно неожиданно встрѣтили мы, годъ назадъ, книги изъ этой библіотеки—въ грудахъ, сваленныхъ на рогожахъ—на подольскомъ рынкѣ. Груды эти распродавались татарами-старьевщиками, по десяти коп. за любую книгу. Говорили, впрочемъ, подольскіе букинисты, что татары, покупая эту библіотеку по частямъ, отбирали лучшія (по виду) книги и продавали ихъ особо, по рублевымъ цѣнамъ, и только уже остатки (нѣсколько сотенъ книгъ) вывозили на подольскій рынокъ для окончательной распродажи, почему и назначили такую низкую огульную цѣну.

Къ великому сожалѣнію, намъ удалось видѣть груды этихъ книгъ только въ одинъ базаръ (базары эти на Подолѣ бываютъ по воскресеньямъ), но и при этомъ мы пріобрѣли, кромѣ разныхъ русскихъ книгъ к. XVШ в. (напр., «О парныхъ россійскихъ баняхъ», Саншеса, Спб. 1779 г., *первое изданіе* «Недоросля», «Разсужденіе о дражданскомъ и уголовномъ законоположеніи» Бентама, [2]) еще и слѣдующія:

1. De arte poetica libri III, ad usum et institutionem studiosae juventutis roxolanae, dictati Kioviae, in orthodoxa academia mohyleana. Anno Domini 1705. (Феофана Прокоповича) Mohilowiae. In privilegiata à sua imperatoria majestate typographia illustrissimi, excellentissimi ac reverendissimi domini, domini achi-episcopi mohiloviensis. Anno Domini 1786. 16°, 185 и ненум. 22 стр. [3]) Изданіе этой книги принадлежитъ несомнѣнно знаменитому Георгію Конисскому, тогдашнему могилевскому архіепископу, бывшему вѣроятно и основателемъ тамошней типографіи.

---

[1]) См. Чтенія въ истор. общ. Нестора-лѣтоп., кн. XIV.

[2]) Съ подписью Н. Бѣлецкаго-Носенка и съ его замѣткою: „Цѣна тома 20 рублей". Книга Бентама напечатана въ 1805 г

[3]) Бывшій владѣлецъ книги: „Possessor huius libri Alexander Peszicz. 1800 anno, martii 23 dies.

2. Illustrissini ac reverendissimi Theophani Prokopowicz. Miscellanea Sacra, variis temporis antea edita, nuuc primum uno fasce comprehensa coniunctimque evulgata. Accesserunt ejusdem poemata quaedam, quibus adiuncta sunt: a) Elegia illustr. metropolitae riazanensis Jaworski iam iam morituri supra bibliothecam suam. b) Michaelis Malardi poemata nonnulla et c) Kreslingii epistola ad illustr. ac reverend. Raphaelem, archiepiscopum metropolitam kiioviensem. (Editio emendatius recusa). Vratislaviae. DCCXLV. Cura Johannis Jacobi Kornii bibliopolae. 16°, 297 стр. Изъ сочиненій Прокоповича здѣсь помѣщены: Apologia fidei, Apologia sacrarum reliquiarum patrum nostror., qui in cryptis nostris kioviensibus quieverunt lypsanorum, Oratio gratulatoria Annae imperatricis, нѣсколько мелкихъ статей въ стихахъ [1]) и наконецъ—Orationes asceticae, habitae Kiioviae, на польскомъ языкѣ, шесть проповѣдей, кажется только здѣсь и напечатанныхъ.

3. *Lapis offendiculi* etc., composita ab Helia Meniata, in latinam autem sermonem conversa a Nicolao Mothonis et Gregorio Kositzki. Vratislaviae. MDCCLII, 16°, 200 и ненум. 10 стр. [2]) Оба переводчика—кіевскіе академисты, потомъ по разнымъ путямъ разошедшіеся въ жизни: Матоніусъ (такъ онъ писался позже) устроивъ сначала свое благосостояніе женитьбою на внучкѣ нѣжинск. полковника Жураковскаго, потомъ пріобрѣлъ себѣ славу дѣльца, [3]) а Козицкій—сталъ секретаремъ Екатерины II.

---

[1]) Между ними можетъ быть припомнено: Descriptio situs urbis Kiioviae, quod nempe haec ab oriente fluvia Boristhene alluitur, ab occidente vero montibus tumet, quod unoquoque disticho bis decies expressum est.

Amne Boristhenio sonat urbs qua lucifer exit:
Montibus assurgit, qua trahit umbra Diem
Occiduas urbis cinxere cacumina partes:
Oppositum aurora perluit unda latus и т. д.

Элегія Стефана Яворскаго на прощаніе съ его библіотекой,—общеизвѣстна:

Ite meis manibus gestati saepe libelli,
Ite meus splendor, luxusque, decusque meum...

[2]) Объ этомъ переводѣ см. у м. Евгенія, Словарь свѣтск. писат. I, 296.

[3]) См. Опис. Стар.-Малор., II, 61, 83.

Кромѣ этихъ книгъ, тутъ же мы нашли, и купили за 10 коп., рукопись любопытнаго латинско-русскаго словаря. Это рукопись въ 4-ку, писанная красивымъ малорусскимъ почеркомъ конца XVII или нач. XVIII в., принадлежавшая сыну генер. писаря Семена Савича, Федору, какъ видно изъ надписей. [1]) Словарь этотъ уже кратко описанъ Н. М. Петровскимъ, по списку, находящемуся въ Дубровникѣ (въ б—кѣ тамошняго францисканскаго монастыря). [2]) Въ этомъ описаніи приведена «первая страница цѣликомъ» дубровницкаго списка. Въ нашемъ спискѣ есть слѣд. отличія отъ приведеннаго отрывка: къ переводу слова *abacion—таблія игралныя и числителная*, добавлено еще: *скрижаль;* въ дубровн. сп.: *abaculus—столики, abaculi—камыки числителныя*, а въ нашемъ: *abaculus—столикъ, abaculi—множ.* (число). Поясненія «камыки числителныя»—нѣтъ. Кромѣ того, въ наш. спискѣ первыя десять словъ словаря снабжены, кромѣ русскаго пояснения, еще и польскимъ. (Засимъ польскихъ поясненій во всемъ словарѣ почти не встрѣчается).

Изъ бѣглаго пересмотра этого любопытнаго словаря можно замѣтить, что въ немъ на ряду со словами старославянскаго языка, встрѣчаются и позднѣйшія малорусскія. – Для большаго знакомства съ составомъ словаря приводимъ нѣсколько словъ изъ него.

Cuba—łoże, возокъ. *Cuculus*—кукавица птица. *Culeola*—плѣска орѣховъ зеленыхъ. *Culeus*—тоболецъ, пира, тломокъ. *Cumerum*—сломянка, сосудъ. *Curiose*—оплазивѣ, любопытнѣ. [3]) *Cymbulum* лодийца, човникъ. *Dejuro*—кленуся, рочуся. *Dejurum*—клятва, рота. *Delitigo*—прюся, сваруся, бранюся. *Demo*—спорижъ трава. *Dentale* насадъ, рало. *Deparcus*—скупый, ощадный. *Despuo*—долѣ плюю. *Dodrans*—девятосилная мѣра, пядъ. *Deliora*—делвица, чванецъ. *Dolialis*—делвный, кадный. *Dolabra*—оскордъ, сѣчило. *Dos*—вѣно, посагъ. *Drama*—дѣйство. *Fascinum*—очарованіе, урѣкъ. *Fascino*—урѣкаю, мамю, чарую, обаваю. *Fascinus*—урѣкъ, богъ у поганъ. *Februus*—плютонъ, богъ поганскій. *Fellico*—мелзю, ссу. *Figulus*—гон-

---

[1]) Надпись болѣе ранняя: „Ex libris Porfiry Siemiennikow". Болѣе поздняя надпись: „С книгъ гидна Савича". – „Ex libris Theodori Sawicz, hoc subscripsit."

[2]) Извѣст. Общ. Археол., Истор. и Этногр. 1901 г., т. XVII, вып. I, стр. 42—50. (Казань).

[3]) Слово „любопитнѣ" – позднѣйшаго почерка.

чаръ, скуделникъ. *Fistuca*—таранъ, баба. *Forica*—афедронъ. *Foricanus*—афедроночиститель. *Fulmen*—перунъ, трѣщица. *Harpago*—крукъ, гакъ. *Miro*—чуждуся, дивлюся. *Miraculum*—чудо, дивъ, диво. *Morologus*—юродословъ, блядословъ. *Mulgeo*—дою, мелзю.[1]) *Mulus*—мешъ. *Mula*—мща. *Origanum*—червоная лобода, материнка. *Oreon* спорышъ тр. *Ostracium*—скорупа, черепъ. *Pallarana*—цебуля. *Pessulus*—завора, верея, заклепи. *Sodalis*—клеврѣтъ. *Strufertarii*—жрущіи пре древахъ перуномъ ударенныхъ. *Sudarium*—сударъ, убрусецъ, понявица. *Sulfur*—жупелъ, сѣра. *Sulores*—шевцы. *Supporus*—скутъ, ожереліе, вѣтрило малое, рыза женская. *Tepor*—лѣтепло. *Testudo*—желвъ, камора, гусли. *Tricor*—бляду, кощунствую. *Vades*—емецъ, рокоймя, испоручникъ. *Vidulus*—тоболецъ.

Нѣсомнѣнно, что этотъ словарь заключаетъ въ себѣ остатки одного изъ старинныхъ словарей, затѣмъ дополнявшагося по требованіямъ того или другого мѣста и времени.

Архитекторъ Мостипановъ. Печатаемыя ниже бумаги заключаютъ въ себѣ свѣдѣніе *о первомъ малороссійскомъ архитекторѣ* Мостипановѣ, который изъ глуховскихъ канцеляристовъ попалъ въ ученики къ тогдашнему извѣстному русскому архитектору Баженову. Какъ это сдѣлалось и какіе были результаты для М. отъ ученія у Баженова, объ этомъ и говорятъ печатаемыя здѣсь: прошеніе М-ва Румянцову, и удостовѣренія архитекторовъ Баженова и Красова.

Въ прошеніи поданномъ Румянцову (въ сентябрѣ 1767 г., изъ Москвы) войск. канцеляристъ Максимъ Мостипановъ писалъ: «Въ бытность его сіятельства генер.-фельдмаршала, сенатора и кавалера, (графа Кирилла) Григорьевича Разумовского въ Малой Россіи гетманомъ, въ 1759 году опредѣленъ..... канцеляріи малороссійского скарбу въ званіе войсковыхъ канцеляристъ и на..... по 763 годъ безпорочно. А въ томъ году, съ соизволенія его жъ с-ва .....ского и генералной канцеляріи, опредѣленъ въ обученіе для націи малороссійской.... (архитектури) съ обнадеживаніемъ за полученіемъ отъ мене въ семъ успѣха, н..... чына и жалованья. Отъ вашего же с-ва сіе мое ученіе милости.....

---

[1]) Повидимому, слово это находится въ близкой связи съ словомъ *молозиво*.

твержено доставленіемъ меня къ архитектору въ чужихъ краяхъ оного..... обучавшемся, у которого я въ теоріи и нѣсколко въ практикѣ до сего успе..... имѣлъ, и въ томъ успехѣ двоекратно в. с-ву аттестованъ.... Для чего, въ разсужденіи прежде данныхъ мнѣ именемъ его с-ва графа (Кирилла) Григорьевича Разумовского отъ генер. канцеляріи о повишеніи меня чиномъ и жалованьемъ обѣщаніи, принимаю смѣлость трудить симъ в. с-во, въ согласіе прежде посланныхъ и у сего приложенныхъ объ успѣхѣ моемъ въ о.... и о службѣ при канцеляріи аттестатовъ, о повишеніи меня чиномъ и о..... жалованья, ибо я онымъ, нынѣ получаемымъ жалованьемъ, едва платемъ.... квартирою и кушаньемъ содержать себя могу; для покупки же книгъ и красокъ, бумаги, туши и протчаго необходимо мнѣ надобно въ годъ д(вѣсти?) рублевъ. О семъ всенижайше прошу учинить милостивое в. с-ва разсмотреніе и опредѣленіе. Опредѣленній въ обученіе архитектурѣ войсковій канцеляристь Максимъ Мостипановъ».[1])

Къ этому прошенію приложены слѣд. два удостовѣренія: а) «Его сіятельству повелительнѣйшему г. генер.-фельдмаршалу, малороссійскому генер.-губернатору и проч. Порученной мнѣ отъ в. с-ва малороссійской колегіи войск. канцеляристь Максимъ Мостипановъ для докончанія начатой имъ архитекторской науки, особливою его къ оной склонностію и усерднымъ прилежаніемъ и въ началныхъ пропорціяхъ и композиціяхъ приобрѣтеннымъ знаніемъ, заслуживаетъ о себе рекомендаціи.—Я довольно видѣвъ его къ сему художеству ревность, тщаніе и успѣхи, за долгъ мой почитаю здѣланной имъ по задачамъ в. с-ва прожектъ в. с-ву въ разсмотреніе представить, а притомъ со всякою справедливостію в. с-ву засвидѣтельствовать могу, что онъ, Мостипановъ, подаетъ хорошую надежду быть полезнымъ въ семъ художествѣ отечеству.—Теперь остается в. с-ва власти отличить его за такія прилежности отъ прочихъ малороссійской коллегіи служителей, приличной его наукѣ чиномъ, а ктому наградить его, какъ для содержанія себя, такъ для покупки необходимо потребныхъ къ архитектурѣ книгъ и на инструменты съ матеріалами, годовымъ достаточнымъ жалованьемъ, что онъ совершенно въ свое время отечеству заслужитъ. Архитекторъ профессоръ и членъ разныхъ академіевъ Василей Баже-

---

[1]) Точками обозначены истлѣвшія мѣста въ рукописи.

новъ[1]) ч. —ноября, 1766 г.») б) «*Аттестатъ*. 1766 года генваря 22 д., данъ сей аттестатъ опредѣленному ко мнѣ, в силѣ контракта моего, во обученіе архитектурской науки ведомства малороссійской коллегіи изъ войсковыхъ канцеляристъ Максиму Мосцѣпанову въ томъ, что прошлого 763 году, августа съ 6 дня, будучи онъ, Мосцѣпановъ, ко мнѣ опредѣленъ и обучился по нынѣ ариѳметики, частию геометріи, капированія чертежей, снятія съ малихъ ситуаціевъ плановъ, фасадовъ и при произвожденіи практики у присмотру казеннихъ работъ прилежнимъ оказивался и обходился добропорядочно. И в томъ, чрезъ сие свидѣтелствую. Коллежскій ассесоръ і архитекторъ Андрей Красовъ». *(Всѣ три документа съ подлинниковъ).*

Судьба Мостипанова послѣ окончанія имъ «архитекторской науки» была довольно оригинальная: въ *Спискахъ черниговскихъ дворянъ 1783 г.*, общественное положеніе М-ва описано такимъ образомъ: «Мосцѣпановъ Максимъ, майоръ, въ службѣ городничимъ въ г. Коропѣ; живетъ въ г. Коропѣ; женатъ на дочери кол. ассес. Лихошерстова Маріѣ; у него дѣти: Иларіонъ и Онуфрій (позже были еще: Евлампій и Павелъ). Имѣетъ людей (т. е. крестьянъ) въ м. Нов. Млинахъ, наслѣдныхъ (жениныхъ), а въ г. Коропѣ, на купленныхъ земляхъ, поселенныхъ въ 6-ти хатахъ, муж. п. 10, а ж. пола 7 душъ. Имѣетъ вмѣсто патента, изъ государств. воен. коллегіи на чинъ свой указъ. О предкахъ же показалъ, что, заѣдшіе съ Польши, а отецъ Климъ Мосцѣпановъ—бунч. товарищъ». [2])

Не оказалось значитъ нужды въ архитекторскихъ знаніяхъ Мостипанова, и Румянцовъ направилъ его дѣятельность по другому пути. Нуждаясь въ образованныхъ людяхъ изъ мѣстнаго элемента для введенія велико-русскихъ порядковъ въ б. гетманщинѣ, Румянцовъ болѣе способныхъ изъ нихъ награждалъ велико-русскими чинами, военными и гражданскими. Въ число этихъ мѣстныхъ піонеровъ попалъ и Мостипа-

---

[1]) Баженовъ Вас. Петр. (р. 1737), первый вице-президентъ академіи художествъ, учился архитектурѣ между прочимъ въ Парижѣ, у Дюваля, и въ 1761 г. выдержалъ при парижской академіи экзаменъ на званіе архитектора.

[2]) „Списки Черниговскихъ дворянъ 1783 г.“ Черниговъ. 1890. 16°. По спискамъ 1788 г. (рукопись), Макс. М., уже въ чинѣ надв. совѣтн., значится тѣмъ же „городничимъ коропскимъ“; крест. у него въ это время уже больше: муж. п.—26 и ж. п.—21 тамъ же, въ Коропѣ и Нов. Млинахъ.

новъ, который, какъ видно, получилъ военный чинъ, для чего у Румянцова не требовалось особаго знанія военной науки, когда люди съ этими чинами направлялись въ сферу гражданской дѣятельности. Какъ видно, въ эту сферу направленъ былъ и Мостипановъ: при реформѣ въ 1781 г. общественнаго строя прежней гетманщины, Мостипановъ получилъ мѣсто городничаго, около родного своего г. Кролевца. Дѣло въ томъ, что показаніе Мостипанова о «выходѣ» его предковъ изъ Польши—было обычное указаніе на свое де не простое, а шляхетское происхожденіе, п. ч. изъ Польши, (причемъ разумѣлись Волынь и отчасти кіевская Украина) предполагалось—могли выходить только шляхтичи... Но отецъ нашего архитектора, «Климъ» Мосцѣпановъ, былъ сынъ *крестьянина* с. Подолова (около г. Кролевца), принадлежавшаго падчерицѣ гетм. Скоропадскаго, второбрачной женѣ генер. судьи Чарныша [1]). Сынъ этого крестьянина Клименгій, будучи хорошо грамотенъ, сначала былъ писаремъ кролевецкой сотни, а потомъ достигъ и почетнаго чина бунчук. товарища, представивъ на который патентъ малорос. коллегіи 1781 г., М-въ былъ признанъ дворяниномъ. По ревизіи 1780 г. у него значится—крест. об. п. 6 душъ. У Климентія М. былъ и другой сынъ, Матвѣй, служившій въ 1788 г. вахмистромъ въ орденск. кирас. полку. Разумѣется, интересно было бы знать—удавалось-ли Максиму Мостипанову прилагать на дѣлѣ свои архитекторскія знанія или же—въ таковыхъ совсѣмъ не являлось тогда потребности....

Полуботокъ въ «оковахъ». На послѣдней, передвижной выставкѣ картинъ въ Кіевѣ (1901—902), находилась между прочими картина художника В. А. Волкова—«Императоръ Петръ I посѣщаетъ заключеннаго въ темницу наказнаго атамана (sic) Полуботка, въ 1724 г.» [2]). Снимокъ этой картины помѣщенъ въ «Нивѣ» 1901 г., № 18. Здѣсь видимъ комнату, несомнѣнно въ «темницѣ», въ комнатѣ—скамья, покрытая *соломою*, около скамьи столъ, а на немъ—«рушникъ», кружка и около—повидимому, кусокъ хлѣба и раскрытая книга. На скамьѣ лежитъ Полуботокъ, съ закатившимися къ «небу» глазами и съ поднятой по тому же направленію рукой, на которой виситъ длинная цѣпь, протянутая къ другой рукѣ. У ногъ Полуботка, на скамьѣ, сидитъ Петръ, опер-

[1]) Записки Черниг. статист. комит., I, 28.

[2]) При названіи картины въ скобкахъ добавлено: „Исторія Малороссіи Бант.-Каменскаго".

шись одной рукой на колѣно, а другой держащій палку. Картина должна изображать Петра В., посѣтившаго Полуботка въ петербургской крѣпости, причемъ художникъ, какъ значится въ каталогѣ выставки, пояснилъ, что картина имъ де написана по Бант.-Каменскому. Въ книгѣ послѣдняго разсказывается, что послѣ заключенія Полуботка въ крѣпость, 10 ноября 1724 г., за его рѣчь Петру, (сочиненную повидимому Г. А. Политикою), онъ, Полуботокъ, «недолго влачилъ жизнь горестную *въ оковахъ*,» такъ какъ вскорѣ затѣмъ умеръ въ заключеніи, причемъ передъ смертью былъ посѣщенъ Петромъ В., который де при этомъ «уговаривалъ» умирающаго «забыть прошедшее и прибѣгнуть къ пособію врача»... Вотъ изъ этого то разсказа Б. Каменскаго художникъ и взялъ свои «оковы», которыя повѣсилъ почему то только на руки... Но дѣло въ томъ, что разсказъ Бант.-Каменскаго о Полуботкѣ относится къ *двадцатымъ годамъ* прошлаго столѣтія, при чемъ историкъ для этого эпизода пользовался, какъ видно изъ его книги, только Шереромъ и «Исторіей Руссовъ». Но съ тѣхъ поръ кругозоръ историческихъ свѣдѣній о Малороссіи очень разширился... Не говоря о томъ, что еще Ригельманъ, бесѣдовавшій лично съ Игнатомъ Галаганомъ (прилуцкимъ полковникомъ въ 1715—1740 г.г.) о нѣкоторыхъ событіяхъ его времени,—не говоритъ ни о какихъ «оковахъ» Полуботка, намъ теперь до точности извѣстна та обстановка, при которой Полуботокъ съ товарищами былъ арестованъ 10 ноября.—Въ этотъ моментъ «привели въ гнѣвъ» Петра В. рѣчи Полуботка, но какія же рѣчи и почему онѣ раздражили царя?—Полуботокъ писалъ и говорилъ *отъ имени народа*, а Петръ В. хорошо зналъ (особенно чрезъ Меншикова) объ антагонизмѣ этого самого народа къ старшинѣ. Чтобы имѣть въ рукахъ факты по этому вопросу, Петръ В., сейчасъ же послѣ ареста Полуботка, послалъ на Украину Румянцова такъ сказать—добыть объ этомъ языка.

Съ одной стороны Румянцовъ, а съ другой мѣстные недруги Полуботка дали возможность Петру В. вполнѣ убѣдиться, что старшинскій протестъ никакимъ препятствіемъ—въ задуманныхъ имъ реформахъ по отношенію къ гетманщинѣ—быть не могъ. А слѣдовательно—ни въ какихъ оковахъ никакой нужды не было. Да ни слова не говорятъ объ «оковахъ» и Соловьевъ съ Костомаровымъ, пересматривавшіе подлинное дѣло о Полуботкѣ, хранящееся въ государственномъ архивѣ. [1])

[1]) См. обо всемъ этомъ Русск. Арх. 1880 г., кн. I. „Пав. Полуботокъ".

Приводимъ всѣ эти замѣчанія съ цѣлію указать, что художникъ, посвящающій себя исторической живописи, не долженъ удовлетворяться при изученіи того или другого событія—архаическимя матеріалами, а долженъ изучить это событіе по всѣмъ источникамъ, какъ настоящій историкъ. Въ этомъ же смыслѣ можно сдѣлать г. Волкову большой упрекъ и по поводу изображенія имъ самого Полуботка: вѣдь достовѣрный портретъ послѣдняго изданъ (Кіевск. Стар. 1890 г., дек.); пусть же художникъ потрудится сравнить свою фантазію съ лицомъ настоящаго Полуботка....

Картина *Полуботокъ въ «темницѣ»* показываетъ, что г. Волковъ, при написаніи ея, былъ очень далекъ отъ того способа подготовки къ писанію исторической картины, какой напр. практиковалъ Мейсонье, хотя бы готовясь изображать на полотнѣ—Наполеона.... [1])

---

[1]) Въ мартовск. кн. Кіевск. Стар. 1902 г. читаемъ, что „полтавск. художникъ В. А. Волковъ прислалъ (на Гоголевскую выставку въ Кіевъ) эскизъ картины, бывш. на передв выставкѣ „Петръ I и Пав. Полуботокъ". Послѣдній *считается въ числѣ предковъ Гоголя* (?), почему и эта картина можетъ находиться на Гоголевской выставкѣ." Намъ неизвѣстно, кто считаетъ Полуботка въ числѣ предковъ Гоголя, но онъ въ числѣ ихъ *не былъ*. Въ числѣ этихъ предковъ изъ млрск. старшины (по женской линіи), повидимому, были только: Петръ Дорошенко тесть Еф. Лизогуба), Лизогубы и Вас. Танскій.

Побывавъ лично на „Гоголевской выстаткѣ", мы видѣли тамъ и „эскизъ" картины „Петръ I и Пав. Полуботокъ", (почему то уже—послѣдній—безъ „оковъ") и главное—родословникъ предковъ Гоголя, неизвѣстно кѣмъ составленный и висящій тутъ же, на выставкѣ, на стѣнѣ; въ немъ неизвѣстный генеологъ наглядно показалъ, почему П. Полуботокъ „считается въ числѣ предковъ Гоголя". Вотъ начало этого родословника:

„Гетманъ Скоропадскій—П. Полуботокъ.

|

Сем. Яковл. Лизогубъ"

и т. д.

Какъ понимать здѣсь родство П. Полуботка съ Скоропадскимъ—недоумѣваемъ... Замѣтимъ при этомъ, что если почтенный генеологъ въ лицѣ С. Я. Лизогуба желалъ указать зятя Скоропадскаго, то таковымъ былъ Сем. *Ефимовичъ* Лизогубъ, внукъ П. Дорошенка по матери.

Купчая на домъ въ Кременчугѣ, 1654 г. Настоящій актъ по своему содержанію представляетъ обыкновенную купчую запись и заслуживаетъ вниманія лишь по тѣмъ двумъ въ немъ выраженіямъ, изъ которыхъ видимъ, какъ разумѣлъ малороссійскій народъ свое противъ поляковъ возстаніе и какъ называлъ онъ обыденно новаго своего властителя.

«Я Яско Охрѣмовичъ, козакъ войска Запорозкого, обыватель Нѣжинский, маючи домъ мой власный и за копу мою купленый в месте Кременъчуку, подчасъ заверухъ, з росказаня господаря нашого, его милости пана гетмана, по рознихъ мѣстахъ (?) Прето я з малжонкою моею, отримавши тотъ домъ одъ Дана (?) Безпятего, а часу теперешнего я повернувшися ку домови своему до Нѣжина, а тотъ домъ продалемъ пану Юрю Мойсеенку, у Кременчуку, в моц и въ посесию пущаю, и в спокойное держане вѣчными часы, за которою шлубую (sic), же ни отъ кого панъ Юрей Мойсеенко, ни од кого жадного затрудненя мѣть не маетъ, я самъ и малжонка моя повына в томъ отповедать потребуючому в той продаже, а пана Юря Мойсеенка во всемъ очищать и отъ всего ослобожать, где бъ хто важился турбацыю чинить пану Юрю. И для увереня и при написаню того листа зезнаного былъ панъ Левко Булда, панъ Иванъ Цѣвченко, Мартинъ Шора Паненко, козаки кременчуцкии, и пана Богдана Лавриченка, сотника, и пана Ивана Дяченка, просили о приложене печати звыклой, товарыства и писара о подпись руки, що на прозбу мою учинить рачили. В Кременчуку. Року 1654, мца февраля 19 дня.

М. П. Миколай Пинчукъ, писаръ Кременчуцкий, рукою

(Съ подлинника).

Парубоцкія громады въ Полт. губ. Г-нъ П. П. П. въ своихъ замѣткахъ (К. Ст. 1901 г. №№ 7—8 и 12) знакомитъ съ любопытной организаціей, съ «парубоцькими громадами (атаманствами) г. Маякъ, Херсон. губ. Въ корреспондеціи г. Д. изъ С. Горбовъ Кременч. уѣз. въ Полт. Губ. Вѣд. (№ 52), помѣщаемой нами ниже, сообщаются интересныя свѣдѣнія объ аналогичной громадѣ, въ названномъ селѣ. Подобныя же организаціи подъ названіями *парубоцькихъ громадъ, атаманствъ, кассъ, спилокъ* встрѣчаются во многихъ селеніяхъ Малорос-

сіи; они очень живучи, не смотря на отсутствіе юридическихъ гарантій для ихъ существованія и на стѣсненія со стороны духовенства и особенно полиціи; стѣсненія вызываются непосредственной связью парубоцькихъ громадъ съ повсемѣстными въ украинскихъ селахъ вечерницями и досвитками. Въ генеологическомъ отношеніи современныя парубоцькія организаціи непосредственно примыкаютъ къ братствамъ, нѣкогда существовавшимъ во всѣхъ приходахъ. Въ С. Горбахъ въ обычной организаціи имѣется еще очень интересное въ этнографическомъ отношеніи переживаніе: это взиманіе съ жениха «воротныхъ;» оно находится въ генеологической связи съ несравненно болѣе древнимъ языческимъ обычаемъ выкупа невѣсты.

«Изъ *с. Горбовъ*, Кременчугскаго уѣзда, намъ пишутъ: У мѣстныхъ жителей не женатыхъ парней, по существующему съ незапамятныхъ временъ обычаю, имѣется особаго рода капиталъ, по мѣстному выраженію «парубоцкіе гроши». Капиталъ этотъ, составляющій иногда сотни рублей, образуется изъ слѣдующихъ доходовъ: 1) каждый молодой человѣкъ, достигшій 15—16 лѣтъ отъ роду, начинающій появляться на «вечерницахъ», обязательно долженъ уплатить «паруботщины» 50 коп. и горе тому, кто не въ состояніи или не захочетъ уплатить этой суммы. Надъ нимъ на первый разъ взрослыми парнями продѣлываются всевозможныя издѣвательства, перечислять которыя заняло-бы много мѣста, а на второй—не обходится и безъ серьезныхъ побоевъ. Примѣромъ такого насилія можетъ послужить случай съ помощникомъ волостного писаря Степаномъ Корогодомъ, который въ ночь на 17 февраля настоящаго 1902 года Горбовскими парнями былъ избитъ до крови, за неуплату 50 коп. «паруботщины». Въ виду такого жестокаго обычая каждый молодой человѣкъ, хотя-бы онъ и не желалъ являться на «вечерницы», но по наружному виду достигъ извѣстнаго возраста, не можетъ выходить по вечерамъ за ворота отцовскаго двора—онъ рискуетъ каждый разъ быть избитымъ. Не извѣстно, откуда добываютъ малые подростки деньги, но неуплатившихъ «паруботщины» въ Горбахъ почти нѣтъ. 2) По пріѣздѣ жениха къ невѣстѣ въ день свадьбы, парни стоятъ на воротахъ и не пускаютъ жениха во дворъ, пока не получатъ «воритныхъ», затѣмъ требуютъ выкупъ за невѣсту; сумма въ этихъ случаяхъ назначается не одинаковая, смотря по состоянію жениха и невѣсты. При неуплатѣ женихомъ требуемыхъ сборовъ, на помощь парнямъ являются старики и дѣло нерѣдко доходитъ до драки, и 3) ежегодно подъ осень парни объѣзжаютъ все

село до единой хаты, производя сборъ доброхотныхъ пожертвованій деньгами и хлѣбомъ, якобы на пріобрѣтеніе принадлежностей церковной утвари въ свою приходскую церковь, какъ-то: хоругвей, крестовъ и проч. Деньги, собранныя означенными способами, за вычетомъ расходовъ на покупку водки для угощенія сотоварищей, сдаются кассиру, избранному парнями изъ своей среды, на храненіе, до накопленія извѣстной суммы, съ тѣмъ, чтобы на эти деньги купить что-либо для церкви въ даръ отъ имени парней. Неизвѣстно, было ли куплено что нибудь въ церковь, но въ послѣднее время замѣчено, что парни начали расходовать наличныя деньги на покупку водки при устраиваемыхъ пирушкахъ; кромѣ того, по распоряженію парней-же, кассиръ роздалъ много денегъ въ займы частнымъ лицамъ за проценты, получивъ долговыя росписки лично на свое имя, при чемъ нѣкоторые долги оказались безнадежными къ поступленію. Тогда отцы парней, коимъ дороги старичные обычаи, желая установить правильный порядокъ пріема и расходованія «парубоцкихъ грошей» и способа храненія таковыхъ, возбудили объ этомъ вопросъ на сельскомъ сходѣ, въ виду чего Горбовскій сельскій сходъ, въ составѣ до 70 человѣкъ домохозяевъ, 2-го января 1902 года постановилъ приговоръ, коимъ избраны въ должность кассира козакъ К., изъ женатыхъ, человѣкъ пожилой, малограмотный, какъ значится въ приговорѣ, честнаго и трезваго поведенія, подъ судомъ не бывшій, и три человѣка изъ числа парней уполномоченными счетчиками для учета кассира. Приговоромъ вмѣнено въ обязанность кассиру принимать отъ парубковъ деньги, хранить ихъ и расходовать по усмотрѣнію парубковъ же. Новый кассиръ К. охотно согласился служить. Получивъ на руки приговоръ, засвидѣтельствованный сельскимъ старостой, онъ принялъ кассу деньгами и «документами» (долговыя расписки на имя прежняго кассира) и приступилъ къ исполненію своихъ обязанностей. Первымъ долгомъ онъ заказалъ въ Кременчугской типографіи приходо-расходную шнуровую книгу, съ затянутымъ бѣлымъ шнуркомъ для скрѣпы; оставалось только приложить печать, но тутъ встрѣтили затрудненіе: по новости дѣла К. не знаетъ, кому представить книгу для скрѣпленія, а потомъ случайно узналъ отъ кого-то, что сборъ доброхотныхъ пожертвованій на благотворительныя цѣли, съ примѣненіемъ вымогательствъ и насилій, закономъ воспрещенъ, и, кажется, уже не будетъ никуда обращаться съ просьбой о скрѣпленіи книги, а оставитъ таковую не скрѣпленной, но отъ должности не намѣренъ отказаться. Такіе же обычаи существу-

ютъ и въ другихъ селахъ и деревняхъ Горбовской волости, при чемъ собираются весьма крупныя суммы, какъ, напримѣръ, въ небольшой деревнѣ Сидорахъ за послѣднія нѣсколько лѣтъ собрано болѣе 500 руб., куплено двѣ хоругви и еще что-то въ церковь, всего на сумму до 150 руб.; немного денегъ имѣется на лицо и роздано въ займы, а большая половина ушла на покупку водки.

Мелочи изъ архивовъ Юго-западнаго края. 1) *Воспрещеніе воспитанникамъ кіевской духовной академіи и семинаріи посѣщать Царскій садъ.* Кіевскій военный губернаторъ П. Ѳ. Желтухинъ 15 апрѣля 1828 г. писалъ митрополиту кіевскому Евгенію: «по пріѣздѣ моемъ въ Кіевъ, въ бесѣдкѣ Государева сада найдено было множество начерченныхъ карандашныхъ знаковъ и, въ особенности, стиховъ, показывающихъ вольнодумство и безнравственность. Хотя стѣны по поводу сего были перекрашены, но надписи начали показываться по прежнему. Вчерашній день, обозрѣвъ лично Государевъ садъ, я видѣлъ въ бесѣдкѣ двухъ студентовъ духовнаго вѣдомства, которые, замѣтивъ меня, тотчасъ скрылись, но въ тоже время на стѣнѣ я нашелъ недоконченную надпись, весьма неблагопристойную по своему содержанію.—Желая отвратить всякое нареканіе на счетъ людей, принадлежащихъ къ духовному званію, я долгомъ поставилъ покорнѣйше просить в. высокопр-ство, не благоугодно-ли будетъ приказать, чтобы воспитанники духовныхъ учебныхъ заведеній для гулянія въ саду пускаемы были не иначе, какъ подъ надзоромъ старшихъ, сообразно примѣрамъ прочихъ учебныхъ заведеній».

Этотъ запросъ повелъ къ цѣлому разслѣдованію «о образѣ мыслей академистовъ и о ходящихъ изъ нихъ въ Государевъ садъ, но ни по тому, ни по другому не открылось никакого на нихъ подозрѣнія», а 14 апрѣля 1828 г. никто изъ академистовъ и не могъ быть въ саду, потому что до обѣда они «занимаемы были классическимъ дѣломъ», а вечеромъ всѣ были у всенощной. Правда, 13 апрѣля больной академистъ Бойковъ, по совѣту лѣкаря, прохаживался въ саду, но начальство рекомендовало его весьма скромнымъ и благомысленнымъ. «Впрочемъ—писалъ далѣе высокопреосвященный Евгеній П. Ѳ. Желтухину—для предотвращенія впредь и подозрѣній на академистовъ, я предписалъ академіи и семинаріи обязать подписками всѣхъ своихъ настав-

никовъ и учениковъ не ходить никогда въ Государевъ садъ. Ибо и правилами св. Отецъ запрещено ходить духовнымъ людямъ на позорища; а в. пр-ство покорнѣйше прошу приказать полиціи замѣчать ходящихъ туда вопреки моего запрещенія и мнѣ записками давать знать».

Было-ли когда нибудь снято это запрещеніе—неизвѣстно.

---

2) *Къ столѣтію рожденія Іосифа Богдана Залѣсскаго.* По поводу сотой годовщины рожденія Залѣсскаго, въ № 8 варшавской газеты «Tygodnik illustrowany» $^{9}/_{22}$ февраля текущаго года напечатана статья г. Каз. Глинскаго, который съ особеннымъ вниманіемъ старается выдвинуть на первый планъ характерную черту лирики знаменитаго въ свое время поэта—его привязанность къ Украинѣ, къ ея поэтическимъ преданіямъ. Черту эту покойный, можно сказать, всосалъ съ молокомъ матери; эта струна его поэтической арфы сдѣлала звуки ея милыми и дорогими для современниковъ: внѣ этой сферы, поэзія Залѣсскаго не дала ничего сильнаго, могучаго и своеобразнаго. Г. Глинскій съ легкой тѣнью недоумѣнія и сожалѣнія останавливается на особенности поэта. Критикъ не безъ иронiи упрекаетъ покойнаго въ нарушеніи исторической перспективы, въ томъ, что онъ умышленно сглаживалъ въ своихъ произведеніяхъ кровавыя воспоминанія и какъ бы забывалъ о кривдахъ, нанесенныхъ козачествомъ исторической Польшѣ. Всѣ эти черты музы Залѣсскаго г. Глинскій объясняетъ неизгладимыми воспоминаніями дѣтства поэта, которое протекло подъ мирной кровлей украинскаго мужика.

Хорошо пишетъ г. Глинскій, но должно пожалѣть, что, упрекая покойнаго поэта въ нарушеніи перспективы. онъ самъ рѣшаетъ историческую распрю въ одну сторону, какъ будто козачество явилось какимъ-то deus ex machina и какъ будто сочувственное отношеніе къ его исторической роли представляетъ собою преступленіе sui generis съ польской точки зрѣнія. Съ такими историческими масштабами, предназначенными ad usum delphini, едва-ли возможна безпристрастная оцѣнка поэтическаго творчества Залѣсскаго, который былъ знакомъ съ исторіей старой Польши, вѣроятно, не меньше своего критика. Усвоенный г. Глинскимъ пріемъ критической оцѣнки по справедливости должно назвать суздальскимъ.

Поясненіе. Въ мартовской кн. «Кіев. Старины» помѣщена рецензія на изданную г. Гринченкомъ брошюру «Старинный малорусскій письмовникъ», при чемъ г. рецензентъ сдѣлалъ замѣчаніе, что текстъ этого памятника изданъ неудовлетворительно. По этому поводу г. Гринченко, въ письмѣ въ редакцію, поясняетъ, что онъ точно воспроизводилъ текстъ старинной рукописи, но самая рукопись крайне неисправна.

Текущія извѣстія.

Къ столѣтію Полтавской губерніи. 9-го марта истекло столѣтіе со дня открытія Полтавской губерніи. По исторической справкѣ «Полт. Губ. Вѣд.», въ 1802 г., 27 февраля изъ Малороссійской губерніи повелѣно было образовать двѣ губ. Полтавскую и Черниговскую, составивъ первую изъ слѣдующихъ 12 уѣздовъ, или повѣтовъ: Полтавскаго, Кременчугскаго, Хорольскаго, Золотоношскаго, Лубенскаго, Гадячскаго, Пирятинскаго, Переяславскаго, Прилукскаго, Роменскаго, Константиноградскаго, а вмѣсто Зѣнькова возстановить повѣтовымъ бывшій малороссійскимъ полковымъ городомъ Миргородъ, съ переводомъ въ него повѣтовыхъ присутственныхъ мѣстъ изъ Зѣнькова.

Тогдашній малороссійскій военный губернаторъ и управляющій гражданскою частью генералъ-отъ инфантеріи Сергѣй Кузьмичъ Вязмитиновъ, объѣзжая, въ исполненіе Высочайшей воли, ввѣренный управленію его край, «по личномъ обозрѣніи удобствъ относительно къ пространству и населенію предполагаемыхъ къ учрежденію обѣихъ малороссійскихъ губерній», «нашелъ весьма выгоднымъ одному изъ губернскихъ городовъ быть въ сѣверной, а другому въ южной части края»; первымъ продложилъ онъ быть Чернигову, а вторымъ—*Полтавѣ*. Несомнѣнно что историческое воспоминаніе о знаменитой побѣдѣ Петра I надъ шведами рѣшило дѣло въ пользу Полтавы, хотя выгода мѣстности, въ срединѣ губерніи, была на сторонѣ Лубенъ. Вслѣдствіе этого, 9 марта 1802 г. и была открыта Полтавская губернія по особо составленному церемоніалу первымъ ея губернаторомъ тайнымъ совѣтникомъ А. Б. Солнцевымъ.

Въ 1803 году, марта 27, повелѣно: границу Полтавской губерніи отъ Екатеринославской положить по рѣкѣ Орели, присоединивъ

къ Полтавской все пространство земель между рѣками Берестовою и Орелью, дабы тѣмъ возстановить древніе предѣлы Малороссіи, и сверхъ существующихъ въ Полтавской губерніи 12 повѣтовыхъ городовъ учредить таковыми же города: Зѣньковъ, Лохвицу и мѣстечко Кобеляки.

Юбилейный день, 9 марта, былъ отпразднованъ въ Полтавѣ очень скромно. Наканунѣ, въ засѣданіи городской думы, гласный И. Фр. Павловскій сдѣлалъ краткое сообщеніе изъ исторіи г. Полтавы съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлана была губернскимъ городомъ. Первымъ полт. генералъ губернаторомъ былъ назначенъ князь А. Б. Куракинъ. Во время его управленія Полтава обогатилась многими полезными учрежденіями, въ видѣ гимназіи, аптеки, богоугоднаго заведенія съ богадѣльней, родильнымъ пріютомъ и домомъ для психически больныхъ. При кн. Куракинѣ былъ организованъ пожарный обозъ, основанъ городской садъ, а также сооружены памятники столѣтія полтавской битвы и многія капитальныя казенныя зданія. Выслушавъ сообщеніе гл. Павловскаго, городская дума, въ цѣляхъ увѣковѣченія памяти перваго генералъ-губернатора Полтавской губерніи, постановила нынѣшнюю Кременчугскую улицу переименовать въ «Куракинскую».

Рѣчь о Гоголѣ въ Академіи Наукъ 21 февраля состоялось засѣданіе Академіи Наукъ, посвященное памяти Гоголя. Изъ рѣчей, произнесенныхъ въ этомъ засѣданіи, отмѣтимъ рѣчь приватъ-доцента Императорскаго с.-петербургскаго университета В. Н. Перетца на тему «Гоголь и малорусская литературная традиція». По мнѣнію г. Перетца, повѣсти Гоголя представляютъ собою рѣдкій примѣръ живучести въ нашей литературѣ. Встрѣченныя неблагосклонно современной имъ критикой, онѣ подверглись суровому осужденію и позже, со стороны извѣстнаго этнографа и историка малорусской литературы—Кулиша, обвинившаго Гоголя въ отсутствіи знанія народной жизни. Но изслѣдованія въ области малорусской жизни XVIII вѣка обнаруживаютъ живое соприкосновеніе и связь Гоголя съ его предшественниками, авторами интермедій, позже—комедій. Любимые типы послѣднихъ, ставшіе народными, воспроизводятся Гоголемъ въ повѣстяхъ; таковы типы простоватаго мужика, бойкой жинки (Солохи, Хиври), Янкеля-шинкаря, цыганъ, чертей и другіе. Серьезные типы также имѣютъ

свою исторію и представляютъ собою не живую, но литературную, народно-поэтическую традицію: мать Остапа и Андрія—снимокъ съ матерей въ думахъ, сами герои «Тараса Бульбы» и «Страшной мести» взяты изъ малорусскихъ народныхъ думъ, бывшихъ живой исторіей многострадальной Украины XVI—XVIII вѣковъ. Біографія Гоголя, опровергая мнѣнія Кулиша, будто Гоголь изучалъ народную жизнь «съ панскаго крыльца», подтверждаетъ существованіе постояннаго вліянія на нашего поэта поэтическихъ преданій и пѣсенъ родной его Украйны (С.-Петербургск. Вѣдомости», № 52).

Отношенія Тургенева къ украинской литературѣ. Въ февральской книжкѣ «Вѣстника Всемірной Исторіи» помѣщены «Воспоминанія украинскаго писателя о Тургеневѣ». Хотя «украинскій писатель» почему то не названъ, но изъ контекста легко догадаться, что это—М. П. Драгомановъ. Авторъ «Воспоминаній», останавливаясь между прочимъ на отношеніяхъ Тургенева къ украинской литературѣ, сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ фактовъ, рисующихъ эти отношенія въ истинномъ свѣтѣ.

«Я почиталъ въ И. С. знаменитаго русскаго писателя,—пишетъ Драгомановъ,—и пріятеля украинской литературы: переводчика разсказовъ Марка Вовчка, автора воспоминаній о Шевченкѣ, напечатанныхъ при парижскомъ изданіи Кобзаря, внушителя французской статьи о Шевченкѣ г. Эмиля Дюрана въ «La Revue des deux Mondes» и т. п. Поэтому, послѣ моей ему рекомендаціи по дѣлу о бумагахъ Н. И. Т., я считалъ долгомъ вѣжливости посылать ему оттиски моихъ журнальныхъ статей по украинскому вопросу и свои изданія украинскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ. Въ 1876 г. я послалъ ему изъ Вѣны повѣсти Федьковича, который представляетъ для карпатской Руси то же самое, что М. Вовчокъ для россійской Украины,—съ моимъ предисловіемъ (писаннымъ по-украински) о галицко-русской литературѣ, въ которомъ я дѣлаю, между прочимъ, характеристику двухъ теченій въ ней».

Въ отвѣтъ на эту посылку Драгомановъ получилъ отъ Тургенева слѣдующее письмо: «Я получилъ въ одинъ день и ваше письмо и повѣсти г. Федьковича. Искренно благодарю васъ за столь лестный знакъ вниманія. Я успѣлъ—и безъ большого затрудненія—прочесть ваше предисловіе—и могу сказать, что раздѣляю вполнѣ вашъ образъ мыслей—

въ чемъ я, впрочемъ, не сомнѣвался, зная ваши прежніе труды и ваше направленіе. Какъ только я прочту повѣсти г. Федьковича, я позволю себѣ выразить вамъ съ полной откровенностью мое мнѣніе. Заранѣе чувствую, что тутъ только и бьется ключъ живой воды, а все остальное—либо призракъ, либо трупъ».

Свою симпатію къ Украйнѣ и ея населенію Тургеневъ выражалъ Драгоманову и при личныхъ свиданіяхъ. «Въ одно изъ такихъ свиданій,—пишетъ Драгомановъ,—Тургеневъ завелъ со мной разговоръ и объ Украйнѣ и выражалъ сожалѣніе, что ему не удалось ближе познакомиться съ этой страной и населеніемъ ея, рѣдкія встрѣчи съ которымъ возбудили въ немъ горячія симпатіи; памятникомъ этихъ симпатій остаются въ его романахъ: Маша въ повѣсти «Затишье» и Михалевичъ въ «Дворянскомъ гнѣздѣ». «У малороссовъ, говорилъ Тургеневъ, есть особый видъ идеализма и твердости, крайне симпатичный по сравненію съ утилитаризмомъ или распущенностью великороссійскими. Я вотъ и изъ журналовъ нашихъ потому люблю больше всѣхъ «Вѣстникъ Европы», что въ редакціи его мало великороссовъ, и въ немъ наименѣе нашей великороссійской распущенности: онъ беретъ вещи не широко, но отчетливо, уже стоитъ на томъ, что говоритъ».

Какъ извѣстно, по иниціативѣ Драгоманова, на гробъ Тургенева возложенъ былъ и вѣнокъ «Отъ украинской печати».

Голоса духовенства объ украинскомъ переводѣ Евангелія. Слухъ о разрѣшеніи Св. Синодомъ Евангелія на украинскомъ языкѣ, опровергнутый, кстати сказать, оффиціально (см. «Церковныя Вѣдомости» № 6) вызвалъ на столбцахъ газеты «Югъ» обсужденіе со стороны духовныхъ лицъ. Священникъ Голимскій въ письмѣ въ редакцію, помѣщенномъ въ № 1151 «Юга», высказывается рѣшительно противъ перевода: «на что,—спрашиваетъ онъ,—для юга этотъ переводъ? Если для того, чтобы украсить библіотеку, то это такъ; для народа же этотъ переводъ не нуженъ. Народъ знаетъ Евангеліе на славянскомъ языкѣ; онъ съ такимъ благоговѣніемъ привыкъ относиться къ слушанію Евангелія на славянскомъ языкѣ, что ему даже (!) не нуженъ русскій переводъ. Изъ своей службы я знаю, что наканунѣ Воскресенія Христова народъ хочетъ слушать чтеніе Дѣяній апостольскихъ непремѣнно на славянскомъ языкѣ... Народъ самъ знаетъ, что ему нужно, и предполагать, что ему нужно Евангеліе на малороссійскомъ языкѣ, можетъ

только тотъ, кто не знаетъ народа». Противъ этого категорическаго сужденія о. Голимскаго выступило съ рѣшительнымъ протестомъ другое духовное лицо въ замѣткѣ «Audiatur et altera pars», подписанной «тоже священникъ» (Югъ, № 1154). Авторъ прежде всего указываетъ, что *русскій* переводъ дѣйствительно не нуженъ для *украинскаго* народа, такъ какъ «русскій языкъ столько-же мало понятенъ для простого украинскаго населенія, насколько и церковно-славянскій языкъ... Указавъ затѣмъ, что очевидно самъ о. Голимскій не знаетъ народа, авторъ замѣтки продолжаетъ: «истины евангелія и вообще священнаго писанія не только не вредны для общественнаго спокойствія, но безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ благотворно вліяютъ на народъ. Поэтому желательно, чтобы евангеліе и вообще книги св. писанія были доступны пониманію народа, а это наилегче достигается черезъ переводъ ихъ на родной языкъ. О, сколько разъ я,—заключаетъ свою горячо написанную замѣтку авторъ,—читая евангеліе Св. Страстей, съ ужасомъ замѣчалъ, что умиленная паства о содержаніи евангелія только догадывается по отдѣльнымъ выраженіямъ, въ родѣ «распни, распни его!»... О, какимъ чувствовалъ себя я безпомощнымъ, какъ нравственно болѣлъ, когда мнѣ приходилось убѣждаться, что какой нибудь пропойца-странникъ, шарлатанъ-пророкъ или мнимый монахъ изъ Аѳона, одурачивавшіе и грабившіе мою паству, не могли быть дискредитированными мною предъ народомъ, ибо они нашли дорогу къ душѣ его, пользуясь его роднымъ языкомъ и постигнувъ его психологію»... Несомнѣнно, что то же испытываетъ и каждый священникъ, вдумчиво относящійся къ духовныхъ нуждамъ народа и не смотрящій на нихъ сквозь очки формализма и проторенныхъ дорожекъ. О.о. Голимскимъ слѣдовало бы помнить, что они, стоя на почвѣ формализма и непониманія народной психики, лишаютъ себя возможности благотворнаго воздѣйствія на народъ. Доказательство этого—въ видѣ крайняго невѣжества, суевѣрій съ одной стороны, и сектантства, не удовлетворяющагося оффиціальнымъ ученіемъ съ другой—слишкомъ извѣстны всѣмъ, чтобы о нихъ стоило распространяться...

Еще объ убійствѣ стариковъ. Статья «Убійство дѣтей и стариковъ», помѣщенная въ 67 полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря», продолжаетъ вызывать обсужденіе въ печати; большинство лицъ, пи-

савшихъ по этому вопросу, рѣшительно отвергаютъ существованіе обычая убивать стариковъ въ современной Малороссіи. Въ подтвержденіе этого обычая ссылались на существующія въ украинскомъ языкѣ выраженія «садовить на саночкы», «сажать на лубокъ», указывающія будто бы даже самый способъ убійства: старика привязывали къ лубку и спускали въ оврагъ или же вывозили на саняхъ въ степь, гдѣ и оставляли, пока онъ не замерзнетъ. Но, какъ справедливо замѣчаетъ г. Славинскій («Приднѣпровскій Край, № 1435») въ оборотѣ рѣчи «*на саночкы посадовить*» не заключается никакого намека на возможность убійства стариковъ, хотя этотъ оборотъ рѣчи, можетъ быть, и послужилъ для народа поводомъ создать легенду, въ которой, конечно, есть отголосокъ правды, но правды, которая была таковою, пожалуй, только въ доисторическія времена. Малорусское выраженіе «на саночкы посадовить», равносильное слову «похоронить», конечно, есть отголосокъ древне-русскаго оборота рѣчи, тогда правдоподобно соотвѣтствовавшаго дѣйствительности. Какъ извѣстно, Владиміръ Мономахъ въ своемъ „Поученіи“ пишетъ: „Азъ, худый, сѣдя на санѣхъ“, т. е. переводя на современный языкъ: „На смертномъ одрѣ, я..“ и т. д. Кромѣ того, существуетъ рукописная миніатюра, изображающая перевезеніе мощей св. Глѣба, на которой изображены сани, а на нихъ гробъ и надпись: «Везуть святого Глѣба въ рацѣ каменѣ». Существуютъ и другія свидѣтельства о странномъ обычаѣ древней Руси провожать мертвыхъ въ могилу на саняхъ и зимою и лѣтомъ. Обычай этотъ исчезъ, но оборотъ рѣчи сохранился въ малорусскомъ языкѣ, какъ вообще въ этомъ языкѣ сохранились многія архаическія формы и выраженія. Странному обороту рѣчи, непонятному выраженію, народъ всегда подыскиваетъ объясненіе, и вотъ, какимъ путемъ, не берусь рѣшить, слова «посадовить на саночкы» оказались связанными съ существовавшимъ въ народѣ сказочнымъ къ настоящему времени преданіемъ объ убійствѣ стариковъ.

«Саратовскій Дневникъ» добавляетъ, что обычай хоронить на саняхъ и теперь еще не исчезъ окончательно. «Въ прошломъ году такіе похороны на саняхъ лѣтомъ пришлось наблюдать хорошо извѣстному намъ лицу въ Бессарабіи. Въ Подольской губерніи, по разсказамъ очевидцевъ, этотъ обычай имѣлъ значительное распространеніе еще въ 60-хъ годахъ и, быть можетъ, не вывелся въ глухихъ мѣстахъ и по сей день. И у молдаванъ, и у малороссовъ проводы умершихъ стариковъ въ могилу лѣтомъ на саняхъ выражаютъ дань

крайняго уваженія: не хотятъ трясти останки покойнаго, тревожить его. Въ сани запрягаютъ не менѣе двухъ паръ воловъ, а иногда пять-шесть паръ, смотря по достатку. Такимъ образомъ выраженіе «посадовить на саночкы» означаетъ не просто похоронить, а похоронить съ почетомъ».

Другое заподозрѣнное выраженіе «сажать на лубокъ» объясняетъ священникъ Вѣлобржицкій. „Въ Малороссіи, говоритъ онъ („Новости", № 46),— есть обычай, внушенный церковью, по которому покойника тотчасъ послѣ смерти омываютъ. Въ Малороссіи бань нигдѣ нѣтъ и въ поминѣ. Для умершаго дитяти еще можно найти какое-нибудь приспособленіе или посуду въ хозяйствѣ, въ которой производятъ омовеніе тѣла. Что-же касается взрослаго человѣка, то для омовенія его рѣшительно нѣтъ никакихъ приспособленій. Обыкновенно это дѣлается такъ. Приносится липовый лубокъ, длиною арш. въ 3—4, смотря по росту покойника, разстилается прямо на полу, и на этомъ лубкѣ кладутъ и обмываютъ покойника. Отсюда выраженіе „пора на лубокъ", т. е. пора умирать, употребляется въ отношеніи глубокихъ стариковъ или людей тяжко больныхъ, на выздоровленіе которыхъ надежды нѣтъ. Выраженіе „пора на саночкы садовыть" означаетъ близость смерти изъ давняго обычая малороссіянъ вывозить покойниковъ на кладбище непремѣнно на саняхъ не только зимою, но и лѣтомъ. Правда, въ настоящее время этотъ обычай выводится (особенно въ городахъ), но еще зажиточные люди по деревнямъ, особенно имѣющіе воловъ, придерживаются этого обычая и теперь. Нерѣдко можно увидѣть среди лѣта, какъ четыре вола тянутъ сани съ покойникомъ на кладбище».

Этими объясненіями, думается намъ, совершенно опровергнуто невѣроятное открытіе, сдѣланное авторомъ статьи въ «Энциклопедическомъ Словарѣ»; опровергается оно и общимъ міровоззрѣніемъ украинскаго народа, у котораго, по справедливому замѣчанію г. Славинскаго, «скорѣе можно замѣтить слегка преувеличенный культъ старости» и который непочтительное отношеніе къ родителямъ и вообще къ старшимъ считаетъ однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ. Въ «Новостяхъ» г. Абрамовъ приводитъ очень распространенную щедривку, въ которой Матерь Божія предлагаетъ Христу выпустить изъ «пекла» грѣшныя души, за исключеніемъ одной, которая «отця-матирь налаяла, не налаяла — подумала».

Къ дѣятельности Общества изслѣдователей Волыни. Ни одно изъ существующихъ у насъ ученыхъ обществъ не имѣетъ столь широкой программы, какъ основанное нѣсколько лѣтъ назадъ въ Житомирѣ Общество изслѣдователей Волыни. Къ сожалѣнію, недостаточность мѣстныхъ ученыхъ силъ лишаетъ это симпатичное Общество возможности осуществлять тѣ широкіе планы, какіе имѣлись въ виду при его учрежденіи. Кое-что общество все-таки дѣлаетъ. Недавно, 3 марта, происходило засѣданіе его Историко-археологической секціи, въ составѣ 10-ти членовъ и четырехъ постороннихъ лицъ. Засѣданіе открыто было краткой рѣчью предсѣдателя, въ которой онъ выразилъ вполнѣ справедливую мысль, что лучше дѣлать хоть что нибудь, чѣмъ ничего не дѣлать. А такъ какъ собираніе матеріала для научныхъ изслѣдованій по губерніи посредствомъ экскурсій требуетъ денегъ, которыхъ у Общества нѣтъ, то остается дешевый способъ собираній ихъ посредствомъ картъ и записныхъ книжекъ, въ которые члены заносили бы попутно, по однообразному плану, все, что можетъ интересовать общество, все что каждому случится узнать, увидѣть, услышать или прочитать. Желающіе взять на себя этотъ трудъ приглашены были подписаться на листѣ. Затѣмъ спрошены были присутствующіе, не пожелаютъ ли они высказаться по поводу этого предложенія. Членъ о-ва г. Закусило сообщилъ объ одной мѣстности въ окрестностяхъ Житомира, гдѣ онъ нашелъ кремневыя орудія и въ особенности замѣчательный по художественности отдѣлки кремневый молотъ, кромѣ того глиняную трубу въ руку толщиной. Не видя этой трубы, трудно было угадать ея назначеніе. Находки свои г. Закусило обѣщалъ демонстрировать въ слѣдующемъ засѣданіи. Затѣмъ все остальное время засѣданія, часовъ до 11, занялъ рефератъ извѣстнаго изслѣдователя Волынской старины О. А. Фотинскаго, посвященный исторіи рода Немиричей и брачному праву въ XVI—XVII в.в. Рефератъ былъ выслушанъ съ большимъ интересомъ, но замѣчаній не вызвалъ, по отсутствію въ собраніи лицъ, спеціально знакомыхъ съ предметомъ. Былъ лишь возбужденъ вопросъ: на какомъ языкѣ написаны приводимые референтомъ цитаты изъ бракоразводныхъ записей и другихъ документовъ? При чемъ, если вѣрить сообщенію «Волыни», всѣ единогласно рѣшили, что это не малорусскій, а скорѣе бѣлорусскій языкъ. Судя по этому рѣшенію, дѣйствительно приходится признать, что въ средѣ засѣдавшихъ не было ученыхъ спеціалистовъ.

Селедка на... головѣ. Г. Діонео въ «Одесскомъ Листкѣ» (№ 67) приводитъ одинъ изъ многочисленныхъ курьезовъ, встрѣчающихся въ англійскихъ переводахъ произведеній Гоголя. Англичане съ изумленіемъ узнаютъ,—говоритъ г. Діонео,—что малороссіяне носили на головѣ... «шапку», догадывайтесь вы. Нѣтъ, *селедку*. Всему виною слово *оселедець*. Въ своемъ словарѣ переводчикъ нашелъ слово «селедець», поясненное такъ: «областное, южнорусское слово, означаетъ *селедку*». И вотъ, нисколько не смущаясь лишней буквой о, переводчикъ передалъ свой *оселедець*—herring. Можно ли было разсчитывать, что чопорные англичане, возводящіе чистоплотность въ культъ, заинтересуются народомъ, прячущимъ подъ шапку сельдей»?.. Подобныхъ курьезовъ, обнаруживающихъ невѣжество переводчиковъ относительно украинскаго языка, можно указать множество и не только въ англійскихъ переводахъ. Изобилуютъ ими въ сильной степени и русскіе переводы украинскихъ произведеній. Намъ припоминается глубокомысленное объясненіе, данное Кояловичемъ слову «решта», прочитанному имъ какъ «регита» и произведенному отъ нѣмецкаго regiment!..

Сорокъ первая годовщина смерти Т. Г. Шевченка въ южнорусской печати. Среди многихъ южныхъ газетъ установился обычай въ день смерти украинскаго поэта помѣщать статьи, посвященныя его памяти.

Перечислимъ то, что могли найти въ нынѣшнемъ году:

1) Въ Херсонской газетѣ «Югъ» № 1141 г. Коваленко-Коломацкій передаетъ содержаніе сохранившейся въ рукахъ автора и своевременно напечатанной въ «С.-Петерб. Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ «Народный языкъ» рѣчи В. В. Лесевича, произнесенной имъ въ 1897 г. на обѣдѣ въ память Т. Г. Шевченка въ Петербургѣ.

Принимая во вниманіе положеніе губернской газеты и ея значеніе для круга ея читателей, тема г. Коваленко-Коломацкаго является весьма подходящею: мѣстному читателю весьма полезно въ данный день напомнить хотя бы чужими словами, словами почтеннаго ученаго, что «народный языкъ будетъ тѣмъ священнымъ стягомъ, подъ сѣнью котораго только и возможно приближеніе къ лучшему, свѣтлому будущему».

2) Екатеринославская газета «Приднѣпровскій край» посвятила 26 февраля «Памяти Т. Г. Шевченка» фельетонъ г. Славинскаго, въ которомъ авторъ указываетъ, между прочимъ, какъ особенность малорусской литературы,—изображеніе въ ней исключительно жизни народной, мужицкой». Эта литература, по словамъ автора,—«крестьянская литература въ самомъ широкомъ и свѣтломъ значеніи этого слова». Иллюстрируетъ авторъ свою мысль прозаическимъ переводомъ стихотворенія Леси Украинки, которое помѣщено въ сборникѣ «Викъ» и представляетъ, по его мнѣнію, и правдивую и высоко-художественную характеристику родной литературы.

3) Издающаяся въ г. Ялтѣ газета «Крымскій Курьеръ» помѣстила 26 февраля фельетонъ В. Доманицкаго «Культурно-историческое значеніе поэзіи Т. Г. Шевченка». Это- краткій очеркъ развитія того національнаго самосознанія малорусской народности, какое пробуждено было поэзіей Шевченка въ предѣлахъ Россіи и въ особенности въ Руси Галицкой. Здѣсь названы важнѣйшія научныя и литературныя изданія послѣдняго времени на малорусскомъ языкѣ.

4) Газета «*Волынь*» (№ 52) помѣстила статью В. Мировця «Причины, вызвавшія особый интересъ къ личности и произведеніямъ Шевченка»,—обзоръ высказанныхъ выдающимися литературными дѣятелями мнѣній о личности и поэзіи Шевченка.

5) Издающаяся въ г. Ставрополѣ-Кавказскомъ газета «Сѣверный Кавказъ» въ № 25 помѣстила довольно обстоятельный и хорошо написанный А. Гавришемъ біографическій очеркъ «Т. Г. Шевченко».

6) Въ Харьковской газетѣ «Южный Край» появилось 26 фев. въ фельетонѣ стихотвореніе В. Иванова «Памяти Т. Г. Шевченка» и большая статья проф. Н. Ѳ. Сумцова: «Стихотвореніе Т. Г. Шевченка «Сонце заходыть» въ бытовой и литературной обстановкѣ». Стихотвореніе В. Иванова не отличается особою значительностью мысли или красотой выраженія, но на страницахъ «Южнаго Края» оно звучитъ прекрасно, заканчиваясь такъ:

«Нынче—въ день скорбный кончины
Славной Украйны пѣвца
Боль и тоски и кручины
Наши терзаетъ сердца.
Но передъ милою тѣнью
Скажемъ отъ сердца всего:

Слава его вдохновенью!
Слава страданьямъ его!»

Статья проф. Сумцова, какъ видно изъ ея предисловія, является «какъ запоздалая дань» уваженія автора къ недавнему юбиляру проф. Н. И. Стороженку, почитателю «геніальнаго горемыки», и «за пропускомъ всѣхъ сроковъ» не попала въ извѣстный сборникъ «Подъ знаменемъ науки», изданный учениками и почитателями Н. И. Стороженка.

Указавъ на глубоко реальную обстановку даннаго стихотворенія Шевченка и независимость его отъ какихъ бы то ни было литературныхъ вліяній, авторъ отмѣчаетъ, какъ наиболѣе оригинальное въ немъ, обращеніе къ вечерней звѣздѣ; другіе же мотивы повторяются и въ послѣдующихъ стихотвореніяхъ 1847 и 1848 годовъ, съ которыми оно находится въ тѣсной связи.

7) «*Южное Обозрѣніе*» въ день 26 февраля помѣстило замѣтку А. Каневскаго «Памяти Т. Г. Шевченка», приглашающую читателей во имя «найменьшого брата», обнять котораго молилъ когда то поэтъ своихъ земляковъ, — содѣйствовать широкому развитію «Общества имени Т. Г. Шевченка», имѣющаго цѣлію помогать учащемуся въ столицѣ южно-русскому юношеству.

8) «*Одесскія Новости*» въ тотъ же день въ «Напоминаніи землякамъ о геніальномъ горемыкѣ» А-ра обращаютъ вниманіе на жалкое положеніе средствъ «Общества имени Шевченка» и, приведя фактическую справку объ этомъ положеніи, называютъ его «позорнымъ для насъ», земляковъ поэта.

9) «Одесскій Листокъ» не помѣстилъ такого же напоминанія въ день 26 февраля «по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ», но, уже независимо отъ всякаго рода «поминокъ» поэта въ годовщину его смерти, напечаталъ въ № 66 отъ 11 марта обстоятельную статью А. Каневскаго «О положеніи Общества имени Т. Г. Шевченка», въ которой авторъ выражаетъ мысль о томъ, что и городскія, и земскія управленія южной Россіи должны бы принять участіе въ дѣятельности Общества своими единовременными и ежегодными взносами. Такъ какъ и земскія и городскія управленія ассигнуютъ ежегодно извѣстныя пособія учащимся, то «въ интересахъ наиболѣе цѣлесообразнаго распредѣленія такихъ пособій» городскія и земскія управленія Юга Россіи должны бы воспользоваться услугами «Общества имени

Т. Г. Шевченка» и своими взносами помочь болѣе широкому развитію его дѣятельности.

10) Изъ столичныхъ газетъ откликнулись только «С.-Петербургскія Вѣдомости», помѣстивъ въ № 55 статьи 1) г. А. Л-цкаго «Т. Г. Шевченко»—объ основныхъ мотивахъ его поэзіи и о вліяніи ея на позднѣйшихъ украинскихъ писателей, и 2) г. Кулябки—«Памяти апостола правды», отмѣчающую стремленіе къ правдѣ, какъ главный мотивъ поэзіи украинскаго Кобзаря.

Шевченковы роковины въ Вѣнѣ. 8 февр. студенты малороссы въ Вѣнѣ устроили вечеръ въ честь незабвеннаго поэта. Публики было очень много; кромѣ украинской колоніи, было много нѣмцевъ, чеховъ, словинцевъ и поляковъ. Вечеръ открылъ рѣчью студентъ Косевичъ. Потомъ слѣдовало концертное отдѣленіе, пѣлъ хоръ подъ управленіемъ В. Лозынскаго. Кульминаціоннымъ пунктомъ концерта было прекрасное исполненіе «Гетьманы», «Мени одноково», «За думою дума» (въ композиціи Лысенка) опернымъ пѣвцомъ (въ Франкфуртѣ на Майнѣ) Менцинськимъ. Послѣ концерта начался собственно вечеръ, участвовали всѣ бывшіе на концертѣ. Было произнесено много рѣчей. Отмѣтимъ рѣчи Косевича, чеха Главича (говорилъ по-украински), славинца Билиба. Получено было много телеграммъ и письменный привѣтъ отъ русской колоніи въ Вѣнѣ. Вечеръ окончился въ 2 часа ночи. («Руслан», 1902, № 34).

Вечеръ Т. Г. Шевченка въ Екатеринославѣ. Успѣхъ состоявшагося 10 марта въ аудиторіи народныхъ чтеній вечера, посвященнаго памяти Шевченка, превзошолъ самыя смѣлыя ожиданія. Всѣ исполнители, видимо, вложили душу въ желаніи способствовать успѣху вечера. Особенно шумныя овацiи вызвали: «И тутъ, и всюды», «Садокъ вышневый», «И шырокую долыну», «Писня Левка», изъ оперы «Утоплена».

Нумера декламаціи, при прекрасномъ ихъ выборѣ, были исполнены очень хорошо и при томъ вполнѣ оригинально, каждымъ исполнителемъ.

Но, несомнѣнно, залогъ успѣха вечера лежалъ въ хорѣ любителей. Величественная музыка кантаты «Бьють порогы» сразу приподняла настроеніе публики, которое не покидало ее до конца вечера.

Обстановочная сторона вечера не оставляла желать ничего лучшаго. Чудной работы бюстъ пѣвца Украины, подаренный литературно-музыкальной секціи однимъ изъ почитателей поэта, буквально утопалъ въ зелени, расположенной умѣлой рукой. Все остальное убранство бюста, казалось, ясно говорило, что устроители вечера отнеслись къ бюсту поэта, какъ къ живому любимому существу. («Вѣстникъ Юга» № 28).

Полемика о „всеславянахъ“. Русскія газеты все еще продолжаютъ интересоваться д-ромъ Вергуномъ. Въ «Одес. Листкѣ» былъ помѣщенъ фельетонъ г. Звѣздича, направленый противъ воинственной политики подобныхъ ему славянскихъ «дѣятелей». Въ 53 № той же газеты г. И. В. Каменскій, сотрудничающій въ издаваемомъ г. Вергуномъ «Славянскомъ Вѣкѣ», выступилъ на защиту этого (по его словамъ) «симпатичнаго, энергичнаго, высокообразованнаго и передового бойца за славянское сближеніе, за славянскую свободу, за равноправный союзъ всѣхъ славянъ въ видѣ федераціи, за идеи Хомякова, Аксакова, Герцена, Костомарова, Шевченка». Охарактеризовавъ этими словами д-ра Вергуна, его защитникъ, между прочимъ, объясняетъ, что изданіе «Славянскаго Вѣка» предпринято имъ съ «троякою» цѣлью: «1) Дать русскому и славянскому читателю *полное, ясное и правдивое представленіе* о культурной жизни всего славянства; 2) итти на встрѣчу желанію юго-западныхъ славянъ ознакомиться съ русскою рѣчью настолько, чтобы русскій языкъ могъ сдѣлаться со временемъ *общимъ* языкомъ для культурныхъ славянъ между собою, и 3) дать австро-венгерскимъ, русскимъ и балканскимъ производителямъ и торговцамъ войти въ непосредственныя сношенія».

Защита г. Каменскаго вызвала въ № 75 той же газеты горячую отповѣдь г. Конощенка. «Не знаю», говоритъ онъ, «насколько достигается д-ромъ Вергуномъ послѣдняя цѣль; что-же касается первыхъ двухъ, то объ этомъ можетъ дать «полное, ясное и правдивое представленіе», во 1-хъ, лекція о «Зарубежной Руси», читанная имъ при довольно исключительныхъ обстоятельствахъ въ Кіевѣ и Москвѣ, и «десять заповѣдей» такъ называемыхъ въ Галичинѣ «староруссовъ», къ партіи которыхъ принадлежитъ д-ръ Вергунъ, этотъ «всеславянскій боецъ». Повторивъ вкратцѣ возраженія противъ тезисовъ лекціи г. Вергуна, высказанныя во многихъ органахъ русской печати, г. Ко-

нощенко переходитъ затѣмъ къ пресловутымъ „заповѣдямъ“ и продолжаетъ такъ: «Изъ „десяти заповѣдей для русскихъ хлоповъ“, напечатанныхъ въ органѣ „староруссовъ“ „Русское Слово“, приведу только двѣ, достаточно рельефно характеризующія „всеславянское“ настроеніе „староруссовъ“ и д-ра Вергуна съ ними:

1) „Будь тѣмъ, чѣмъ сотворилъ тебя Господь, т. е. *русскимъ хлопомъ*, а не якимъ-то *украинцемъ* и т. д., а не будутъ изъ тебе другіи народы смѣятися и будутъ тебе поважати“:

6) Если тебѣ кто скаже, що ты—*украинецъ*, то скажи ему: „ты самъ дурный“:

Такимъ образомъ, для „всеславянъ“ типа д-ра Вергуна тридцатимилліонный украинскій народъ, принадлежность котораго къ славянской расѣ несомнѣнна, только „хлопъ“, только то историческое „быдло“, на хребтѣ котораго созидала свое благополучіе польская шляхта Руси Украинской и Галицкой, а стремленіе къ развитію національнаго самосознанія, проявляющееся теперь во всѣхъ слояхъ украинскаго народа, только признакъ „глупости“! И это говорятъ „симпатичные, энергичные...“ и т. д., борцы „за равноправный союзъ всѣхъ славянъ, за идеи Хомякова, Аксакова, Костомарова, Шевченка!“: Это проповѣдуютъ дѣятели, которые печатаютъ свой „Славянскій Вѣкъ“ на всѣхъ славянскихъ языкахъ, кромѣ украинскаго,—этого несчастнаго языка „хлоповъ“ и „дурней“, признаннаго, однако, самостоятельнымъ языкомъ свѣтилами славянской филологіи!

Руки прочь, гг. „симпатичные, энергичные...“ и т. д. „всеславянскіе бойцы!“: Не прикрывайте своей, вносящей рознь въ славянскую семью, дѣятельности именами великихъ славянофиловъ, дѣйствительно стремившихся къ свободному, равноправному, культурному единенію *всѣхъ* славянскихъ народовъ! Не ставьте на своемъ знамени именъ Костомарова и Шевченка, любившихъ тотъ украинскій народъ, который вамъ хотѣлось-бы оставить вѣчнымъ „хлопомъ“, и тотъ украинскій языкъ, котораго вы теперь „цураетесь!“: А

„Хто матиръ забуває“,-

сказалъ великій украинскій поэтъ Т. Г. Шевченко,—

„Того Богъ карае,
Чужи люде цураються,
Въ хату не пускають“:

Присужденіе премій за малорусскія драматическія пьесы въ Галичинѣ. Въ теченіе ряда лѣтъ постоянную статью расхода, вносимую галицкимъ сеймомъ въ областной бюджетъ, составляетъ премія за лучшія драматическія произведенія на малорусскомъ языкѣ. Послѣдній конкурсъ назначенъ былъ областнымъ управленіемъ въ 1899 г., но вслѣдствіе непредставленія заслуживающихъ преміи произведеній срокъ его былъ продолженъ до конца августа 1901 г. На конкурсъ, къ которому допускаются только рукописныя и притомъ не исполнявшіяся на сценахъ произведенія, было представлено 13 работъ.

4-го марта жюри, состоявшее изъ представителей областнаго управленія, профессоровъ львовскаго университета (Колесса, Студинскій), преподавателей среднихъ школъ и литераторовъ, не нашло возможнымъ присудить высшую премію ни одному изъ представленныхъ произведеній. Вторая премія присуждена за историческую драму «Въ народи» И. М. Стешенку изъ Кіева; третья—за драму изъ народнаго быта «Кара совѣсти» Г. Цеглинскому изъ Перемышля, въ Галиціи, и, наконецъ, четвертая—за комедію «Дзвинъ до церкви склыкае, та самъ у неи не бувае»—І. А. Яновской изъ Лубенъ (Русскія Вѣдомости, № 76).

Присяга по-малорусски въ Галичинѣ. Вопросъ о произнесеніи малороссами адвокатской присяги на родномъ языкѣ разрѣшенъ, по словамъ «Руслана», въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ. Формула (малорусская) присяги для адвокатовъ и натаріусовъ уже имѣется въ высшемъ судѣ во Львовѣ. Первымъ присягалъ по малорусски Романъ Бачинскій, назначенный натаріусомъ въ Пидбужѣ. («Русланъ», 1902, ч. 5).

Львовскіе студенты. Судьба студентовъ русиновъ, вынужденныхъ оставить Львовскій университетъ и перейти въ другіе, живо интересуетъ всю Галичину и въ пользу ихъ повсюду собираются пожертвованія. Какъ велика сумма этихъ сборовъ—можно судить по тому, что въ банкъ Товарищества взаимнаго кредиту «Днистеръ» до 28 февр. (нов. ст.) поступило 55,483 кор. (т. е. болѣе 23,000 р.). Для бѣдной Галичины это сумма немалая.

«Галичанинъ» сообщилъ недавно извѣстіе, будто бы русинскіе студенты-богословы, пребывающіе нынѣ въ Вѣнѣ, заявили митрополиту о своемъ желаніи вернуться во Львовъ къ будущему семестру. Нынѣ два студента-богослова Заіончковскій и Яновичъ помѣстили въ «Дѣлѣ» открытое письмо, въ которомъ заявляютъ, что русинская академическая молодежь на собраніи, имѣвшемъ мѣсто въ Вѣнѣ, 6 марта, постановила единогласно въ Львовъ не возвращаться. («С.-Петерб. Вѣдом., № 66»).

Органъ чешскихъ реалистовъ «Čas» помѣстилъ передовицу «Ku příjezdu rusinských studentů». Статья проникнута симпатіями къ малорусскому народу. Авторъ ея говоритъ о старо-русской партіи въ Галиціи и осуждаетъ ее: Москвофилы, по мнѣнію названной газеты, ничтожная группа ретроградовъ, все уменьшающаяся съ теченіемъ времени; среди нихъ нѣтъ ни одного даже «средняго» человѣка. Насколько вредна для народа эта партія, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что въ Галиціи она (во время своей силы) задержала прогрессъ на десятки лѣтъ, а въ Угорской Руси привела народъ почти на край гибели.

Въ итальянской газатѣ «Jl Giornale D'Italia» (№ 340, 1901 г.) помѣщена статья объ уходѣ русинскихъ студентовъ изъ Львовскаго унив. Статья довольно подробно касается исторіи этого событія и яркими красками рисуетъ оживленіе, вызванное имъ среди галицкихъ малороссовъ.

Юбилей М. К. Заньковецкой. Нѣкоторыя изъ газетъ помѣстили извѣстія, что въ текущемъ году исполняется 25-лѣтіе сценической дѣятельности М. К. Заньковецкой и, какъ сообщаетъ «Одесскій Листокъ», артистка 9 марта получила свыше 300 поздравительныхъ телеграммъ и адресовъ. На самомъ дѣлѣ 25-лѣтіе сценической дѣятельности М. К. Заньковецкой исполнится лишь въ 1907 году, такъ какъ она на сценѣ съ 1882 года.

Библіографія.

Проф. И. П. Филевичъ. *По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей.* Львовъ, 1902. Изданіе «Галицко-русской Матицы» (стр. 59).

Вопросъ, которому посвящена брошюра г. Филевича, имѣетъ за собою, какъ извѣстно, уже довольно почтенную древность. Надъ посильнымъ выясненіемъ его потрудились филологи, историки, антропологи, этнографы и публицисты. Очертивъ перипетіи этого давняго «спора славянъ между собою» до 1890 г., А. Н. Пыпинъ, въ особой главѣ своей «Малорусской этнографіи» (Исторія русской этнографіи. Спб., 1891. Т. III), выразилъ пожеланіе, «чтобы, хотя для сохраненія научнаго достоинства нашей литературы, этому вопросу дано было вниманіе, котораго онъ заслуживаетъ, и чтобы «споръ между южанами и сѣверянами» кончился на спокойной и свободной научной почвѣ» (стр. 338). Благородное пожеланіе почтеннаго академика, какъ извѣстно, не сбылось. Всѣмъ памятны печальные отзвуки стародавняго спора на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ 1899 г. Читателямъ «Кіевской Старины» извѣстна позиція, занятая въ этомъ спорѣ нашимъ историческимъ журналомъ. Повторять здѣсь высказанное по этому поводу въ статьяхъ г.г. В. Антоновича, А. Крымского, К. Михальчука, В. Науменка и др. нѣтъ нужды уже потому, что г. Филевичъ въ своей брошюрѣ лишь случайно упомянулъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ статей и тѣмъ лишилъ себя хорошаго случая высказать свои вѣскія соображенія по вопросу, который, вѣроятно, считаетъ важнымъ, разъ, что призналъ нужнымъ писать о немъ для читателей «Научно-литер. сборника» галицко-русской Матицы.

Глава X «Малорусской этнографіи» г. Пыпина («Споръ между сѣверянами и южанами») потребовала 38 страницъ. Брошюра г. Филевича растянулась на 59 страницъ. Это и понятно,—вѣдь два эти труда раздѣляетъ цѣлое десятилѣтіе, которое не прошло безслѣдно въ ученой и публистической литературѣ. Г. Филевичъ какъ будто стремится подвести итоги ученому и публицистическому разномыслію, указать правильную методу для разрѣшенія вопроса, словомъ, направить галицкихъ своихъ читателей на путь истинный. Какъ же выполнилъ онъ свою задачу и въ чемъ состоитъ то свое, новое, что стремится дать авторъ?

Въ главѣ первой (стр. 1—18) г. Филевичъ въ весьма несвязномъ видѣ излагаетъ литературные факты, отлично сгруппированные г. Пыпинымъ въ помянутомъ выше очеркѣ, но добавляетъ, уже отъ себя, нѣсколько полу-ироническихъ замѣчаній по адресу «українсько-руського» направленія въ трудахъ галицкихъ ученыхъ, которые-де стремятся изложить исторію «українсько-руського» народа, какъ совершенно отдѣльнаго цѣлаго, не смущаясь ни «суперечкой» въ лингвистикѣ, ни другими сомнѣніями... Деликатный и изящно-остроумный авторъ нашъ полагаетъ, что въ «українсько-руській» литературѣ Галичины теорія двухъ народностей пользуется большою популярностью и что изъ нея «уже сдѣланы всѣ выводы, какіе только возможны». Помилуйте, одни уже ждутъ спеціально «українсько-руського Богдана», другіе—предвидятъ даже кровавую борьбу въ полномъ смыслѣ слова. Словомъ, теорія двухъ народностей формулирована г. г. Грушевскимъ, Франкомъ и Бачинскимъ съ полною опредѣленностью. «Попытаемся хоть въ общихъ чертахъ оцѣнить ее.»

Этой попыткѣ оцѣнки посвящена глава вторая (стр. 19—30). Указавъ на сложность и трудность проблемы, авторъ съ похвальною осторожностью обѣщаетъ не вдаваться въ подробности лингвистическаго характера и лишь указать въ общихъ чертахъ на ходъ разработки вопроса и главнѣйшіе результаты: «это въ значительной степени поможетъ уяснить сущность занимающаго насъ вопроса». Далѣе снова излагается весьма несвязно и въ туманныхъ отчертаніяхъ о, что находимъ у г. Пыпина въ связномъ видѣ, а именно: упомянуто о трудахъ Срезневскаго, Лавровскаго, П. Житецкаго, Соболевскаго, который «представилъ примѣръ настоящаго академическаго отношенія къ спорнымъ въ наукѣ положеніямъ», тогда какъ другіе (напр., г. Крымскій, возражавшій г. Соболевскому въ «Кіев. Старикѣ») явно не

желаютъ признавать дѣйствительные факты; наконецъ, приводится длинная выдержка изъ статьи г. Шахматова объ образованіи русскихъ нарѣчій и народностей, и уже на основаніи этой статьи, которой г. Филевичъ видимо не понимаетъ, дѣлается блистательный по новизнѣ и глубинѣ выводъ, напечатанный курсивомъ: «Но всѣ эти народности (велико,—мало—и бѣлорусская) представляютъ лишь части одного цѣлаго—русскаго народа». Этотъ блестящій выводъ свой г. Филевичъ снабжаетъ дополнительными ликующими соображеніями, поразительными по страшной путаницѣ понятій и терминовъ. Совершенно запамятовавъ о только что приведенной выдержкѣ изъ весьма осторожной статьи г. Шахматова, нашъ авторъ строитъ такую схему, наивно воображая, что этимъ карточнымъ домикомъ «гораздо яснѣе представляется самая сущность историческаго процесса народной жизни»: *народности* въ этнографическомъ смыслѣ соотвѣтствуетъ понятіе *нарѣчія;* понятію народа соотвѣтствуетъ «другая фикція—языкъ. Но эти фикціи могутъ осуществиться въ дѣйствительности, какъ результатъ историческаго процесса. Въ такомъ случаѣ механическая совокупность отдѣльныхъ однородныхъ частей—народъ—превращается въ живое культурное цѣлое—*націю, національность,* а наиболѣе яркимъ ея выраженіемъ является *литература* и *литературный языкъ*». Далѣе еще нѣсколько столь же ясныхъ и остроумныхъ соображеній, въ результатѣ коихъ новый выводъ: «Умноженіе этого капитала (т. е. литературнаго языка) составляетъ задачу всѣхъ культурныхъ націй. Рѣзкое исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ сторонники теоріи двухъ русскихъ народностей, стремящіеся къ созданію особаго «украіньско-руського «языка».

Въ этомъ блистательномъ аккордѣ своемъ г. Филевичъ, по свойственному ему обычаю, забылъ только что приведенную имъ выдержку изъ статьи Драгоманова о провансальскомъ и нижнегерманскомъ литературномъ движеніи. Слѣдя за этими логическими прыжками г. Филевича, остается лишь воскликнуть: cur, quomodo, quibus auxiliis?! Какими логическими путями изъ разсужденій о «фикціяхъ» г. Шахматова возникло осужденіе, яко-бы отъ лица «науки» (недаромъ же г. Филевичъ именуетъ себя профессоромъ—не знаю только, какихъ наукъ), литературныхъ стремленій галичанъ? Полагаю, самъ г. Шахматовъ не разгадаетъ этого ребуса.

Такова эта «попытка оцѣнки». Оцѣночная глава оканчивается новымъ обѣщаніемъ: «Посмотримъ, въ заключеніе, какъ представляются

ихъ (т. е. все тѣхъ же зловредныхъ галичанъ) стремленія къ обособленію съ точки зрѣнія господствующихъ въ наукѣ взглядовъ на общій ходъ исторической жизни русскаго народа».

Посмотримъ. Господствующіе въ наукѣ взгляды излагаются въ главѣ III и послѣдней (стр. 31—59). Изложеніе состоитъ въ чрезвычайно несвязныхъ выпискахъ изъ Леонтовича, Градовскаго, Пыпина, Павла Алеппскаго (по Милюкову), Милюкова, Соловьева, Н. Попова (о Татищевѣ), Синопсиса, Брикнера, М. Кояловича, Драгоманова, Чичерина, И. Аксакова, Герье и нѣк. другихъ. Путеуказателемъ нашему автору въ его странствованіяхъ, видимо, служатъ блистательные труды г. Милюкова по русской исторіографіи и исторіи культуры. Но неблагодарный нашъ авторъ, по свойственному ему гибельному стремленію къ самобытности, жестоко перепуталъ стройное изложеніе своего источника, а затѣмъ не преминулъ отблагодарить за науку: г. Милюковъ оказался «археологическимъ остаткомъ», отрѣзавшимъ себя отъ новыхъ направленій русской исторической науки, однимъ изъ «современныхъ представителей дореформенной русской эмиграціи». Cur, quomodo? Дѣло вотъ въ чемъ: «Не даромъ онъ (Милюковъ) скорбѣлъ надъ вліяніемъ крымской войны и польскаго возстанія въ русской жизни. Онъ, очевидно, сохранилъ себя въ полной неприкосновенности отъ этихъ вліяній, и благодаря этому его «Очерки по исторіи русской культуры» и представляютъ строгую Немезиду старой московской исторической школы. Кажется, можно думать по этимъ даннымъ (какимъ?), что пора воздушныхъ витаній миновала. Дѣйствительная жизнь не можетъ больше довольствоваться миражемъ; она требуетъ *живого содержанія*. Это живое содержаніе указываетъ теперь и русская наука, сдѣлавшая, между прочимъ, благодаря крымской войнѣ и польскому возстанію, громадные успѣхи и переставшая быть спеціально московской, или петербургской, или кіевской и проч.[1]), а ставшая дѣйствительно русской исторической наукой?»[2]).

---

[1]) *Примѣчаніе г. Филевича:* „Къ сожалѣнію, именно въ такомъ зачаточномъ видѣ представляется русская исторія новѣйшему представителю старой исторической школы. См. обзоръ русской исторіографіи П. Милюкова въ „Энцикл. словарѣ", кн. 55.—*Мое примѣчаніе*: Въ указанномъ томѣ Словаря на стр. 444 сказано: „національстическіе взгляды К Н. Бестужева-Рюмина отразились въ изслѣдованіяхъ нѣкоторыхъ его послѣдователей, напр. И Филевича"... Только всего. Inde irae.

[2]) *Мое примѣчаніе:* Блистательный плодъ такой дѣйствительно русской науки представляетъ собою трудъ г. Филевича: „Исторія древней

Отлично. Въ чемъ же тутъ секретъ и какое отношеніе весь этотъ вздоръ имѣетъ къ задачѣ брошюры?

Всѣ, изложенныя въ III главѣ запутанныя разсужденія о литературѣ русской XVIII в. (по Пыпину), русскихъ историкахъ (по Милюкову) и зловредномъ археологическомъ остаткѣ— Милюковѣ (уже по Филевичу) направлены къ доказательству того, что истинный путь русской исторической наукѣ указалъ только покойный Бестужевъ—Рюминъ, ибо «монографіи Костомарова представляютъ лишь отдѣльные мазки (sic!) на полотнѣ русской исторіи»: Бестужевъ «впервые изложилъ въ надлежащей мѣрѣ судьбы всѣхъ частей русскаго міра» и пр. Въ этомъ направленіи идетъ монографическая разработка исторіи отдѣльныхъ западно-русскихъ земель; одна и таже идея сказывается одинаково въ Петербургѣ, Вильнѣ (даже въ Вильнѣ!), Варшавѣ, Кіевѣ, Москвѣ, въ дѣятельности лицъ самыхъ различныхъ взглядовъ и направленій. «Въ этомъ именно (въ чемъ же именно?) и сказалась сила и значеніе новѣйшей русской исторической науки». Прекрасно: что же отсюда вытекаетъ и какъ это вяжется съ темой брошюры? А вотъ какъ: «Всѣмъ извѣстно, что это научное движеніе продолжается и въ настоящее время. Не трудно понять, что оно имѣетъ громадное значеніе именно для русскаго національнизма, что оно и расширяетъ, и углубляетъ его содержаніе, обновляя его новыми элементами своей же народности. Объединенная на новыхъ началахъ равноправія и свободы (cur, quomodo, quibus auxiliis?!), русская народность входитъ чрезъ западную Русь въ непосредственное общеніе съ остальнымъ славянствомъ... Вотъ условія развитія русскаго національнизма. И наука (какая?), и жизнь (гдѣ, какъ, почему?) согласно и съ полною опредѣленностью указываетъ его элементы. Только эти силы (какія?), а не подновляемыя архаическія теоріи (id est, Милюковъ и К°), непонятныя теперь безъ спеціальнаго изученія, могутъ въ будущемъ опредѣлить взаимодѣйствіе частей русскаго цѣлаго, русскаго народа» (этимъ заканчивается брошюра г. Филевича).

Темно, очень темно!

Руси. Часть 1: Территорія и населеніе". Варшава, 1896. Прискорбную методу этого аллегорическаго произведенія я имѣлъ случай охарактеризовать въ „Кіев. Старинѣ" 1896 г, сентябрь, стр. 79 - 93. Къ моему сожалѣнію, юный авторъ не внялъ моимъ добрымъ совѣтамъ и въ настоящей брошюрѣ еще пріумножилъ дефекты своей манеры трактовать серьезные вопросы. Oleum et operam perdidi.

Я старался уловить въ брошюрѣ г. Филевича все новое и существенное для уясненія поставленныхъ имъ же вопросовъ о двухъ русскихъ народностяхъ и о значеніи стремленій галицко-русскихъ писателей съ точки зрѣнія господствующихъ въ «наукѣ» взглядовъ. Сознаюсь въ своемъ жестокомъ пораженіи: чуетъ моя душа, что ничего не уловилъ, несмотря на тщательные поиски, кромѣ факта, имѣющаго въ «наукѣ» весьма слабое значеніе: да, вѣрю и вижу воочію, что г. Филевичъ очень не любитъ г. Милюкова, но почему—это тайна, которую, вѣроятно, г. Филевичъ раскроетъ въ одномъ изъ будущихъ своихъ экскурсовъ въ область исторіографіи. Въ общемъ остается сказать, что г. Филевичъ по прежнему склоненъ стоять на пьедесталѣ верховнаго судіи и пророка, но его сужденія и пророчества не отличаются проницательностью: онъ склоненъ вѣщать отъ лица неизвѣстныхъ еще міру наукъ, но вѣщанія его втунѣ; улавливать чужія ошибки, но всегда неудачно; онъ любитъ давать непрошенные совѣты, выражать сожалѣнія, неудовольствія и порицанія, заподазривать чужое безпристрастіе и научную добросовѣстность—черта весьма непохвальная; онъ очень строгъ къ другимъ—но не къ себѣ; вообще, онъ хлопочетъ какъ истая кумушка, собирая свои крупицы отовсюду понемножку, и волнуется безмѣрно—но для чего вся эта сумятица и треволненія, и набаты, и скрежеты, и дѣланный паѳосъ—изъ брошюры не видно: это тайна. Написанный въ заголовкѣ брошюры вопросъ требуетъ большой научной подготовки даже для того, чтобы толково поставить его предъ читателемъ. Брошюра представляетъ собою покушеніе освѣтить вопросъ въ извѣстномъ направленіи, но это въ полномъ смыслѣ слова покушеніе съ негодными средствами. Не только освѣтить вопросъ, но даже подойти къ нему—нашему автору никакъ не удается: онъ все ходитъ вокругъ да около; онъ, какъ чепурушечка въ бѣло-русской пѣснѣ, «трется да мнется, думаетъ такъ обойдется». Но я не теряю надежды, что въ будущихъ своихъ покушеніяхъ г. Филевичъ наконецъ схватитъ быка за рога.

Н. М.

„Памятная книжка Волынской губерніи на 1902 годъ“. *Изданіе Волынскаго Губернскаго Статистическаго комитета. Составлена подъ редакціей секретаря комитета И. И. Леонтьева. Житомиръ. 1901 г. Цѣна не обозначена* [1]).

Когда у секретаря какого-то статистическаго комитета спросили: «Зачѣмъ вы издаете памятныя книжки, переполненныя всевозможными справочными свѣдѣніями и не представляющія никакой статистической разработки собираемыхъ вашимъ комитетомъ данныхъ?»—то онъ совершенно резонно отвѣтилъ: «А чѣмъ же намъ иначе прикажете жить?—Вѣдь это главнѣйшій источникъ нашего существованія, наша главная доходная статья! Публика же нуждается въ такихъ справочныхъ книжкахъ и покупаетъ ихъ охотно, а собрать намъ всякаго рода справочный матеріалъ легче, чѣмъ кому-нибудь другому»...—«Зачѣмъ же спросили тогда секретаря—вы всегда наполняете часть своихъ памятныхъ книжекъ еще и разными сырыми матеріалами по статистикѣ въ видѣ цѣлой серіи никому ненужныхъ и никѣмъ не читаемыхъ вѣдомостей о числѣ зданій, выданныхъ торговыхъ документовъ, церквей, жителей, насильственныхъ смертяхъ и устройствѣ пожарной части?»—«А затѣмъ»—былъ простой отвѣтъ—«что комитету статистическому было бы неудобно издавать книжки, не имѣющія абсолютно ничего статистическаго, никакой, такъ сказать, статистической окраски. Мы и сами хорошо понимаемъ, что никому этотъ балластъ не нуженъ, но совсѣмъ безъ него намъ такъ же нельзя, какъ кораблю выйти безъ балласта въ море»!

Вѣроятно, руководствуясь приблизительно такими же соображеніями, снабжена статистическими матеріалами и вышеназванная книжка, перепечатавшая изъ примѣчаній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ вѣдомости о числѣ арестантовъ, «о случайныхъ смертяхъ», о числѣ и родѣ преступленій, разбираемыхъ въ окружныхъ судахъ, о количествѣ головъ разнаго скота въ итогахъ по цѣлымъ уѣздамъ и т. п. Кому онѣ могутъ понадобиться—дѣйствительно трудно себѣ представить. Но за то въ справочномъ и календарномъ отдѣлахъ, снабженныхъ дѣйствительно разнообразными справочными свѣдѣніями, начиная отъ перечня улицъ г. Житомира и подробнѣйшихъ свѣдѣній объ уѣздническихъ

[1]) Въ Кіевѣ въ разныхъ магазинахъ продается по различнымъ цѣнамъ: у г. Оглоблина по 1 р. 35 к., у г. Іогансона по 1 р. 20 к.

участкахъ съ адресами гг. урядниковъ и кончая указателемъ свода законовъ, помѣщено многое множество свѣдѣній, необходимыхъ въ текущемъ жизненномъ обиходѣ. Памятная книжка дополняется, кромѣ того, многими объявленіями разныхъ фирмъ, что отчасти увеличиваетъ справочный интересъ книги, а главное—доказываетъ, что такія книги имѣютъ ходъ, такъ какъ иначе торговыя фирмы не стали бы тратиться на объявленія въ нихъ.

Между помѣщенными въ цитируемомъ изданіи справочными свѣдѣніями обращаетъ на себя вниманіе отдѣлъ землевладѣнія, содержащій нѣкоторыя довольно интересныя данныя, съ которыми мы и хотѣли бы познакомить читателя. Правда, онъ, по всей вѣроятности, не отличается особой точностью, потому что общая цыфра земли въ губерніи по Стрѣльбицкому (6575625 десят.), приведенная на стр. 3 «отдѣла III», не совпадаетъ, напр., съ общимъ итогомъ на стр. 11 «отдѣла IV» (6263029 дес.), но всетаки данныя эти до нѣкоторой степени характеризуютъ состояніе землевладѣнія въ губерніи въ настоящее время.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что дворянское землевладѣніе (русское и польское), занимая первое мѣсто по количеству принадлежащихъ этому сословію земель, составляетъ 41% общаго количества удобныхъ земель въ губерніи, крестьянское (и надѣлы и купленныя земли) распространяется на 40% общаго количества ихъ, остальныхъ сословій—12%, казны и городовъ 7%.

Данныя о распредѣленіи частнаго землевладѣнія (безъ крестьянскихъ надѣловъ) свидѣтельствуютъ о томъ, что средній размѣръ частнаго землевладѣнія въ губерніи составляетъ 250 дес. (на 13331 частнаго владѣльца приходится всего 3308891 дес.). Наибольшее количество земель частнаго владѣнія губерніи сосредоточено въ рукахъ наиболѣе крупныхъ владѣльцевъ: у лицъ, имѣющихъ свыше 10.000 дес. (въ среднемъ 21.000 дес. на одного), сосредоточено 26,1% общаго количества частновладѣльческихъ земель, тогда какъ сами эти лица составляютъ только 0,3% общаго числа частныхъ владѣльцевъ губерніи. Лица, имѣющія *вообще отъ 1000* и болѣе дес. земли, составляя только 4,6% общаго числа частныхъ владѣльцевъ, имѣютъ въ своихъ рукахъ 69,5% всѣхъ частновладѣльческихъ земель въ губерніи.

Обращаясь къ сравнительно болѣе мелкимъ размѣрамъ владѣнія, мы видимъ наоборотъ, что группа самаго мелкаго владѣнія—не свыше 25 дес. на владѣльца—составляетъ 57% всѣхъ владѣльцевъ губерніи,

а имѣющееся въ ея рукахъ количество земли едва достигаетъ 2,3% всей частновладѣльческой земли въ губерніи. Второе мѣсто по числу владѣльцевъ (16%) принадлежитъ группѣ ихъ съ количествомъ земли отъ 25—60 дес. и у нихъ въ рукахъ сосредоточивается тоже около 2,3% земель личнаго владѣнія; третье мѣсто по численности занимаютъ владѣльцы съ 60—200 дес. (11,5%), у которыхъ сосредоточено 5,4% частновладѣльческихъ земель. Если всѣ эти цыфры расположить въ одной табличкѣ, то сразу же бросится въ глаза быстрое пониженіе процента владѣльцевъ сообразно увеличенію размѣровъ землевладѣнія и наоборотъ:

Размѣры землевладѣнія:	% къ общему числу въ губерніи: владѣльцевъ:		десятинъ земли у нихъ:	
до 25 дес.	57		2,3	
25—60 «	16		2,4	
60—200 «	11,5	95,4	5,4	30, 5
200—500 «	6,8		8,9	
500—1000 «	4,1		11,5	
1000—2000 «	2,6		14,4	
2000—5000 «	1,3		16,2	
5000—10000 «	0,4	4,6	12,8	69,5
болѣе 10000 «	0,3		26,1	
Итого . . .	100,0		100,0	

Изъ приведенныхъ въ книгѣ цыфръ видно, что громадное большинство мелкихъ земельныхъ владѣній сосредоточивается въ рукахъ лицъ православнаго исповѣданія, владѣнія средняго размѣра (отъ 200—2000 дес.) почти равномѣрно распредѣляются среди лицъ православнаго и католическаго исповѣданія, а въ крупномъ землевладѣніи нѣкоторое преобладаніе лежитъ на сторонѣ лицъ католическаго исповѣданія. Но распредѣленіе землевладѣнія по исповѣданіямъ интересно преимущественно съ политической точки зрѣнія. Было бы много полезнѣе и интереснѣе, если бы, помимо этого, Памятная книжка привела данныя о распредѣленіи владѣній разныхъ величинъ (хотя бы по тѣмъ же размѣрамъ владѣнія) по сословіямъ, а кромѣ того пополнила бы ихъ еще и свѣдѣніями о такомъ же распредѣленіи за прежніе или хотя бы за какой-либо одинъ изъ прежнихъ (наиболѣе отдаленныхъ) годовъ. Тогда бы можно было составить

нѣкоторое понятіе и о движеніи землевладѣнія въ губерніи: мельчаетъ оно, или крупнѣетъ, или же сосредоточивается въ группахъ средняго владѣнія, и какія сословія теряютъ землю, какія—наоборотъ—увеличиваютъ свои владѣнія? Въ той же книжкѣ, напр., указано, что за 1900 г. при помощи крестьянскаго банка крестьяне пріобрѣли 14498 д. земли; но они вѣдь пользовались этою помощью и въ прежніе годы. Вотъ и интересно было бы между прочимъ узнать, отъ какого сословія они по преимуществу пріобрѣли эти земли и не пополняло ли, можетъ быть, это сословіе сдѣланныя отчужденія пріобрѣтеніемъ на вырученныя деньги новыхъ земель—и т. д. и т. д.

Въ той же Памятной книжкѣ приведена интересная таблица арендныхъ и продажныхъ цѣнъ даннаго времени по уѣздамъ губерніи. При томъ сильномъ ростѣ цѣнъ, который замѣчается въ послѣдніе годы, помѣщеніе этихъ свѣдѣній несомнѣнно могло бы имѣть даже нѣкоторое практическое знаніе, если бы только свѣдѣнія эти не составлены были почему-то «примѣнительно къ оцѣнкѣ Крестьянскаго Поземельнаго Банка» [1]). Изъ названной таблицы видно, что въ уѣздахъ губерніи были въ послѣднее время слѣдующія среднія и крайнія (отъ—и до) цѣны, въ зависимости отъ качества арендуемыхъ и продаваемыхъ земель, параллельно которымъ мы (цыфрами поставленными въ скобкахъ) приведемъ свои данныя о цѣнахъ, по коимъ фактически продавались и сдавались въ долгосрочную аренду въ послѣдніе 3 года (съ 1899 г. включительно) земли въ этихъ уѣздахъ (отъ—и до):

	Арендныя цѣны въ рубляхъ:	Продажныя цѣны въ рубляхъ:
Житомирскій уѣздъ	2-5-8 (4-8,5-11)	40-90-200 (50-120-360)
Заславскій «	2-5,5-10 (5-10-12)	40-100-160 (50-100-130)
Кременецкій «	3-5-7½ (4,5-9-12)	50-85-120 (90-140-200)
Ковельскій «	0,5-2,5-4 (2,4-4,8-8)	15-35-60 (20-80-160)
Ровенскій «	1-3,7-8 (3-7,7-10)	15-45-150 (20-74-190)
Острожскій «	3-5-7 (3-10-12)	50-85-140 (90-150-200)
Овручскій «	0,2-2,5-6 (1,7-5,6-8)	6-35-90 (30-75-125)

[1]) Собственно говоря, трудно даже понять, что значитъ: „примѣнительно“ къ какой „оцѣнкѣ“ (не вѣрнѣе ли: оцѣнкамъ?) Крестьянскаго банка и когда имѣла мѣсто эта „оцѣнка“.... арендныхъ и продажныхъ цѣнъ?

Вл.-Волынскій	«	2-4,5-7 (2-5-7,3)	20-67-120 (25-100-160)
Луцкій	«	1,5-4,5-7 (2,5-8-10)	15-70-130 (25-120-180)
Новг.-Волынск.	«	2-4,5-8 (3-7,4-11)	30-65-160 (50-130-200)
Дубенскій	«	1,5-3,5-7 (5-8-10,5)	20-55-130 (30-115-160)
Ст--Констант.	«	5-6-9 (6,5-9,5-13)	90-95-150 (110-150-215)

Изъ сравненія цыфръ Памятной книжки съ приведенными нами (повторяемъ, по извѣстнымъ намъ конкректнымъ случаямъ продажъ и арендъ съ 1899—1902 г. вкл.) видно, чтс первыя замѣтно ниже и слѣдовательно не соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ значительно возросшимъ цѣнамъ на земли. Если приведенныя въ Пам. книжкѣ продажныя цѣны дѣйствительно соотвѣтствуютъ «оцѣнкамъ» Банка, то такая разница является вполнѣ понятною, такъ какъ банки въ своихъ оцѣнкахъ, въ силу естественной осторожности, никогда не идутъ въ курсѣ современнаго роста цѣнъ, производя оцѣнки обыкновенно съ нѣкоторымъ противъ нихъ пониженіемъ, Слѣдовательно, оцѣнки банковъ не могутъ служить правильными показателями цѣнъ каждаго даннаго момента.

Въ разсматриваемой книгѣ имѣется еще «литературный отдѣлъ», включающій въ себѣ два очерка. Первый представляетъ «эпизодъ изъ исторіи Волыни въ XVII вѣкѣ», составленный О. А. Фотинскимъ и имѣющій своимъ содержаніемъ біографію Юрія Немирича, современника Богдана Хмельницкаго и Выговскаго. Второй, принадлежащій перу г. Бордычевскаго, трактуетъ о положеніи пчеловодства на Волыни и его нуждахъ и настаиваетъ на необходимости принятія мѣръ къ болѣе правильной постановкѣ пчеловоднаго дѣла въ народной средѣ.

На сколько авторъ преданъ дѣлу и высокаго мнѣнія о пользѣ пчеловодства, можно судить по интересному разсчету (стр. 48—49) доходовъ отъ пчеловодства, сильно напоминающему извѣстный всѣмъ читающимъ хрестоматіи разсчетъ мужика, мечтавшаго разбогатѣть при видѣ лежавшаго въ полѣ зайца, котораго онъ собрался поймать.

Л. С. Л.

Родословная книга Черниговскаго дворянства *Изд. графа Г. А. Милорадовича. 2 т. Спб. 1901, 8°.*

Въ послѣднее двадцатилѣтіе появилось нѣсколько большихъ русскихъ родословныхъ сборниковъ, указывающихъ, что въ русскомъ образованномъ обществѣ проявился замѣтный интересъ къ генеологіи дворянства. Чѣмъ вызванъ этотъ интересъ—опредѣлить довольно трудно; быть можетъ, одною изъ его причинъ было желаніе ближе познакомиться съ исторіей того сословія, у котораго «дворянское названіе», по словамъ закона (т. IX, ст. 15), «есть слѣдствіе, истекающее отъ качества и добродѣтели начальствовавшихъ въ древности мужей, отличившихъ себя заслугами, чѣмъ, обращая самую службу въ заслугу, пріобрѣли потомству своему нарицаніе благородное».

Несомнѣнно, что эта цѣль руководила Черниговскимъ дворянствомъ, когда оно поручило своему бывшему предводителю гр. Г. А. Милорадовичу напечатать полную свою родословную книгу. Теперь порученіе это исполнено, и предъ нами два солидные тома этой книги, въ которой помѣщены родословія всего того Черниговскаго дворянства, которое озаботилось представленіемъ о себѣ свѣдѣній въ свое дворянское депутатское собраніе.

По закону (ст. 958) «въ каждой губерніи, на память будущимъ родамъ, составляется дворянская родословная книга, въ коей вписывается дворянство той губерніи, дабы доставить каждому благородному дворянскому роду тѣмъ наипаче пособіе продолжать свое достоинство и названіе наслѣдственно, въ поколѣніе, непрерывно, непоколебимо и невредимо, отъ отца къ сыну, внуку, правнуку и законному, пока Богу угодно продлить имъ, наслѣдію».—Дворянская родословная книга по закону дѣлится на шесть частей: I-я часть заключаетъ въ себѣ дворянство пожалованное или дѣйствительное; II-я—дворянство военное (пріобрѣтенное чиномъ военной службы); III-я—дворянство бюрократическое, пріобрѣтенное чиномъ гражданской службы или пожалованіемъ ордена; IV-я—иностранные дворянскіе роды; V-я—титулами означенные роды, и VI-я—древніе благородные роды. Здѣсь требуютъ поясненія части первая и шестая. Въ первую вносятся, кромѣ дворянства жалованнаго, роды тѣхъ лицъ, которые доказали документально свое дворянское происхожденіе, при томъ если дворянское состояніе пріобрѣтено менѣе, чѣмъ за сто лѣтъ до 1785 г., т. е. до изданія дворянской грамоты. Въ шестую часть вносятся роды, дворянское

достоинство которыми пріобрѣтено не менѣе, какъ за сто лѣтъ до 1785 г. Содержаніе остальныхъ частей опредѣляется выше сдѣланнымъ указаніемъ.

Изданная гр. Милорадовичемъ «родословная книга» интересна прежде всего, какъ матеріалъ для исторіи малороссійскаго дворянства. Извѣстно, что роды этого дворянства произошли отъ козачьей старшины, выдѣлившейся изъ народа въ теченіе XVII и XVIII в.в. [1]). Роды, внесенные въ первую и шестую книги, мѣстнаго происхожденія, должны это положеніе подтвердить.

Дѣйствительно, большинство родовъ, внесенныхъ въ I-ю часть, происходитъ отъ лицъ, занимавшихъ тѣ или другіе козачьи уряды. Напр.: *Борисенки* происходятъ отъ хоружого выбельской сотни; *Бурые*—отъ значковаго товарища; *Бутовичи*—отъ войскового товарища: *Бѣлопольскіе*—отъ полков. есаула; *Власенки*—отъ сотеннаго писаря: *Голяховскіе*—отъ писаря генер. суда и т. д., и т. д. Такимъ образомъ перечисленные роды несомнѣнно указываютъ на свое недавнее дворянство. Здѣсь видно, что тѣ или другія лица, доказывавшія свое дворянство, представляли разные «патенты» и другія свидѣтельства о *чинахъ* своихъ предковъ, при чемъ эти патенты и служили для геральдіи доказательствомъ дворянства. Но здѣсь же, въ той же I-й ч. встрѣчается нѣсколько родовъ, называющихъ своими родоначальниками «польскихъ шляхтичей» или просто «шляхтичей». Часть изъ нихъ (напр., Добровольскіе, Запольскіе. Зѣневичи и проч.) переписались въ черниговскіе дворяне изъ бѣлорусскихъ и сѣверозападныхъ губерній, а другіе—на это происхожденіе изъ чужихъ мѣстъ не указываютъ (Кириленки, Коробки, Нѣговскіе) и заставляютъ думать, что ихъ «шляхетство» явилось не изъ «патентовъ» и другихъ документовъ. *Коробки*, напр., указывая свое происхожденіе отъ «малороссійскаго шляхтича» Іереміи К. и представляя универсалъ Мазепы 1690 г. на мельницу, данную этому Іереміи, не представляютъ никакихъ основаній къ заключенію, что «шляхетство» Іереміи К. было юридическое, а не произвольно написанное потомками. Слѣдуетъ думать, что въ универсалѣ Мазепы Іеремія К. значился тѣмъ же войсковымъ товарищемъ или другимъ подобнымъ чиномъ.

---

[1]) См. монографію Д. П. Миллера—*Превращеніе козацкой старшины въ дворянство* (Кіевъ, 1897) и наши *Замѣчанія* на эту монографію (Харьковъ, 1899).

Во всякомъ случаѣ первая часть «Р. Кн.» для исторіи важна тѣмъ, что она служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ недавняго происхожденія значительной части малорусскаго дворянства и при томъ путемъ пріобрѣтенія такихъ малыхъ чиновъ, какъ войсковой товарищъ, сотенный атаманъ и проч. Въ I-ю же часть «Р. Кн.» внесено нѣсколько родовъ, происходящихъ отъ священниковъ (Корсаковичи, Кушакевичи, Огинскіе, Проценки, Могилевскіе, Стеблины и др.). Потомки ихъ доказывали дворянство тѣмъ, что родоначальники ихъ владѣли *населенными имѣніями*. Въ старой Малороссіи нерѣдки были пожалованія бѣлаго духовенства «маетностями», т. е. селами [1]). Но потомки только что названныхъ родовъ указываютъ на такія «населенныя крестьянами имѣнія», которыхъ въ тогдашнихъ оффиціальныхъ описаніяхъ селъ не находимъ. Такъ родъ Русоботовскихъ—Могилянскихъ признанъ въ дворянствѣ потому, что родоначальникъ его Василій Р.-М. «съ 1764 по 1782 г. владѣлъ населеннымъ крестьянами имѣніемъ въ с. Обтовѣ, Кролевецкаго уѣзда». Но обращаясь къ подробному описанію этого села, сдѣланному въ 1781 г. наряду съ другими, по распоряженію Румянцова, видимъ, что *никакихъ крестьянъ Могилянскихъ или Русоботовскихъ здѣсь не было,* а были только крестьяне, исключительно принадлежавшіе двумъ Забѣламъ, Николаю и Андрею [2]). Такое же точно возбуждаетъ недоразумѣніе и свѣдѣніе о владѣніи населеннымъ имѣніемъ родоначальника Кушакевичей, священника Федора К., о которомъ въ «Р. Кн.» говорится, что онъ «съ 1739 г. владѣлъ населеннымъ имѣніемъ въ с. Прохорахъ, Борзенскаго уѣзда, которое по смерти его перешло къ сыновьямъ его Якову и Степану К., затѣмъ и къ потомкамъ послѣдняго; на этомъ основаніи родъ К-чей и признанъ правит. сенатомъ въ дворянствѣ со внесеніемъ въ первую часть родословной книги». Обращаясь къ точному указанію о томъ, кто владѣлъ крестьянами въ с. Прохорахъ въ 1781 г. [3]), видимъ, что владѣльцами тутъ были: Григоровичи—6 двор. крест. и Виридарскіе—

---

[1]) Напр., прилуцк. село Березовка отдано было въ 1716 г. Скоропадскимъ прилуцкому протопопу Трифоновскому. См. Опис. Стар. Малор., III, 344. Такихъ примѣровъ не мало.

[2]) См. Опис. Стар. Малор., II, 323.

[3]) Въ Опис. Черниг. намѣстн., Пащенка, которое сдѣлано по распоряженію того-же Румянцова и притомъ съ замѣчательною точностью. См. Опис. Стар. Малороссіи, I, предисловіе, стр. X.

1 дворъ, да было еще подсосѣдковъ 5 двор., принадлежавшихъ «разночинцамъ», безъ обозначенія ихъ фамилій. Только въ числѣ этихъ разночинцевъ и могли быть, слѣдовательно, священники Кушакевичи. Значитъ, только въ числѣ этихъ пяти подсосѣдческихъ дворовъ и могло заключаться то «населенное крестьянское имѣніе», о которомъ говоритъ родословіе К-чей... Къ этому можно добавить, что такими «населенными имѣніями», какія представляли собою жившіе въ чужихъ хатахъ подсосѣдки, могли владѣть *всѣ*: козаки, крестьяне, мѣщане... Для этого нужно было только имѣть кусокъ усадебной земли, а на ней хату, а въ хатѣ—подсосѣдка, т. е. какого-нибудь бѣдняка, который изъ нужды селился въ чужой избѣ, за что платилъ хозяину послѣдней личною своею работою или, какъ говорилось тогда, «послухалъ» хозяину.

Обращаемся къ VI-й части, въ которой записаны «древніе» роды. Называемъ изъ нихъ нѣсколько, несомнѣнно малорусскаго происхожденія: Александровичи, Бакуринскіе, Бородухи, Бороздны, Галаганы, Гамалѣи, Лашкевичи, Миклашевскіе, Полетики, Рубцы, Сахновскіе, Шафонскіе, Шишкевичи...

Изъ перечисленныхъ фамилій Бакуринскіе, Бороздны, Гамалѣи, Миклашевскіе и Рубцы несомнѣнно были уже извѣстны во второй полов. XVII в., занимая тѣ или другіе уряды въ такъ называвшемся «Войскѣ запорожскомъ». При этомъ въ Бороздныхъ и Рубцахъ слѣдуетъ видѣть, повидимому, единственныхъ въ Малороссіи представителей древнерусскаго боярства [1]). И тѣхъ и другихъ засталъ въ Стародуб-

---

[1]) Очень вѣроятно, что остались на мѣстѣ потомки и другихъ боярскихъ родовъ, но они, обѣднѣвъ, затерялись въ массѣ. Вотъ примѣръ Въ числѣ „доказательствъ дворянства", поданныхъ въ Н.-Сѣверское двор. депут. собраніе, послѣ изданія дворянской грамоты 1785 г., священникъ с. Ксензовки (Кролевецк. у.) Осипъ Кнышъ разсказалъ любопытную исторію своего рода, въ оффиціальномъ изложеніи которой читаемъ: „сей родъ благородное свое происхожденіе имѣетъ отъ россійского боярского рода, съ коихъ боярскому сыну Невструю Васильевичу Книшку, владѣвшему въ Стародубскомъ уѣздѣ деревнями Селищемъ, да пустыми Болотовичами съ угодіи, во время бывшого полского короля Жигмунда третьяго съ Россиею войнѣ подъ полское владѣніе подшедшему, отъ помянутого короля Жигмунда 1625 года жалована привилегія спокойному и потомственному ними добрами владѣнію. Сынъ же его, а вышеписанного Иосифа прадѣдъ Козма, *служивши первое на Запорожу*, а потомъ въ полку Нѣжинскомъ козакомъ, названъ Кнышомъ, каковою фамилиею произшедшіе отъ него потомки были: Степанъ Козминъ въ селѣ Меннѣ священникомъ, а Стефановы сыны Федоръ также священникомъ, оставивши по себѣ оного Іосифа, а дру-

щинѣ Деулинскій договоръ (1619 г.), причемъ, когда поляки потребовали отъ нихъ актовъ на ихъ громадныя земельныя имѣнія, то Бороздны и Рубцы представили всѣ «права и грамоты», отъ великихъ князей русскихъ имъ данныя.—Другіе роды позднѣйшаго происхожденія—«отъ корней» изъ круга козацкой старшины. При этомъ, при чтеніи ихъ исторіи, какъ она показана въ «Р. Кн.», встрѣчаются недоразумѣнія, которыя не поддаются разъясненію, если только нѣтъ ошибокъ, вольныхъ и невольныхъ, въ приводимыхъ фактахъ. Беремъ *Александровичей*. Извѣстнымъ ихъ родоначальникомъ здѣсь показанъ Иванъ Максимовичъ, бунч. товар., у котораго былъ сынъ Иванъ, прилуцкій полков. писарь. О происхожденіи А-чей въ «Р. Кн.» говорится, что фамилія ихъ ведетъ начало «отъ польскаго шляхетства; предокъ рода этого былъ ментаремъ (?) въ Кіевѣ и имѣлъ сына Александра, потомки котораго, именуясь А-чами, служили россійскому престолу въ разныхъ малороссійскихъ чинахъ и владѣли имѣніями. *Происшедшій изъ этого рода* Ив. Макс. А-чъ также служилъ въ малороссійскомъ войскѣ и 16 декабря 1776 г. пожалованъ населеннымъ имѣніемъ въ с. Березовкѣ (слѣдуетъ—Бережовкѣ) [1]. "прилуцкаго уѣзда». Свѣдѣнія эти основаны, повидимому, *на одномъ семейномъ преданіи*, такъ какъ изъ документальныхъ данныхъ объ А-чахъ извѣстно только, что *полковой писарь* Иванъ А-чъ показанъ въ спискѣ канцеляристовъ генер. к-ріи 1739 г.—сыномъ кіевскаго бурмистра; что этотъ полков. писарь былъ именно тѣмъ лицомъ, о которомъ говорится въ Р. Кн., это доказывается указаніемъ на пожалованіе его, въ 1776 г., с. Бережовкою. Никакихъ другихъ свѣдѣній о предкахъ полк. писаря Ивана А-ча въ дѣлѣ о дворянствѣ [2] его предковъ не имѣется, такъ что и

гій Иванъ Книшъ, отправлявшій военную службу, сплодивъ одного жъ сына Романа, отъ котораго рождены три сыны: Федоръ, Дмитрій и Михайло Книши". (*Родосл. Книга дворянства Новг.-Сѣверскаго Намѣстничества, 1788 г. рукопись*). Не сомнѣваемся, что никакого преднамѣреннаго *сочиненія* въ этой исторіи нѣтъ и что она основана на семейномъ преданіи, зерно котораго—о боярскомъ сынѣ Невструѣ Васильевичѣ Книшкѣ—тѣмъ достовѣрнѣе, что въ исторіи Стародубскаго села Невструева сохранилась память о его владѣльцѣ перв. полов. XVII в Степанѣ Невструѣ. (Опис. Стар. Малорос., I, 145) Упоминаемаго Кнышами с. Пустыхъ Болотовичъ теперь не существуетъ, если только это названіе не переиначено въ преданіи.

[1]) Хотя въ прилуцкомъ уѣздѣ и есть с Березовка, но она принадлежала Трифановскимъ, а б. полков. писарю Александровичу въ 1776 г. была пожалована *Бережовка*. См. Опис. Стар. Малорос., III, 314.

[2]) См. Опис. Стар. Малор., III, 61. Повидимому, полк. писарь Иванъ А-чъ былъ близкимъ свойственникомъ прилуцкаго полковника Игн. Га-

объ указанномъ въ Р. Кн. бунч. тов. Иванѣ Максимовичѣ А-чѣ никакихъ документальныхъ свѣдѣній тоже нѣтъ.—Такимъ образомъ изъ всѣхъ приведенныхъ данныхъ видно, что объ А-чахъ *раньше 30-хъ годовъ XVIII в. ничего документально неизвѣстно.*

Бородухи. Въ «Р. Кн.» говорится, что предокъ ихъ, Федоръ «Лаврентьевичъ Б-ха», подкоморій полка (?) Черниговскаго, по привилегіи польск. короля Сигизмунда III, 2 іюля, 1589 г., возведенъ въ шляхетское достоинство и что сынъ его Максимъ былъ сотникомъ Синявскимъ. Въ имѣющейся у насъ рукописной родословной книгѣ дворянства Н.-Сѣверскаго намѣстничества 1788 г., Иванъ Севастьяновичъ Б-ха (по «Р. Кн.» № 4) показалъ, что онъ родился въ 1746 г. и происходитъ отъ *прадѣда* Федора, служившаго въ Черниговскомъ *повѣтѣ* подкоморіемъ, и отъ дѣда, наказного сотника Максима Б-хи. Эти свѣдѣнія вѣрнѣе свѣдѣній «Р. Кн.» уже и тѣмъ, что въ 1589 г. никакого Черниговскаго полка не было причемъ не могло быть въ это время здѣсь и *подкоморіевъ*, такъ какъ въ к. XVI в. Черниговъ принадлежалъ къ Московскому Государству. А если *дѣдъ* Ивана Севастьяновича Б-хи (наказный сотникъ) жилъ въ к. XVII в., то, разумѣется, отецъ этого дѣда Федоръ въ 1589 г. (т. е. *за сто лѣтъ* передъ тѣмъ) едва ли могъ получать какія либо привилегіи... Слѣдуетъ думать, что потомки Федора Б-хи *отодвинули его къ слишкомъ раннему времени,* прибавивъ при этомъ и какую-то «превиллегію»...

Галаганы явились на сценѣ общественной дѣятельности никакъ не раньше нач. XVIII в., какъ это видно и изъ «Р. Кн.», поэтому непонятно, откуда же могло явиться здѣсь требуемое для VI-й части *столѣтіе.*

Лашкевичи ведутъ свой родъ, какъ видно изъ «Р. Кн.», отъ «польскаго шляхтича Ивана Лашка», жившаго въ неизвѣстное время. Изъ документовъ же Л-чей оказывается, что первымъ извѣстнымъ ихъ предкомъ былъ Стародубскій мѣщанинъ Семенъ Тихоновичъ Дорогинецъ или Тищенко, усиленно добивавшійся въ нач. XVIII в. стародубскаго войтовства [1]). Только сынъ этого Дорогинца, Иванъ, попалъ

лагана, который былъ женатъ, по семейному преданію, на вдовѣ кіевскаго сотника (*не бурмистра ли?*) Александровича. (Т. III, 47). Очень можетъ быть, что полк. пис. Иванъ А-чъ былъ ея сыномъ отъ перваго брака. Во всякомъ случаѣ Ив. А—ча вывели въ люди Галаганы, по предстательству которыхъ онъ изъ Глуховскихъ канцеляристовъ попалъ прямо въ полковые писари.

[1]) Опис. Стар. Малор., I, 119, 126.

въ козацкую старшину, разбогатѣвъ по женитьбѣ на внукѣ полков. обознаго Журмана. Завладѣвъ при этомъ принадлежавшимъ Журманамъ с. Задубеньемъ, Иванъ Семеновичъ сталъ писаться Лашкевичемъ Рубцовымъ [1]). Умеръ Иванъ Л-чъ бунч. товарищемъ. Такимъ образомъ изъ Л-чей первый получилъ право на «шляхетство»—Иванъ Семеновичъ, онъ же и первый Лашкевичъ (р. 1693+1765). Не продолжаемъ подобныхъ указаній, полагая, что и приведенныхъ данныхъ достаточно для того, чтобы не всѣ свѣдѣнія, приводимыя «Р. Кн.» можно было считать за непреложные факты.

Относительно II и III частей «Р. Кн.» можно замѣтить, что большинство помѣщенныхъ здѣсь родословій состоитъ изъ *одного лица*: родословія этихъ двухъ частей большею частью составлены только на основаніи заявленія того или другого лица, получившаго чинъ или орденъ, дающіе право на дворянство. Дѣти этихъ лицъ большею частью не заявляли о себѣ,—конечно, по отсутствію въ томъ практической надобности,—и въ родословіяхъ значатся лишь одни „отцы".

Отъ подачи заявленій—объ утвержденіи въ дворянствѣ—въ разное время ближайшихъ родичей въ „Р. Кн." являются такіе странности, что родные братья показываются лицами разныхъ „вѣтвей": Напр., послѣ Як. Вас. Калиты, получившаго дворянство въ 1886 г., по ордену св. Владиміра, показывается *другою* „вѣтвью" *родной его братъ* Ник. Вас. Калита, получившій дворянство въ 1882 г., по тому же ордену св. Владиміра. То же самое видимъ и относительно двухъ родныхъ братьевъ Богаевскихъ, показанныхъ въ двухъ „вѣтвяхъ" (кн. III, стр. 23).

Относительно II и III частей можно еще замѣтить, что сюда попали несомнѣнно и старинные ро́ды, позднѣйшимъ потомкамъ которыхъ не удалось документами связать свое родство съ предками. Въ этомъ отношеніи особенно интересно, что Кулябки попали во II-ю ч. (стр. 294), между тѣмъ какъ они несомнѣнно происходятъ отъ полк. писаря, который въ нач. уже XVIII в. владѣлъ населенными маетностями [2]).

Въ IV-й ч., заключающей въ себѣ „иностранные дворянскіе роды", обращаетъ на себя вниманіе родъ Ширяевъ, не принадлежащій къ иностраннымъ, но попавшій въ число послѣднихъ, по объясненію

---

[1]) Тамъ же, 67. Изъ Рубцовъ была мать Ивана Л-ча.

[2]) См. Кіевск. Стар. 1886 г. кн. I, стр. 8.

„Р. Кн.“, вслѣдствіе того, что „предки Шираевъ представили бумаги, будто они происходятъ отъ польскихъ выходцевъ, поэтому родъ Шираевъ правит. сенатомъ ошибочно внесенъ въ IV ч. Р. Кн.“:

Въ V-й ч. (титулами означенные ро́ды) изъ мѣстнаго происхожденія значатся: Безбородки, Гудовичи, Завадовскіе и Разумовскіе; изъ нихъ, кромѣ Гудовичей, остальные роды угасли. Впрочемъ, Разумовскіе еще живутъ, но внѣ Россіи: одинъ изъ сыновей гетмана, Григорій Кирилловичъ, женившись на второй женѣ при живой первой, долженъ былъ удалиться изъ Россіи заграницу, вмѣстѣ съ дѣтьми отъ второго брака, гдѣ всѣ они приняли протестанство. Внукъ этого Р—аго, гр. Камиллъ Р—ій и теперь живетъ въ Австріи. Свѣдѣніе это находится въ родословіи Р—ихъ, куда оно внесено видимо не изъ „Р. Кн.“, а изъ книги Васильчикова о Разумовскихъ. Также восполнены по свѣдѣніямъ, взятымъ не изъ „Р. Кн.“, и родословія Кушелевыхъ-Безбородковъ, Гамалѣевъ, Дунинъ-Борковскихъ, Завадовскихъ, Кочубеевъ, Лашкевичей, Лизогубовъ, Марковичей, Миклашевскихъ, Скоропадскихъ и нѣкотор. другихъ. Кромѣ того, издатель внесъ въ «Р. Кн.“ и „угасшій родъ“ Полуботковъ, съ подробными свѣдѣніями о его членахъ, взятыми изъ разныхъ книгъ. (Полуботки, повидимому, вовсе не были записаны въ „Р. Кн.“, такъ какъ родъ этотъ прекратился до 1785 г.) Остается пожалѣть, что издатель „Р. Кн.“ не сдѣлалъ подобныхъ дополненій и относительно многихъ другихъ ро́довъ, при помощи потомковъ, какъ это онъ сдѣлалъ относительно Домонтовичей и Дорошенковъ. Несомнѣнно, что многіе потомки охотно отозвались бы на зовъ о такой помощи. А при этомъ потомки несомнѣнно внесли бы поправки, которыхъ необходимо требуютъ нѣкоторыя родословія. Напр., извѣстнымъ родоначальникомъ Солонинъ въ „Р. Кн.“ показанъ Сергѣй Васильевичъ, сотникъ Остерскій, но таковымъ долженъ быть дядя этого Сергѣя—Константинъ С., бывшій Кіевскимъ полковникомъ уже въ 1676 г., который собственно и положилъ начало имущественному благосостоянію этого рода. Вообще „Р. Кн.“ могла быть значительно пополнена—какъ только издатель допустилъ возможность ея дополненій и не изъ свѣдѣній дворянскаго архива. Напр., въ «Р. Кн.» не помѣщенъ родъ Острянскихъ, которые въ перв. полов. XIX в. владѣли большими имѣніями въ Конотопскомъ уѣздѣ. Пропускъ такихъ ро́довъ—очень замѣтенъ.

Пестрятъ книгу и нѣкоторыя ошибки и «досадныя» опечатки. Послѣднія должны были быть непремѣнно исправлены въ концѣ книги, а

то чему же вѣрить, если мы видимъ на стр. 173, ч. III, что Я. Л. род. въ 1829 г., былъ женатъ и умеръ въ 1840 г.? Одна изъ цифръ, видимо, ошибочна, но которая же?—Въ такихъ изданіяхъ какъ «Р. Кн.» имена и цифры должны быть безусловно вѣрны. А между тѣмъ показанный на стр. 179, ч. VI-й, родоначальникъ Сахновскихъ (сосницкихъ) Иванъ С., обозный Черниговск. полка, былъ Игнатъ, а не Иванъ. Вѣроятно, и тутъ явилась опечатка.

Кончая на этомъ обзоръ Родословной книги Черниговскаго дворянства, мы должны признать большую заслугу за ея издателемъ гр. Г. А. Милорадовичемъ, который въ этомъ солидномъ своемъ трудѣ даетъ богатый матеріалъ для исторіи нашей общественности въ XIX вѣкѣ, указывая цѣлые ряды лицъ, которыя такъ или иначе оставили свои слѣды въ этой исторіи. Нельзя не пожелать, чтобы и полтавское дворянство послѣдовало примѣру Черниговскаго и издало свою родословную книгу; кстати, полтавское дворянство въ этомъ году празднуетъ свой столѣтній юбилей. Несомнѣнно, что родословныя книги дворянства этихъ губерній значительно восполнятъ и объяснятъ одна другую.

А. Л.

Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ. *(Раскопки В. В. Хвойка въ 1899-1900 годахъ). С.-Петербургъ. 1901, 8°. 19 стр.+ 5 таблицъ.*

Съ особымъ удовольствіемъ мы должны привѣтствовать вышеназванную работу В. В. Хвойки. Она соотвѣтствуетъ много разъ уже высказаннымъ нами пожеланіямъ, чтобы многочисленныя раскопки этого неутомимаго изслѣдователя древностей нашего юга, сдѣлавшаго столько важныхъ открытій, были бы наконецъ опубликованы, стали бы общимъ достояніемъ ученаго міра, тѣмъ болѣе, что онѣ этого вполнѣ заслуживаютъ. Настоящая работа охватываетъ лишь незначительную часть раскопокъ г. Хвойки,—будемъ надѣяться, что и остальныя не замедлятъ выходомъ въ свѣтъ. Нѣтъ нужды, что опубликованіе изслѣдованій, какъ напр. настоящихъ, носитъ скорѣе протокольный характеръ, не отличается обширностью изложенія,—для археологіи, какъ для всякой другой точной науки, важны, прежде всего, факты, интересно возможно вѣрное описаніе ихъ. Дѣло будущаго—разобраться

въ фактахъ, систематизировать ихъ, найти между ними взаимоотношеніе.

На поля погребеній, о которыхъ рѣчь, впервые было обращено серьезное вниманіе г. Хвойки; со свойственной ему энергіей онъ принялся за ихъ разысканія и изслѣдованія, и въ настоящее время пополнено еще одно недостающее звено далекаго прошлаго юга Россіи. Вотъ краткая характеристика этого рода памятниковъ, составляющая, такъ сказать, вводную часть работы.

«Поля погребеній были открыты въ Кіевскомъ, Черкасскомъ, Каневскомъ и Васильковскомъ уѣздахъ Кіевской и въ южной части Черниговской губ. (въ Остерскомъ уѣздѣ, по лѣвому берегу р. Десны), но районъ ихъ распространенія, несомнѣнно, гораздо обширнѣе, особенно по направленію Подольской губ. и далѣе на западъ; весьма вѣроятно также, что ихъ можно найти и въ Полтавской губ.

Поля погребеній представляютъ собою болѣе или менѣе обширные могильники безъ всякихъ признаковъ насыпей, расположенные на площадяхъ возвышенностей и отчасти на ихъ склонахъ. Въ нихъ встрѣчаются совмѣстно два погребальные обряда—сожженіе и зарываніе покойника въ землю. Погребенія первой категоріи, за нѣкоторыми исключеніями, находятся обыкновенно на незначительной глубинѣ отъ поверхности земли, начиная отъ 20 см. до 1 м. Сожженныя кости, иногда перемѣшанныя съ уцѣлѣвшими, но по большей части поврежденными огнемъ металлическими предметами (фибулами, шпильками и т. д.) и кусками расплавленнаго стекла, наполняютъ обыкновенно урну или другой сосудъ, при которомъ стоятъ остальные; иногда же кости заключаются въ урнѣ безъ всякой примѣси предметовъ, которые лежатъ тогда возлѣ нея или между другими сосудами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако же, остатки обожженныхъ костей, зола и уголь, вмѣстѣ съ такими же предметами, лежатъ непосредственно на глиняной площадкѣ, обставленные сосудами, расположенными вокругъ нихъ или сгруппированными въ сторонѣ.

Погребенія второго рода находятся гораздо глубже, отъ 1 до 3 и даже даже до $3^1/_2$ м. Направленіе скелетовъ различно—на З., СЗ., Ю. и ЮЗ.; они лежатъ на спинѣ, въ вытянутомъ положеніи, съ различнымъ расположеніемъ рукъ; преобладающихъ служитъ параллельное туловищу. При нихъ расположено также по нѣскольку сосудовъ, разставленныхъ обыкновенно съ лѣвой стороны, или вдоль всего тѣла, или у поясницы, въ ногахъ и въ особенности у головы, гдѣ они

всегда сосредоточены въ числѣ нѣсколькихъ экземпляровъ. Въ одномъ изъ нихъ, чаще всего имѣющемъ форму миски, а иногда и подъ нимъ, находятся при большинствѣ погребеній кости барана, при которыхъ изрѣдка бываетъ воткнутъ въ землю желѣзный ножъ».

Отличительнымъ признакомъ инвентаря полей погребеній является полное отсутствіе оружія и затѣмъ сравнительная бѣдность украшеній. Но за то керамика отличается изобиліемъ и разнообразіемъ. Число сосудовъ при погребеніяхъ и сожженіяхъ доходитъ отъ 3 до 12 и даже болѣе. Большинство сосудовъ—глиняные, хорошей выдѣлки, приготовленные на кругѣ, въ формѣ горшковъ, вазъ, кувшиновъ, чашъ. Поверхность сосудовъ—глянцовитая, чернаго съ сѣрымъ цвѣта. Орнаментъ—въ общемъ не богатъ и довольно примитивенъ. хотя нѣкоторые ихъ небольшихъ сосудовъ очень изящно украшены—оттисками въ видѣ розетокъ и звѣздочекъ. Кромѣ глиняныхъ, найдены также и прекрасные образчики стекляныхъ сосудовъ. Правда, послѣднихъ, въ общемъ, добыто всего нѣсколько экземпляровъ, но что такого рода сосуды были довольно распространены у населенія, оставившаго намъ поля погребеній, объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные обломки и сплавы стекла, находимые въ могилахъ, особенно съ сожженіемъ.

Изъ другихъ предметовъ чаще встрѣчаются слѣдующіе: бусы изъ сердолика, янтаря, коралла и композиціи, подвѣски изъ морскихъ раковинъ, съ продѣтыми въ нихъ бронзовыми кольцами, серебряныя, бронзовыя и желѣзныя фибулы, поясныя пряжки, бронзовыя иглы, шилья и шпильки, бронзовыя кольца и браслеты, желѣзные ножи и серпы, костяные гребешки. [1]) Изъ единичныхъ находокъ особое значеніе имѣютъ три монеты, изъ которыхъ двѣ найдены завернутыми въ матерію подъ спиной скелета въ одномъ изъ погребеній; одна изъ нихъ оказалась серебряной имп. Фаустины младшей, другая—золотой. съ изображеніемъ имп. Гордіана, типа доселѣ неизвѣстнаго.

Нѣкоторые изъ выше перечисленныхъ предметовъ, особенно же стекляные сосуды, фибулы провинціальнаго римскаго типа и, наконецъ, римскія монеты, указываютъ на вліяніе римской культуры и датируютъ эпоху;—послѣднюю можно опредѣлять отъ конца II в. до V в.

---

[1]) Предметы эти изображены на приложенныхъ въ концѣ таблицахъ.

Изъ трехъ могильниковъ, краткія описанія раскопокъ которыхъ приведены въ настоящей работѣ, болѣе тщательному обслѣдованію подвергся могильникъ у с. Черняхова, Кіевскаго у., давшій главную массу находокъ (м. п. и римскія монеты). Могильникъ занимаетъ до 7000 кв. метровъ, а количество погребеній, заключенныхъ въ немъ можетъ быть опредѣлено въ 500—600. Въ изложеніи г. Хвойки отмѣчены болѣе типичныя погребенія, помѣщенъ также планъ могильника и иллюстрирующіе текстъ рисунки. Наряду съ обычными погребеніями вышеуказанныхъ двухъ типовъ, здѣсь, въ двухъ случаяхъ, открыты также деревянные склепы, заключавшіе, повидимому, богатыя погребенія, оказавшіяся, къ сожалѣнію, ограбленными.

Слѣдующій могильникъ—въ с. Романкахъ, Васильковск. у. Здѣсь раскопки были не значительны, но тутъ удалось констатировать тѣ же два похоронныхъ типа и совершенно анологичные черняховскимъ предметы.

Третій могильникъ при с. Зарубинцахъ. Каневскаго у. Могильникъ былъ частью разрушенъ при добываніи камня; произведенныя затѣмъ раскопки дали весьма интересные результаты. Въ данномъ случаѣ также были и сожженія и погребенія, но, судя по добытому инвентарю, могильникъ нужно признать болѣе старымъ, чѣмъ черняховскій и романковскій; здѣсь м. п. посуда приготовлена безъ гончарнаго круга.

Всѣ черепа, добытые изъ этихъ могильниковъ, оказались длинноголовыми.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній, касающихся бытовой стороны жизни племени, оставившаго намъ данные памятники (осѣдлый образъ жизни, устойчивость обрядовъ), г. Хвойка заключаетъ свою работу вопросомъ о народности этого племени. Основываясь на похоронномъ обрядѣ и принимая во вниманіе большое сходство нѣкоторыхъ предметовъ полей погребеній съ таковыми же изъ болѣе позднихъ, несомнѣнно уже славянскихъ могильниковъ, авторъ считаетъ племя полей погребеній—славянскимъ.

Вполнѣ соглашаясь въ данномъ случаѣ съ авторомъ, мы не можемъ, однако, сдѣлать этого по отношенію къ другому, болѣе кардинальному положенію г. Хвойки, высказываемому на послѣднихъ страницахъ его работы. Положеніе это—не является чѣмъ-то новымъ, оно было высказываемо уже давно и не одинъ разъ и въ свое время получало соотвѣтственныя возраженія. Разница лишь въ томъ, что бла-

годаря отрытіямъ въ послѣднее время нѣкоторыхъ новыхъ видовъ памятниковъ, г. Хвойка включилъ и ихъ въ общую сумму, присоединивъ къ прежнимъ. Положеніе это хотя и сложно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и довольно кратко,—именно: и площадки съ до-микенской культурой, и различные греко-скифкіе памятники (городища, могилы, поля погребеній) и, затѣмъ, съ другой стороны, вышеописанныя поля погребеній и другія, относящіяся къ VIII-X в.—все это оставлено намъ въ наслѣдіе однимъ и тѣмъ-же племенемъ—славянами. Главнѣйшими и, повидимому, единственными основаніями для такого положенія служатъ для г. Хвойки распространенность на всемъ этомъ протяженіи вѣковъ обряда сожженія и одинаковость антропологическаго типа (длинноголовость). Но если принять во вниманіе, что какъ обрядъ трупосожженія, такъ и длинноголовость являются обще-распространенными въ доисторическое время и встрѣчаются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ о славянахъ не можетъ быть и рѣчи, то и само положеніе представится намъ необоснованнымъ.

Мы нисколько не отрицаемъ, что при смѣнѣ народностей извѣстныя черты культуры и даже физическаго склада передаются отъ предыдущихъ послѣдующимъ—то же могло быть и въ данномъ случаѣ. Но чтобы судить о племени, какъ о самостоятельной единицѣ, нужно имѣть на лицо всѣ признаки, характеризующіе племя. По отношенію къ древнѣйшимъ насельникамъ нашего юга такихъ признаковъ мы не имѣемъ, да наврядъ-ли когда и будемъ имѣть, а потому и говорить о нихъ, какъ о славянахъ, не вдаваясь въ область гипотезъ и догадокъ,—нѣтъ основаній.

Н. Б.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Въ настоящемъ номерѣ разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Научное Обозрѣніе, № 2, 2) Новое Дѣло, № 1 и 2, 3) Книжка Восхода, № 2, 4) Русскій Архивъ, № 3, 5) Русская Старина, № 3, 6) Труды Кіевской духовной Академіи, № 1—3, 7) Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 3, 8) Журналъ для всѣхъ, № 3, 9) Русское Богатство, № 2, 10) Міръ Божій, № 3, 11) Літературно-науковий Вістник, № 3, 12) Варшавскія университетскія извѣстія, № 1.

Русская Старина, № 3.

Письма С. П. Шевырева къ П. Я. Чаадаеву и Ѳ. И. Іордана къ А. А. Иванову. Сообщилъ В. Шенрокъ. Стр. 593—598.

Въ письмахъ упомянутыхъ лицъ сообщается о смерти Н. В. Гоголя.

А. К. и *Ю. Ф.* «Страшная месть» Гоголя и повѣсть Тика «Пьетро Апоне». Стр. 641—647.

Сличеніемъ отдѣльныхъ отрывковъ изъ повѣстей Гоголя и Тика авторы доказываютъ вліяніе повѣсти послѣдняго на «Страшную месть».

Русскій Архивъ, № 3.

Аѳанасьевъ.—Къ исторіи Черноморскаго флота, съ 1816 по 1853 г. (продолженіе). Стр. 369—458.

Гоголь въ Одессѣ. Стр. 543—562.

Дневникъ нѣкоего Неводчикова, бывшаго домашнимъ учителемъ у Стурдзы, о пребываніи Гоголя въ Одессѣ въ 1850—1851 г.

Труды Кіевской духовной Академіи, кн. 1, 2 и 3.

Вишневскій Д.—Кіевская Академія въ первой половинѣ XVIII ст. Кн. I. 17—60, III. 315—358.

Начало обширнаго историческаго очерка Кіевской Академіи, обнимающее въ напечатанной части систему управленія Академіи, ея ректоровъ и префектовъ, средства содержанія учителей и учениковъ.

Ѳ. Т.—Проф. И. И. Шараневичъ. Кн. I. 162—170.

Некрологъ и обзоръ трудовъ покойнаго Галицкаго ученаго.

Стеллецкій Н.—Религіозно-нравственное міросозерцаніе Гоголя. Кн. II. 185—234, III. 422—441.

Линицкій Н. И.—Нѣсколько словъ о Гоголѣ, какъ нравоучительномъ писателѣ. Кн. III. 442—449.

Ѳ. Т.—Урокъ съ Запада. Кн. III. 450—479.

Библіографическая замѣтка по поводу недавно вышедшей на польскомъ языкѣ исторіи Кіевской Академіи Яблоновскаго.

Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, № 3.

Сергѣевичъ В. И.—Древности русскаго землевладѣнія. IV. Стр. 1—66.

Въ началѣ настоящей главы выясняется вопросъ о происхожденіи тягла и даются свѣдѣнія о формахъ, въ которыхъ оно выражалось въ Кіевскій періодъ русской жизни.

В. Срезневскій. О нѣсколькихъ автографахъ И. П. Котляревскаго. Стр. 110—131.

Авторъ сообщаетъ о бумагахъ И. П. Котляревскаго, сохраняющихся въ Императорской публичной библіотекѣ,—дневникѣ, «Размышленіи о расположеніи, съ какимъ должно приступать къ чтенію и размышленію о св. Евангеліи Луки», черновомъ прошеніи объ отставкѣ, и различныхъ мелкихъ замѣткахъ. Кромѣ того, авторъ останавливается на рукописи «Москаля Чаривныка», хранящейся въ архивѣ И. И. Срезневскаго. Въ приложеніи напечатано прошеніе объ отставкѣ и отрывокъ изъ «Размышленія».

Міръ Божій, № 3.

Котляревскій Н.—Н. В. Гоголь (продолженіе). Стр. 229—261.

Літературно-науковий Вістник, № 3.

Леся Украінка.—Одержима, драма. Стор. 167—178.

Кобилянська.—Земля, оповіданне (далі). Стор. 179—226.

Грінченко Б.—Як я вмер, оповіданне. Стор. 227—241.

Климентія П. Б.—Сільські політики. Стор. 242—246.

Жарко Я.—За хвилину до смерти. 246—249.

Кміт Ю.—Сповідь. Стор. 250—253.

Гарборъ Арне,—Загублений батько (кінець). Стор. 254—263.

Плешкан Ів.—Зачарований край (за Надсоном). Стор. 264—266.

Франко Ів.—Ultra montes. Стор. 136—147.

Раковський.—Поезия в освітленню наук природничих. Стор. 148—171.

Адам Георг.—Із чужих літератур: де-що про румунську літературу. Стор. 172—177.

Уваги на сучасні теми. V. Славянський клюб у Кракові. Б. Л. Стор. 178—180. VI. «Москалі» про «москалефила». Вільхивського. Стор. 181—186.

Хроніка і бібліографія. Стор. 26—38.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Въ Литературно-художественномъ сборникѣ: «На трудовомъ пути» помѣщена біографія Т. Г. Шевченка, составленная Н. И. Стороженкомъ подъ заглавіемъ «Геніальный Горемыка»,—такъ прозвала Шевченка княжна В. Н. Репнина въ одномъ изъ писемъ къ поэту. Это прозвище, по словамъ Н. И. Стороженка, не представляетъ ничего преувеличеннаго, п. ч. Шевченко «обладалъ геніальными поэтическими способностями, которыя заставили нѣкоторыхъ критиковъ, напр. Ап. Григорьева, ставить его на ряду съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ, и не менѣе справедливо, что жизнь его, къ тому же оборванная преждевременной кончиной, была въ полномъ смыслѣ многострадальной». Особенность этой талантливой и тепло написанной біографіи та, что въ ней приведено трогательное письмо Шевченка отъ 10 января 1850 г. къ Дубельту, еще нигдѣ не обнародованное, слѣдующаго содержанія. «Ваше Превосходительство! Походъ въ Киргизскую степь и почти двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моею покорнѣйшею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе 2-хъ лѣтъ, подтвердитъ истину моихъ словъ, ежели угодно будетъ В. П. спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства Вашего передъ августѣйшимъ Монархомъ нашимъ, прошу одной великой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго,—свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ. Умоляю Васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу Васъ, пріймите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей, и Богъ Васъ наградитъ за доброе дѣло». Письмо осталось безъ отвѣта.

Къ біографіи приложены портреты Т. Г. Шевченка и автора—Н. И. Стороженка.

—

Вышла въ свѣтъ изданная въ Полтавѣ (еще въ концѣ прошлаго года) книга А. Грановскаго: «Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи въ 1803 г.) и настоящемъ. Историко-статисти-

ческій опытъ. Выпускъ I». О ней будетъ данъ въ нашемъ журналѣ обстоятельный отзывъ.

—

Въ «Гоголевскомъ Сборникѣ», изданномъ ко дню пятидесятилѣтія смерти Гоголя, редакціей «Дѣтскаго Чтенія» напечатанъ русскій переводъ извѣстной пьесы Гоголя—отца: «Простакъ, или хитрость женщины, перехитренная солдатомъ.

—

Въ № 7295 «Южнаго Края» помѣщена статья проф. Сумцова «Малорусскій элементъ въ творчествѣ Гоголя», посвященная вопросу о вліяніи на творчество Гоголя его украинскаго происхожденія.

—

Въ № 52 «Кіевлянина» помѣщена замѣтка: „Гоголь, какъ историкъ Малороссіи", составляющая пересказъ лекціи г. Каманина по тому же вопросу.

—

Въ статьѣ „Гоголь о музыкѣ и Гоголь въ музыкѣ" („Харьковск. губ. Вѣдомости", № 50) г. Бичъ-Лубенскій даетъ обзоръ оперъ и вообще музыкальныхъ произведеній на Гоголевскіе сюжеты; въ особую группу авторъ выдѣляетъ украинскія оперы Н. В. Лысенка „Утоплену" и „Ризdвяну ничъ".

Оперы г. Лысенка разбираетъ также и г. Энгель въ статьѣ «Гоголь въ музыкѣ» („Русскія Вѣдомости", № 76).

—

Въ газетѣ „Волынь" (№ 59) помѣщена обстоятельная статья г. Мартина Корчинскаго о Богданѣ Залѣскомъ, по поводу столѣтней годовщины его рожденія.

—

28 февраля настоящаго года исполнилось 25-лѣтіе Харьковскаго Историко-филологическаго Общества, однимъ изъ выдающихся дѣятелей котораго былъ покойный профессоръ А. М. Потебня. По этому поводу нѣкоторыя газеты («Южный Край», № 7304, «Харьковск. губ. Вѣдомости», № 56 и «Русскія Вѣдомости», № 63) помѣстили на своихъ столбцахъ статьи, посвященныя обзору дѣятельности Общества и его членовъ за истекшее 25-лѣтіе.

—

Въ газетѣ «Волынь», № 4, 7 и 42, помѣщенъ рядъ очерковъ Б. Гринченка подъ общимъ заглавіемъ: «Изъ новостей украинской

литературы». Въ послѣднемъ очеркѣ даются отзывы о повѣстяхъ Т. Шевченка и А. Свидницкаго, вновь изданныхъ въ 1901 г., о повѣсти г. Эварницкаго «Наша доля—Божа воля», и повѣсти г-жи Яновской «Городянка».

—

Въ 1471 «Приднѣпровскаго Края» напечатана статья г. Пономарева «Эволюція формъ городского общественнаго управленія», посвященная историческому обзору формъ городского управленія на Украинѣ. Матеріаломъ для статьи послужилъ сборникъ «35-лѣтіе черниговскаго городского общественнаго управленія», съ очеркомъ исторіи Чернигова.

—

Въ «Кіевлянинѣ» № 65 помѣщена статья «Выборы Кіевскаго войта въ XVII ст».

—

Въ №№ 1474 и 1475 «Приднѣпровскаго Края» помѣщена интересная статья г. Быкова «Земское запорожье и неземская екатеринославщина». Авторъ объясняетъ современный укладъ жизни екатеринославской губерніи ея прошлымъ, исторію котораго онъ и излагаетъ довольно подробно. Продолженіе статьи обѣщано авторомъ.

—

Газета «Сѣверо-Западное Слово», выходящая въ Вильнѣ, помѣстила въ № 1150 русскій переводъ разсказа Д. Марковича «Иванъ изъ Буджака». Заголовокъ, предшествующій разсказу—«Современные малорусскіе писители» даетъ основаніе предполагать, что газета намѣрена дать цѣлую серію переводовъ изъ украинскихъ писателей.

—

Въ № 1479 «Приднѣпровскаго Края» г. Ковал.-Колом. въ статьѣ «Къ вопросу о начальномъ образованіи» высказывается за введеніе въ начальныхъ школахъ преподаванія на украинскомъ языкѣ.

—

Въ № 42 «Пріазовскаго Края», г. Ященко дѣлаетъ историческую справку по поводу форменной одежды церковныхъ пѣвчихъ. По мнѣнію г. Ященка, этотъ костюмъ съ откидными рукавами заимствованъ первоначально запорожцами у кавказскихъ горцевъ, получилъ затѣмъ широкое распространеніе на Украинѣ, отсюда вмѣстѣ съ архіереями «изъ черкасъ» (малороссіянъ) перешелъ въ Великороссію и

почти повсемѣстно употребляется въ качествѣ пѣвческой формы, сохраняя кое-гдѣ прежнее имя «черкесокъ».

—

Въ № 7299 «Южнаго Края» напечатано продолженіе «Воспоминаній старожила» г. Карпова; въ настоящемъ номерѣ содержится интересный въ бытовомъ отношеніи разсказъ о жизни студентовъ Харьковскаго университета въ старину.

—

Въ № 1136 «Юга» и въ № 26 «Вѣстника Юга» помѣщены краткіе отзывы о книгѣ г. Гринченка «Изъ устъ народа».

—

Въ № 1131 газеты «Югъ» напечатана рецензія на брошюру г. Коваленка «Очеркъ жизни и дѣятельности украинскаго этнографа и народнаго врача С. Д. Носа».

—

Въ № 1150 той же газеты помѣщена обстоятельная рецензія священника Ант. Гри—а на семейную хронику Свидницкаго «Любораць ки».

—

Въ № 1152 той же газеты данъ отзывъ о «Старинномъ малорусскомъ письмовникѣ», изданномъ Б. Д. Гринченкомъ.

—

Въ № 1146 той же газеты г. Ков.-Кол. данъ обзоръ первыхъ книжекъ «Кіевской Старины».

—

Газета «Южное Обозрѣніе» напечатала статью г. Коневскаго, представляющую обстоятельный обзоръ вышедшихъ въ настоящемъ году книжекъ «Кіевской Старины». Отмѣтимъ кстати одну ошибку почтеннаго автора: приписанное имъ Кулишу стихотвореніе «До працi» принадлежитъ на самомъ дѣлѣ Б. Гринченку.

—

Въ «Кубанскихъ обл. Вѣдомостяхъ (№ 34) помѣщена обстоятельная статья: «Кубанская область за десять лѣтъ (1892—1901)», представляющая обзоръ успѣховъ, достигнутыхъ населеніемъ области въ земледѣліи, садоводствѣ, винодѣліи, торговлѣ, промышленности, борьбѣ съ эпидеміями и эпизоотіями, въ народномъ образованіи и въ другихъ сторонахъ культурнаго преуспѣянія.

—

Что и въ маленькой Галиціи хорошая книжка можетъ расходиться въ большомъ количествѣ, указываетъ слѣд. фактъ: извѣстная передѣлка *Ив. Франка «Лис. Микита»* вышла уже 3-мъ изд.; первыя два розошлись въ непродолжительномъ времени въ количествѣ 6000 экземпляровъ (каждое изданіе по 3 тыс. экз.).

—

Въ № 8 журнала «Tygodnik Illustrowany» (стр. 115) помѣщена замѣтка Люціана Невяровскаго «Ieszcze słów kilka o Wołyniu» по поводу статьи Дунина-Корвицкаго «Ceny ziemi na Wołyniu» (въ № 4 того же журнала) Авторъ замѣтки не согласенъ съ мнѣніемъ Дунина-Корвицкаго объ этнографической розни собственной Волыни и Полѣсья. На основаніи историческихъ данныхъ указывается на то, что населеніе Волыни смѣшанное (76% малороссовъ, 12% поляковъ и 12% евреевъ), и прочно обозначить этнографическую границу невозможно.

—

Въ № 6 журнала «Kraj» (стр. 11) помѣщена корреспонденція о намѣреніи русинскихъ и румынскихъ депутатовъ оставить буковинскій сеймъ.

Въ № 7—въ замѣткѣ «W Brazylji» (стр. 11) сообщаются интереeныя подробности объ эмигрантахъ-русинахъ въ Missiones, (въ Аргентинѣ) въ колоніяхъ: Apostoles, Azara, San-Iose. По словамъ корреспондента, галицкіе колонисты гораздо интеллигентнѣе сосѣднихъ французскихъ и нѣмецкихъ крестьянъ.

Въ № 8—(стр. 11—12) сообщается о чествованіи памяти Шевченка «русско-украінськими академиками» въ Вѣнѣ; на стр. 12—кореспонденція изъ Волыни—объ эмиграціонномъ движеніи въ Америку. Въ томъ же № напечатана историческая справка г. Андрея Стороженка о кіевскихъ костелахъ съ XI до конца XVIII ст., основанная на документахъ и современныхъ извѣстіяхъ. Не представляя ничего новаго для лицъ, знакомыхъ съ исторіей Кіева, справка имѣетъ цѣлью исправить неточности, вкравшіяся въ статью того же «Kraj'a» за прошлый годъ (№№ 47 и 48—«Z przeszłosci i terazniejszosci Kijowa).

Въ №№ 9 и 10 того же журнала помѣщена статья Люд. Яновскаго «Akademja Zamojska», по поводу выхода въ свѣтъ двухъ сочиненій объ этой Академіи (ks. *Wadowski* Wiadomość o profesorach Akademji Zawojskiej. Warszawa, 1899-1900 и *Kochanowski*, Dzije Akademji Zawojskiej (1594-1784). Kraków, 1894-1900). Авторъ излагаетъ крат-

кую исторію Академіи и попутно отмѣчаетъ пробѣлы въ упомянутыхъ двухъ трудахъ, напр. отсутствіе свѣдѣній о воспитанникахъ Академіи: Кассіанѣ Саковичѣ, Сильвестрѣ Коссовѣ, Адамѣ Киселѣ.

—

Извѣстнымъ чешскимъ археологомъ д-ромъ Любаромъ Нидерле издается выпусками большое сочиненіе «Славянскія древности». Оно должно замѣнить нынѣ значительно устарѣвшія «Славянскія древности» Шафарика. Вышло уже нѣсколько выпусковъ, посвященныхъ вопросамъ о происхожденіи славянъ, ихъ древнѣйшемъ мѣстожительствѣ, разборѣ древнѣйшихъ о нихъ свидѣтельствъ, данныхъ языка, исторіи и археологіи и т. д. («Русск. Вѣдомости», № 76).

—

Въ №№ 18, 19, 21, 22 и 23 «Руслана» за настоящій годъ помѣщенъ разсказъ покойнаго Александра Як. Конискаго: «*Тревоги автора і видавника*» (з натури). Въ немъ разсказывается о мытарствахъ, какія должна претерпѣвать украинская книжка прежде, чѣмъ появиться въ свѣтъ.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Абрамовъ Ив. Въ культурномъ скиту. (Среди неплюевцевъ). Содержаніе: «Воздвиженская школа—колыбель братства.—Братская колонія. С.-Пб. 1902 г. ц. 75 коп.

Абрамовъ И.—Край Тараса Бульбы. Стр. 32. СПБ., 1902. Цѣна 25 к.

Александровъ А. Н. Памяти Виктора Ивановича Григоровича. Варшава, 1902 г. стр. 33.

Андрю Діксон Уайт.—Розвій географічних поглядів. Із англійского переклав Франко. Літ.-Наук. Библіотека, ч. 23. Стор. 56. У Львові, 1901. Ціна 30 сот.

Барвінський. О.—Вибіръ з украінсько-руськоі літератури для учительських семинарій. У Львові, 1901. Ціна 3 корони.

Грановскій А. Полтавская епархія въ ея прошломъ (до открытія епархіи съ 1803 г.) и настоящемъ (историко-статистическій опытъ). Вып. I. Полтава, 1901., 418 стр.

Гринченко Б.—Оповидання про Ивана Котляревского. Изданіе благотворительнаго Общества, № 14. Стор. 32. С.-Петербургъ. 1902. Цина 3 и 5 коп.

Дністрянський Др.—Австрийске право облігацийне. Вип. I, Правнича библіотека, т. II. Стор. 198. У Львові, 1901. Ціна 2 кор.

Застирец.—Підручна історія рускоі літератури від найдавнійших до найновійших часів. Стор. 79. У Львові, 1902. Ціна 1. 70 кор.

Збірник математично-природописно-лікарськоі секціи. Наук. Товариства ім. Шевченка, Т. VIII, вип. 1. У Львові, 1901.

Каллашъ В. В. Н. В. Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній. М. 1902. Ц. 50 к.

Каталогъ изданій Императорской Академіи Наукъ. I. Изданія на русскомъ языкѣ. Сп. 1902, стр. 188.

Коваленко Гр.—Видъ чого вмерла Мелася? Оповидання про обкладъ. Изданіе благотворительнаго Общества, № 13. Стор. 36. С.-Петербургъ, 1902. Цина 3 коп.

Крымськый А. Е.—Изъ повистокъ и эскизивъ. Выдання друге, выправлене. № 5. Стор. 138. Москва, 1902. Цина 50 к.

Малинка Ал. Н. Сборникъ матеріаловъ по малорусскому фольклору (Черн., Вол., Полт., и др. губ.). Колядки, щедровки, пословицы, заговоры, народная медицина, примѣты, разсказы и сказки. Черниговъ, 1902, стр. 388. [illegible] XXI + 388.

Милорадовичъ Г. А., графъ. Родословная книга Черниговскаго дворянства. Т. I, части 1 и 2. Т. II, части 3, 4, 5, 6 и приложенія. С.-Петербургъ, 1901. Цѣна за оба тома 6 р.

Павловъ Н. М. Русская исторія до новѣйшихъ временъ. (Вторые пять вѣковъ перваго тысячелѣтія). (1362—1862). Томъ I. Москва, 1902. Ц. 1 р. 50 к.

Памятка 25-лѣтнього ювилея вступленя на апостольскій престолъ папы Льва XIII. Перемышль, 1902.

Руданськый Степанъ.—Творы, т. I. № 4. Стор. IV+267. Кывъ, 1902. Цина 50 коп., на кращ. пап. 75 коп.

Твейн М.—Збѣрка начеркѣвъ. Библіотека найзнаменитшихъ повѣстей, т. LXV. Стор. 280. У Львові, 1901. Ціна 1. 60 кор.

Франко Ів.—Лис-Микита. Вид. руськ. Педагогичного Товариства, ч. 100. Стор. XVI+144. У Львові, 1902. Ціна 1 кор.

Франко Ів.—Украдене щастя, драма в 5 діях (Літ.-Наук. Библіотека, ч. 24. Стор. 118. У Львові, 1901. Ціна 50 сот.

Часопись правнича і економічна. Т. Ш. У Львові, 1901. Ціна 3 кор. Зміст: 1) Др. Ст. Дністрянський—Права рускоі мови

у Львівскім університеті. Стор. 1—38. 2) Др. Гвоздецький—Причинки до науки про умовну кару, 1—19. 3) М. Новаковський—Поступованє въ спорах з найму і аренди, 1—31. 4) Др. Дністрянський—Австрийське право облігацийне (далі), стор. 93—198. 5) Оцінки і реферати, 1—33. 6) Miscellanea, 34—42.

Чикаленко Е.—Розмова про сельске хазяйство, 3-тя книжка. Выданнѧ друге—благотворительнаго Общества, № 15. Стор. 40. Спб., 1902. Цина 5 коп.

Чтенія въ Истор. Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. XV, вып. 1—3. 1901, ц. 4 р. 25 к.

Шевченко Т.—Поезиі. Виданнє т-ва «Просьвіта». Стор. 698. У Львові, 1902. Ціна 2 корони.

Шпойнаровський.—Руска Читанка для другоі кляси шкіл середних. Стор. 272, Черпівці, 1901. Ціна 2.80 кор.

Археологическая лѣтопись.

Къ археологическому съѣзду въ Харьковѣ.

18-го февраля состоялось засѣданіе предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ г. Харьковѣ.

Проф. *М. С. Дриновъ* сообщилъ свои замѣчанія о важности этнографическихъ наблюденій А. Ѳ. Музыченка надъ болгарскими колонистами Ѳеодосійскаго уѣзда и познакомилъ съ его трудами, посвященными изученію быта, поэтическихъ произведеній этихъ колонистовъ.

Проф. *Д. И. Багалѣй* доложилъ сообщеніе *В. Василенка* «Къ вопросу о толковомъ словарѣ украинской народной терминологіи». Авторъ доказываетъ необходимость собиранія матеріаловъ для составленія по каждой губерніи толковыхъ словарей туземной технической терминологіи. Эти, такъ сказать, частные словари должны послужить матеріаломъ для общаго Украинскаго техническаго словаря со включеніемъ матеріаловъ по прежнимъ печатнымъ источникамъ (Максимовичъ, Номисъ, Чубинскій, Гринченко и др.). При этомъ въ общій словарь должна быть включена терминологія не только по кустарнымъ промысламъ, но и по земледѣлію, метеорологіи, пчеловодству, садоводству и т. п. Украинцы имѣютъ по всякимъ прикладнымъ знаніямъ вѣковой опытъ и наблюденія и своимъ образнымъ языкомъ давно назвали различныя проявленія небесныхъ явленій, земной растительности,

домашнихъ и дикихъ животныхъ и всякую тварь. Далеко не все это извѣстно и нужно многое записать изъ устъ народа.

Докладъ г. Василенка вмѣстѣ съ инструкціей и программой собиранія матеріаловъ по технической терминологіи рѣшено напечатать въ «Трудахъ» комитета, и кромѣ того доложить его на съѣздѣ.

Заслушано сообщеніе *А. Еленева* о раскопкѣ «Острой Могилы», находящейся въ Славяносербскомъ уѣздѣ Екатеринославской губ. Паловской волости, въ имѣніи «Орловкѣ» Еленева. При раскопкѣ найдены: каменный дискъ, кремневая стрѣла, желѣзный предметъ и три погребенія, изъ коихъ одно было съ двумя скелетами, положенными между необтесанными плитами, на лѣвомъ боку.

Проф. *Е. К. Рѣдинъ*, помимо нѣкоторыхъ другихъ сообщеній, доложилъ: 1) о присылкѣ Императорской академіей наукъ пяти картъ для картографической выставки при съѣздѣ; 2) отчетъ Екатеринославской коммиссіи по собиранію матеріаловъ для XII археологическаго съѣзда, 3) предложеніе г. Сулимы (Новочеркасскъ)—продать свою этнографическую коллекцію (постановлено—просить о присылкѣ ея на выставку); 4) сообщеніе свящ. Спѣсивцева о произведенныхъ имъ изслѣдованіяхъ мѣстъ стоянокъ каменнаго вѣка и жилищъ кочевниковъ, съ приложеніемъ плана мѣстъ находокъ всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые переданы имъ въ комитетъ и музей древностей харьковскаго Университета (постановлено—просить свящ. Спѣсивцева доложить сообщеніе на съѣздѣ), 5) сообщеніе г-жи Литвиновой о присылкѣ ею введенія и описанія рисунковъ для издаваемаго комитетомъ альбома малорусскаго орнамента на основаніи ея собранія (постановлено благодарить г-жу Литвинову за ея цѣнный и важный трудъ); 6) сообщеніе М. Р. Кіянова о готовности предоставить свою коллекцію гравированныхъ портретовъ малороссійскихъ гетмановъ для выставки.

Въ члены комитета избрана г-жа Литвинова (Глуховъ, Черниговской губ.).

Комитетъ выражаетъ глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, приславшимъ сообщенія и предметы для выставокъ и музею древностей Университета.

Е. Р.

Ученыя общества.

12 марта, подъ предсѣдательствомъ Б. И. Ханенка, состоялось *годичное общее собраніе членовъ Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ*. Собранію были доложены: докладъ правленія о его дѣятельности въ 1901 г., денежный отчетъ и смѣта на 1902 г. По выслушаніи вышеуказанныхъ докладовъ и по утвержденіи нѣкоторыхъ вопросовъ, были произведены выборы какъ должностныхъ лицъ, такъ и новыхъ членовъ Общества. Приводимъ нѣкоторыя данныя изъ отчета за 1901 г.

Членовъ Общества въ 1901. г. состояло 178. Наличность имущества представляется въ слѣдующемъ: зданіе Музея съ новой пристройкой—239,148 р. 90 к., движимость въ коллекціяхъ и обстановкѣ—26,294 р. 65 к., въ деньгахъ—1,860 р. 34 к., въ долгахъ Обществу—168 р. 65 к., всего—267,472 р. 54 к.

Въ теченіе 1901 г. въ Музей поступило отъ 13 лицъ и учрежденій 800 предметовъ (главное количество ихъ составляетъ часть собранія гр. А. А. Бобринскаго), и на 1 января 1902 г. коллекціи Музея заключали предметами и книгами 7779 номеровъ.

Въ 1901 г. правленіе Общества, заботясь объ обезпеченіи содержанія Музея, подало почетному предсѣдателю Общества вел. кн. Владиміру Александровичу докладную записку съ изложеніемъ положенія дѣла и ходатайствомъ о субсидіи. Записка имѣла послѣдствіемъ ассигнованіе изъ средствъ Госуд. Казначейства по 1500 р. ежегодно.

Общество, кромѣ того, получаетъ городскую субсидію въ 1000 руб., но эти средства оказываются очень недостаточными для покрытія всѣхъ расходовъ по содержанію зданія и служащихъ, вслѣдствіе этого настоящее собраніе вновь уполномочило правленіе на ходатайство по данному предмету.

Дѣятельность правленія въ 1901 г. сосредоточивалась, главнымъ образомъ, на приведеніи въ окончательный видъ зданія Музея и въ устройствѣ новой пристройки, заключающей въ себѣ парадную лѣстницу на второй этажъ. Кромѣ того, правленіемъ были устроены въ Музеѣ выставки картинъ, археологическая и предметовъ старины Юго-западнаго края XV—XIX вв.; выставки привлекли довольно значительное число посѣтителей.

Въ составъ членовъ правленія, произведенными въ концѣ засѣданія выборами, избранъ А. Н. Терещенко, а въ члены контрольнаго комитета—В. Л. Береншгамъ. Собраніе утвердило затѣмъ въ должности директора Музея предложеннаго правленіемъ члена правленія Н. Ф. Бѣляшевскаго.

Отчетъ о дѣятельности Общества изслѣдователей Волыни за 1901 г. Приводя данныя о дѣятельности Общества за минувшій первый годъ своего существованія, отчетъ самъ отмѣчаетъ, что, имѣя въ виду такую серьезную и широкую задачу, какъ всестороннее обслѣдованіе Волыни, общество, за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ, не могло за короткій срокъ своей дѣятельности развить ее въ желательной мѣрѣ.

При всемъ томъ, кое-что сдѣлано и, на нашъ взглядъ, даже сдѣлано не мало. Прежде всего, секціи намѣтили себѣ каждая свою работу и выработали соотвѣтствующія программы. Секція естественныхъ наукъ намѣтила изслѣдованіе флоры и фауны Волыни и собираніе матеріаловъ для составленія геологической карты. Вторая секція этнографическая—собираніе по составленной уже детальной программѣ свѣдѣній о народныхъ вѣрованіяхъ и суевѣріяхъ и по внѣшнему быту, (предполагается составить программы и по другимъ отдѣламъ). Третья секція экономическая—статистическо-экономическое обслѣдованіе и, наконецъ, четвертая историческая—собираніе матеріаловъ по библіографіи Волыни, біографіи дѣятелей ея, составленіе историко-географическаго словаря; предположена организація экскурсій; приняты мѣры къ охраненію археологическихъ памятниковъ; осуществлены экскурсіи предсѣдателемъ секціи Я. В. Яроцкимъ въ овручскомъ уѣздѣ и членомъ секціи О. А. Фотинскимъ въ острожскомъ уѣздѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтъ Общества предпринялъ начатое печатаніемъ изданіе трудовъ Общества.

Общество изслѣдователей Волыни, распадающееся на четыре секціи—естественныхъ наукъ, этнографическую, экономическую и историческую, насчитываетъ въ настоящее время 157 членовъ. Совѣтъ Общества, избранный учредительнымъ собраніемъ 2-го декабря 1900 г., состоялъ: изъ предсѣдателя г. начальника губерніи І. Я. Дунинъ-Борковскаго, вице-предсѣдателя В. С. Ногай-

скаго, предсѣдателя секцій 1—Р. О. Собкевича, 2—Е. И. Щербицкаго, 3—Я. В. Яроцкаго и 4—протоіерея Н. Н. Трипольскаго.

Въ теченіе года произошли слѣдующія перемѣны: за отказомъ протоіерея Н. Н. Трипольскаго, предсѣдателемъ исторической секціи избранъ предсѣдатель экономической секціи Я. В. Яроцкій, предсѣдателемъ же экономической секціи А. П. Старосвѣтскій. За отказомъ предсѣдателя этнографической секціи Е. И. Щербицкаго, избранъ членъ секціи О. А. Фотинскій.

Совѣтъ Общества имѣлъ шесть засѣданій. Въ этихъ засѣданіяхъ контролировались суммы Общества, установленъ порядокъ сношеній секцій съ разными учеными обществами, постановлено издавать труды Общества, организовать чтеніе публичныхъ лекцій, къ чему привлечь членовъ Общества.

Секція естественныхъ наукъ имѣла 2 засѣданія. Секція этнографическая имѣла 5 засѣданій. Были прочитаны слѣдующія сообщенія: О. А. Фотинскимъ—о важнѣйшихъ задачахъ этнографической секціи; В. Г. Кравченкомъ—изъ наблюденій собирателя этнографическихъ матеріаловъ и крестьянская свадьба въ с. Курозванахъ, острожскаго уѣзда. Кромѣ того, въ соединенномъ засѣданіи 2 и 4 секціи О. А. Фотинскимъ былъ сдѣланъ докладъ—исторія народныхъ обычаевъ ковельскаго уѣзда. По экономической секціи состоялось 4 засѣданія. Историческая секція имѣла шесть засѣданій. Были прочитаны слѣдующіе рефераты: С. С. Гамченкомъ—о задачахъ исторической секціи Общества изслѣдователей Волыни; Н. П. Авенаріусомъ—башня Владимира Васильевича въ Каменцѣ-Литовскомъ; О. А. Фотинскимъ—исторія Дорогобужа въ связи съ исторіей средней Погорыни; Я. В. Яроцкимъ—важнѣйшіе вопросы, возникающіе при изученіи первобытныхъ древностей Волыни; ревизія Владиміро-Волынской повѣтовой школы въ 1803 г.; краткій отчетъ о раскопкѣ Рѣчицкаго могильника.

Музей Общества состоитъ изъ коллекцій: 1) минераловъ и почвъ, 2) палеонтологической, 3) нумизматической и 4) археологической. Первыя три, переданныя въ вѣдѣніе Общества распорядительнымъ комитетомъ публичной библіотеки, въ порядокъ еще не приведены и надлежащей описи имъ не составлено. Коллекція же археологическая слагается: 1) изъ коллекціи каменныхъ орудій и иныхъ предметовъ древностей, переданныхъ Обществу комитетомъ библіотеки и собранныхъ членомъ Общества Я. В. Яроц-

кимъ; 2) изъ коллекцій литографій, гравюръ и фотографій, переданныхъ Я. В. Яроцкимъ въ распоряженіе общества; 3) двухъ коллекцій предметовъ древности, найденныхъ въ овручскомъ уѣздѣ; 4) коллекціи дрогичинскихъ пломбъ и др. дрогичинскихъ древностей, пожертвованныхъ Н. П. Авенаріусомъ; 5) коллекціи каменныхъ орудій изъ Кременецкаго уѣзда, собранныхъ и пожертвованныхъ г-жей Пухляковой. Наконецъ, сюда же относится серебряный аграфъ княжеской эпохи, пожертвованный В. С. Ногайскимъ, кремневое долото изъ Житомирскаго уѣзда, пожертвованіе М. И. Корчинскаго. Архивъ общества составляетъ около 300 рукописныхъ документовъ, собранныхъ и пріобрѣтенныхъ Я. В. Яроцкимъ. («Волынь»).

—

Въ состоявшемся 9 марта очередномъ засѣданіи *Научнаго Общества въ г. Екатеринославѣ* былъ заслушанъ докладъ Н. В. Быкова о задачахъ архивной коммиссіи по организаціи областного музея имени А. Н. Поля. По окончаніи доклада, предсѣдатель собранія А. С. Синявскій коснулся болѣе важныхъ сторонъ вопроса о возможно широкой работѣ членовъ Общества по собиранію археологическихъ памятниковъ и остатковъ запорожской старины. Для этого постановили возбудить ходатайство объ открытіи архивной комиссіи. («Вѣстникъ Юга»).

Музеи и собранія древностей.

Музей при «Науковім Товаристві ім. Шевченка» во Львовѣ. Въ XLIII т. «Записок Наук. Тов. ім. Шевченка» помѣщена «Відозва до ш. земляків», касающаяся вопроса объ устройствѣ при Товариствѣ музея.

Передаемъ содержаніе этого обращенія; оно въ общихъ чертахъ слѣдующее.

Уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ выставлены для обозрѣнія публики коллекціи музея Товарищества, которое въ теченіе многихъ лѣтъ чувствовало потребность въ учрежденіи украинско-русскаго музея и въ собираніи для него предметовъ. Переходъ Товарищества въ концѣ 1900 г. въ новое помѣщеніе далъ возмож-

ность осуществить эти стремленія, и теперь, при канцеляріи Товарищества, можно осматривать:

1) Коллекцію портретовъ наиболѣе извѣстныхъ украинско-русскихъ дѣятелей.

2) Коллекцію автографовъ украинско-русскихъ писателей и дѣятелей.

3) Коллекцію фотографій болѣе извѣстныхъ лицъ и достопримѣчательныхъ мѣстностей Украины-Руси.

4) Коллекцію древностей, въ которую входятъ слѣдующія болѣе интересныя собранія: изъ похороннаго поля с. Чехивъ (культура, переходная отъ камня къ желѣзу, раскопки М. Грушевскаго); находки изъ Звенигорода галицкаго, подаренныя М. Мекелитою (каменная, переходная и славянская культуры); находки съ Княжей горы: кромѣ того, много единичныхъ находокъ изъ разныхъ другихъ мѣстъ.

Пока еще приводятся въ порядокъ—этнографическія коллекціи (писанокъ, вышивокъ, кустарныхъ издѣлій, старинныхъ и новыхъ костюмовъ и т. д.).

Въ интересахъ расширенія и пополненія вновь основаннаго музея, Товарищество и обращается ко всѣмъ интересующимся и сочувствующимъ съ просьбой о помощи въ организаціи музея. Хотя, съ своей стороны, Товарищество не жалѣетъ на это дѣло своихъ скромныхъ средствъ (въ смѣтѣ на настоящій годъ на этотъ предметъ ассигновано 1500 кронъ), но главнымъ образомъ надѣется на сочувствіе общества.

Вотъ краткій перечень того, что желательно сосредоточить въ музеѣ:

а) Древности: предметы изъ раскопокъ и находокъ въ предѣлахъ украинско—русской территоріи (съ возможно полнымъ указаніемъ мѣста и обстоятельствъ находокъ). Здѣсь указывается, между прочимъ, что по отношенію къ памятникамъ славянской старины особенно было бы интересно собирать такія находки на мѣстахъ древне-русскихъ городовъ, каковы Перемышль, Теребовля, Галичъ и др.; народные учителя, пріучая дѣтей приносить такія находки въ обмѣнъ на перья, мелкія монеты и т. п., могли-бы собрать прекрасныя коллекціи, какъ это напр. сдѣлалъ г. Мекелита (изъ Звенигорода Галицкаго). Находки монетъ имѣютъ значеніе лишь тогда, когда извѣстно мѣсто находки и

если монеты болѣе или менѣе древнія—не позже XV в.; болѣе позднія только тогда интересны, когда образуютъ систематическія коллекціи.

б) Старинная посуда, инструменты, одежда, различные старые образцы мѣстныхъ промысловъ—рѣзьба по дереву и металлу, инкрустаціи, ковры, вышивки и т. п.

в) Старинныя иконы, портреты, переплеты.

г) Старопечатныя книги русскихъ типографій.

д) Старинныя рукописи и документы.

е) Автографы украинско—русскихъ писателей и дѣятелей.

ж) Картины и гравюры новѣйшихъ мастеровъ—украинцевъ или на украинско-русскія темы.

з) Вышивки, писанки, рѣзныя издѣлія, образчики ткацтва и другихъ современныхъ промысловъ.

—

Въ областной Екатеринославскій музей имени А. Н. Поля пожертвована проф. Д. И. Эварницкимъ его коллекція древностей разныхъ періодовъ и остатковъ запорожской старины. Кромѣ того, между другими пожертвованіями, поступили въ музей: каменная баба—отъ директора трубопрокатнаго завода г. Маттео, старинный мечъ—отъ инженера г. Юргевича, старинный крестъ XVI вѣка съ финифтью, три куска мозаики изъ развалинъ Помпеи и минералы изъ горъ Гарца—отъ профессора В. В. Курилова, наконечникъ бронзовой скифской стрѣлы и раковины третичной эпохи, добытые геологомъ Соколовымъ при рытьѣ колодца на Мандрыковкѣ—отъ Н. В. Быкова, нѣсколько жалованныхъ грамотъ—отъ Н. В. Чехова, каменная пряслица, русскія монеты XVII—XVIII вѣка, Ипатская и Лаврентьевская лѣтописи—отъ А. С. Синявскаго. Кромѣ того, обѣщаны значительныя пожертвованія коллекцій естественно-историческихъ, въ частности, геологическая отъ С. А. Бродницкаго и отъ другихъ лицъ. При передаваемыхъ музею предметахъ, а равно въ каталогахъ музея будутъ сохранены навсегда имена жертвователей—создателей музея на пользу роднаго края. Въ настоящее время положено начало естественно-историческому и археологическому отдѣламъ музея. Въ дальнѣйшемъ, при благопріятномъ развитіи дѣла, предположены отдѣлы:

искусствъ, экономики, географическій съ фотографическимъ отдѣленіемъ, а также и торгово-промышленный, по образцу подобнаго музея въ Варшавѣ. Торжественное открытіе музея предположено 6-го мая, въ годовщину основанія Научнаго общества, но, вѣроятно, удастся сдѣлать музей доступнымъ для осмотра публики сейчасъ-же послѣ Пасхи. («Приднѣпр. Край»).

—

«Вѣстникъ Юга» сообщаетъ о рѣдкихъ археологическихъ багатствахъ, находящихся въ Новомосковскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губ., въ имѣніи гофмейстера Алексѣева. Въ саду, при усадьбѣ въ имѣніи, находится 21 каменная баба, затѣмъ здѣсь же находятся 6 пушекъ малаго калибра, изъ которыхъ 4—на осадныхъ лафетахъ, и 6 осадныхъ орудій безъ лафетовъ; всѣ орудія вылиты изъ чугуна и на нѣкоторыхъ указанъ годъ литья—1727—1728. Въ домѣ хранится масса цѣнныхъ коллекцій древнихъ монетъ, рукописей и другихъ предметовъ, составляющихъ большую археологическую цѣнность.

—

Число лицъ, посѣтившихъ Лубенскій Музей Е. Н. Скаржинской въ 1898—1901 г. Секретаремъ Лубенскаго Музея С. К. Кулжинскимъ намъ любезно доставлена вѣдомость о числѣ посѣтителей музея. Вѣдомость эта подробная, но за краткостью мѣста, мы принуждены привесть лишь годичные итоги.

Въ 1898 г. посѣтителей было 62, въ 1899—64, въ 1900—331, въ 1901—771, итого 1228.

Эта краткая справка съ очевидностью говоритъ за усиливающійся въ послѣднее время интересъ публики къ Музею.

Музей находится въ 5-ти верстахъ отъ г. Лубенъ и, вслѣдствіе этого, главный процентъ посѣтителей составляютъ лубенцы,—за послѣдній годъ Музей посѣтило изъ общаго числа 771—581 жителей Лубенъ и окрестностей.

Такимъ образомъ труды, затрачиваемые владѣлицей на устройство и пополненіе Музея, не остаются безплодными—Музей выполняетъ свое назначеніе—служить, помимо научныхъ, и цѣлямъ просвѣщенія окрестнаго населенія.

Изслѣдованія и раскопки.

Стоянка палеолитической эпохи у с. Селища, Каневск. у. Кіевской губ. Въ прошломъ году священникъ с. Селища П. М. Дзбановскій сообщилъ Кіевскому Обществу Древностей и Искусствъ, что въ оврагахъ, прилегающихъ къ селу, по мѣрѣ размыванія ихъ, находятъ много костей мамонта. Вслѣдствіе этого заявленія хранитель Кіевскаго Музея В. В. Хвойка отправился на мѣсто и произвелъ осмотръ овраговъ. Оказалось, что, дѣйствительно, въ оврагахъ, на протяженіи двухъ верстъ, залегаетъ большое количество костей мамонта, которыя, по мѣрѣ размыванія склоновъ овраговъ, вываливаются наружу. Осмотръ, произведенный г. Хвойкой не далъ пока никакихъ данныхъ, указывающихъ на присутствіе здѣсь стоянки первобытнаго человѣка.

Не обнаружилъ здѣсь слѣдовъ человѣка и В. И. Лучицкій, посѣтившій Селище въ августѣ прошлаго года съ геологическими цѣлями. В. И. Лучицкій любезно сообщилъ намъ нижеслѣдующія наблюденія о положеніи костей мамонта.

«Мамонтъ залегалъ здѣсь въ лессовидномъ суглинкѣ послѣледниковаго возраста, въ оврагѣ «Губчинъ яръ»; кверху суглинокъ переходитъ въ типичный лессъ. Мощность породъ надъ мамонтомъ—около $4^1/_2$ саж.; совмѣстно съ костями мамонта въ суглинкѣ встрѣчаются и раковины моллюсковъ—Pupa muscorum, Succinea и др. Насколько мнѣ извѣстно, здѣсь были найдены слѣдующія кости, принадлежащія одному и тому-же мамонту: кости черепа, бивень, нѣсколько зубовъ съ обломками челюстей, нѣсколько позвонковъ, куски реберъ, кости таза, нѣсколько костей конечностей (часть этихъ костей находится въ настоящее время въ университетѣ св. Владиміра). Вообще, окрестности с. Селища весьма богаты костями мамонта, которыя выносятся, главнымъ образомъ, изъ большого Студенецкаго оврага, между сс. Селище и Бобрица. Мнѣ удалось наблюдать бивень молодого мамонта въ томъ-же Губчиномъ оврагѣ, въ лессовидномъ суглинкѣ, а въ оврагѣ «Ѳоминивщина», ыпадающемъ въ с. Селище, въ пескѣ, подлежащемъ лессу,—бивень взрослаго мамонта.»

Повидимому, счастливѣе были развѣдки въ той-же мѣстности редактора «Ежегодника по геологіи и минералогіи Россіи» Н. І. Криштафовича. На XI съѣздѣ естествоиспытателей и врачей въ

Петербургѣ имъ былъ прочтенъ докладъ: «Станціи древнѣйшаго палеолитическаго человѣка на территоріи Европейской Россіи и ихъ геологическій возрастъ», гдѣ сообщается объ изслѣдованіи такой станціи и у с. Селища. Г. Криштафовичемъ встрѣчены здѣсь въ большомъ количествѣ кости мамонта съ различными кремневыми орудіями древне—палеолитическаго характера. По словамъ г. Криштафовича, станцію у селища можно сравнить съ такой-же Ново-Александрійской, имъ обслѣдованной, и съ Кіевской (на Кирилловской ул.). Докладчикъ полагаетъ, что всѣ онѣ одного и того-же возраста и относятся къ межледниковому періоду.

Какъ сообщаетъ намъ Н. І. Криштафовичъ, результаты его наблюденій у с. Селища будуть въ непродолжительномъ времени опубликованы въ «Ежегодникѣ по геологіи и минералогіи Россіи»—по выходѣ въ свѣтъ этого изданія, мы постараемся дать болѣе подробныя свѣдѣнія о стоянкѣ у с. Селища.

—

Раскопки кургана при д. Луговкѣ, Мглинск. у. Черниговск. г. Учителемъ народнаго училища С. А. Гатцукомъ прислано подробное описаніе раскопокъ одного изъ кургановъ могильника у д. Луговки, произведенныхъ прошлымъ лѣтомъ. Помѣщаемъ здѣсь краткія свѣдѣнія, извлеченныя изъ этого отчета. Луговской могильникъ расположенъ на высокомъ берегу рѣки Ипуть, занимаетъ площадь отъ 1 до $1^1/_4$ десятины и заключаетъ 30 кургановъ. Большинство кургановъ сохранилось въ цѣломъ видѣ, высотой отъ $2^1/_2$ до 3-хъ арш. и діаметромъ 10—12 арш. Нѣкоторые изъ кургановъ имѣютъ круговыя канавки.

Раскопкой одного кургана обнаружено погребеніе на поверхности земли; костякъ лежалъ головой на западъ; никакихъ вещей при немъ не найдено.

Въ насыпи кургана, въ сѣверной его части, открыты остатки какого-то кирпичнаго склепа, повидимому позднѣйшаго происхожденія.

Характеръ могильника и погребальный типъ указываютъ на то, что Луговской могильникъ—славянскій, сравнительно поздній.

—

„Кіевская Старина“ выходитъ въ 1902 году, по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ, 1-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ 14 и болѣе листовъ. По мѣрѣ надобности, прилагаются портреты и рисунки.

Продолжается подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ на 1902 г.

Цѣна за 12 книгъ, съ приложеніями и рисунками, **10 р.** съ доставкою и пересылкою; на мѣстѣ **8 р. 50 к.** Разсрочка допускается по соглашенію съ редакціею.

Подписка принимается въ редакціи журнала **„Кіевская Старина“**. Мар.-Благовѣщенская, № 60.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку журнала только предъ лицами, подписавшимися въ редакціи и въ книжномъ магазинѣ „Кіевской Старины“ (Безаковская, 14).

Въ случаѣ неполученія какой-либо книжки журнала, гг. подписчики благоволятъ немедленно по полученіи слѣдующей книжки прислать заявленіе о неполученіи въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтоваго учрежденія.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за годы 1883, 1884, 1885, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895, 1896, 1897, 1898, 1899, 1900, и 1901 по **8 р.** за 12 книжекъ, съ пересылкою **10 р.** При покупкѣ за всѣ годы 20% уступки. Отдѣльныя книги журнала по **1 р.**

Редакторъ-издатель **В. П. Науменко.**